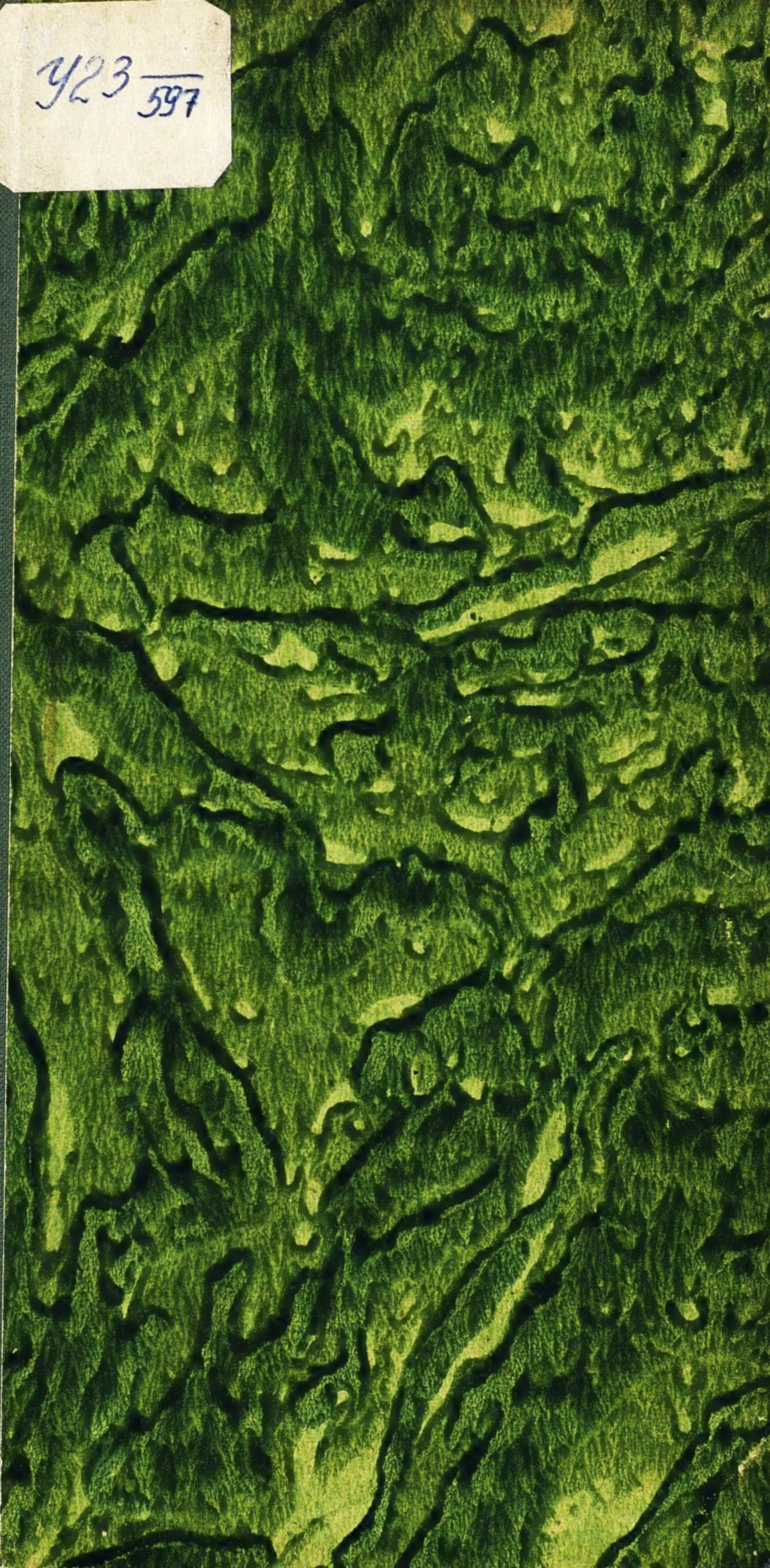

У23 597

Лекціи, статьи и рефераты по общественно-юридическимъ наукамъ и отдѣльнымъ общественнымъ вопросамъ.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРАВА.

Составл. по лекціямъ Н. П. ЗАГОСКИНА, Владимірскаго-Буданова, Дьяконова, А. Н. Филиппова, В. Латкина и В. Сергѣвича.

Типо-Литографія В. В. Вараксина въ Казани.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Приступая къ изданію конспекта по „Исторіи русскаго права" мы имѣли въ виду дать возможность нашимъ товарищамъ, прослушавшимъ полный курсъ, воспроизвести въ памяти все то существенное, что должно быть положено въ основаніе при изученіи этой науки.

Главными источниками при составленіи этого конспекта служили: Владимірскій—Будановъ: „Обзоръ изученія исторіи русскаго права"; научный трудъ нашего проф. „Исторія права русскаго народа", его-же:—„Исторія русскаго права" (1885—1886) и, главнымъ образомъ, обширный рукописный матеріалъ, который былъ любезно предложенъ намъ проф. Н. П. Загоскинымъ, за что приносимъ ему свою глубочайшую благодарность; а также пользовались еще и слѣдующими научными трудами:—Дьяконовъ. Очерки обществ. и государст. быта древней Руси; А. Н. Филипповъ. Учебн. ист. русск. права; В. Сергѣевичъ. Русскія юрид. древности и его-же—Лекціи и изслѣдованія.

Въ расположеніи собраннаго матеріала мы старались придерживаться, какъ можно ближе, утвержденной факультетской программы, что вызвано ближайшей цѣлью нашего изданія.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРАВА.

ЧАСТЬ I.

УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ.

Раздѣлъ первый: Русь удѣльно-вѣчевая.

Исторія русскаго права имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе постепеннаго хода развитія той духовной стороны жизни русскаго народа, которая извѣстна подъ названіемъ права; она должна имѣть своей задачей изслѣдованіе генезиса и историческаго развитія русской правовой жизни въ ея правосознаніи, институтахъ и правоотношеніяхъ въ связи съ историческими судьбами русскаго народа и развитіемъ его государственнаго и общественнаго строя, какъ той внѣшней формы, въ которой эта правовая жизнь народа находитъ себѣ содержаніе.

Историческая жизнь русскаго народа въ своемъ теченіи представляетъ намъ три большихъ періода, рѣзко отличающихся одинъ отъ другого, это періоды: Удѣльный, Московскій и С.-Петербургскій.

На такіе періоды распадается и исторія развитія правовой русской жизни, такъ какъ послѣдняя является лишь одной изъ многихъ сторонъ развитія народной жизни вообще.

I. Началомъ Удѣльнаго періода является призваніе Варяго-русскихъ князей въ 862 году, концомъ же—годъ восшествія на престолъ Іоанна IV-го (1533 г.). Эпохой татарскаго завоеванія (1240 г.) этотъ періодъ раздѣляется на два второстепенныхъ: a) Удѣльно-вѣчевой, который характеризуется развитіемъ Удѣльно-вѣчевой системы, выразившейся въ раздробленіи русской земли, и b) періодъ Московской централизаціи, подготовляющій собой постепенное объединеніе всѣхъ русскихъ областей подъ единодержавной властью Московскихъ царей.

II. Московскій періодъ, простирающійся отъ 1533-го по 1703 годъ—годъ основанія Петромъ Великимъ С.-Петербурга, представляетъ постепенное развитіе русской жизни подъ единодержавной властью русскихъ царей. Господствовавшее

въ предыдущій періодъ договорное начало въ Московскій періодъ смѣняется новымъ началомъ—закрѣпленія всѣхъ государственныхъ элементовъ государственнымъ интересамъ, что ведетъ къ образованію сословій, которыхъ до сего времени не знала русская земля.

III. С.-Петербургскій періодъ, подобно удѣльному дѣлится на два второстепенныхъ: первый періодъ до восшествія на престолъ Александра II (1855 г.), и второй—послѣдующихъ царствованій. Первый изъ этихъ періодовъ представляетъ эпоху коренныхъ реформъ русской жизни, внесшихъ въ нее совершенно новыя начала, заимствованныя изъ западной Европы, а второй—періодъ коренныхъ преобразованій, но совершенно отличныхъ отъ предшествовавшихъ, направленныхъ къ уничтоженію крѣпостничества и ослабленію идеи строгой государственной централизаціи, господствовавшихъ въ предыдущую эпоху.

Въ памятникахъ нашего древняго права, извѣстныхъ подъ наименованіемъ договоровъ русскихъ князей съ греками, русская историко-юридическая наука впервые встрѣчается съ болѣе или менѣе отчетливыми отраженіями политическаго, общественнаго и правового порядка нашихъ предковъ Х-го столѣтія. Здѣсь впервые формулированы въ письменной формѣ древнѣйшія нормы обычнаго права восточно-русскихъ славянъ; здѣсь впервые возвѣщается о существованіи „закона русскаго“, „закона и покона языка нашего“.

Договоры русскихъ съ греками являлись, обыкновенно, результатомъ походовъ, предпринимаемыхъ князьями на Византію. Лѣтопись повѣствуетъ намъ о договорѣ съ греками Олега, заключенномъ имъ послѣ похода на Царьградъ въ 907 г.; о договорѣ князя Игоря—945 г. и о договорѣ Святослава 971-го года. Послѣдній историко-юридическаго значенія не имѣетъ, такъ какъ представляетъ лишь клятвенную запись Святослава не поднимать оружія противъ грековъ; что же касается первыхъ двухъ договоровъ, то значеніе ихъ, въ исторіи древне-русскаго права, какъ единственныхъ памятниковъ Х-го вѣка, рисующихъ намъ внутренніе порядки Руси въ ту эпоху—не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Въ наукѣ, однако, долгое время шелъ споръ относительно подлинности договора Олега. Въ этомъ высказалъ свое мнѣніе Шлецеръ, и, въ подтвержденіе, привелъ слѣдующія соображенія: I. въ византійскихъ хроникахъ нѣтъ указаній на договоры съ русскими; 2. въ самыхъ договорахъ замѣчаются хронологическія несообразности; 3. внутреннее содержаніе договоровъ не согласно съ состояніемъ русской жизни въ Х вѣкѣ. Въ защиту подлинности договоровъ выступили Кругъ, Эверсъ, Карамзинъ и Погодинъ, которые опровергли возраженія Шлецера, доказавши: во I) что если въ византійскія хроники не были занесены самые договоры,

то съ другой стороны въ тѣхъ же самыхъ хроникахъ встрѣчаются указанія на существованіе договоровъ между руссами и греками, что между русскими князьями и греческими императорами не только заключались договоры, но даже велась оффиціальная переписка; во 2) хронологическія несообразности, заключающіяся, между прочимъ, въ томъ, что договоръ, какъ это значится на немъ, былъ подписанъ тремя императорами: Львомъ, Александромъ и Константиномъ въ сентябрѣ 912-го года, тогда какъ Левъ умеръ въ маѣ 912 г. —устраняется весьма легко (Кругъ), если принять во вниманіе, что въ то время началомъ года считалось не первое января, а первое сентября, тогда дѣйствительное время ратификаціи договора будетъ не въ 912 г., а въ сентябрѣ 911 г., т. е. за 8 мѣсяцевъ до смерти Льва; въ 3-хъ, что возраженія противъ внутренняго содержанія договоровъ не могутъ имѣть мѣста, такъ какъ весьма многія опредѣленія подтверждаются иноземными историческими свидѣтельствами; сомнѣніе же по поводу существованія у русскихъ въ X вѣкѣ такихъ правильныхъ торговыхъ сношеній съ Византіей, какія усматриваются изъ договоровъ—уничтожаются повѣствованіями нашихъ лѣтописцевъ, также и свидѣтельскими показаніями иностранныхъ писателей. Наконецъ, помимо всего этого, за подлинность договоровъ говоритъ еще одно, весьма важное обстоятельство—это несомнѣнное сходство ихъ опредѣленій съ опредѣленіями Русской Правды. Подъ договоромъ Олега разумѣются собственно два договора: первый, такъ сказать, предварительный былъ заключенъ въ 907 году, второй—окончательный и подробный въ 912 году; условія перваго не вошли въ составъ второго, но свою обязательную силу сохранили. Договоръ Игоря въ своемъ основаніи имѣетъ договоръ Олега и представляетъ собою дальнѣйшее развитіе его сообразно съ условіями времени.

Какъ договоръ Олега, такъ и Игоря по своей внѣшней формѣ распадаются на слѣдующія части: 1) указаніе лицъ, уполномоченныхъ на заключеніе договора; 2) указаніе цѣли договоровъ и взаимныя увѣренія въ соблюденіи ихъ; 3) изложеніе сущности договорныхъ условій; 4) указаніе на порядокъ составленія договоровъ и ихъ ратификація. Договоръ Олега заключается послами русскими съ византійскими императорами: Львомъ, Александромъ и Константиномъ; договоръ Игоря—русскими послами и купцами съ императорами: Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ. Какъ видно изъ договоровъ, они заключались—кромѣ кіевскаго князя—отъ имени другихъ русскихъ князей, подъ которыми слѣдуетъ подразумѣвать племенныхъ князей, подчиненныхъ кіевскому князю; во-вторыхъ отъ имени бояръ „свѣтлыхъ“, подъ которыми разумѣются старшіе княжскіе дружинники, и въ третьихъ отъ имени всѣхъ людей земли русской. Въ числѣ лицъ,

уполномоченныхъ Игоремъ на заключеніе договора, были представители русскаго купечества—гости, что вполнѣ понятно, такъ какъ главной цѣлью договора былъ вопросъ о торговлѣ русскихъ съ Константинополемъ; изъ пословъ же одинъ былъ главнымъ—лично отъ Игоря, остальные были „общими“ послами отъ туземныхъ князей, отъ княжскихъ дружинниковъ, отъ отдѣльныхъ власть имущихъ лицъ, и даже, отъ особъ женскаго пола (княжны Ольги). Цѣль обоихъ договоровъ, по словамъ текста ихъ, сводится къ утвержденію мира и любви между враждующими сторонами, изъ дальнѣйшаго же содержанія договоровъ—весьма ясно усматривается другая истинная цѣль ихъ—обезпеченіе свободнаго доступа и торговли съ Константинополемъ. За указаніемъ цѣли договоровъ слѣдуетъ увѣреніе въ соблюденіи ихъ, при чемъ въ договорѣ Игоря это увѣреніе сопровождается даже заклятіемъ. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе самыхъ договорныхъ условій. Здѣсь находятся опредѣленія, касающіяся международныхъ отношеній, опредѣленія изъ области уголовнаго права и процесса и (только въ договорѣ Олега) нѣсколько опредѣленій гражданскаго (наслѣдственнаго) права. Договоры первоначально были написаны на греческомъ языкѣ и затѣмъ переведены на русскій; этимъ и объясняется присутствіе въ нихъ нѣкоторыхъ христіанскихъ понятій и выраженій. Писались договоры для большей торжественности красной краской въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ оставался у византійскаго императора, другой же препровождался въ Кіевъ. Скрѣплялись договоры—одинъ изображеніемъ святого креста и подписью византійскаго императора, другой подписью русскихъ пословъ и гостей. Многіе скептически относятся къ письменной ратификаціи договоровъ, слѣдуя общераспространенному воззрѣнію, что письменность возникла на Руси лишь со времени принятія русскими христіанства; существуютъ, однако, письменныя доказательства, что искусство письменности извѣстно было руссамъ задолго до того времени, когда была принесена на Русь азбука Кирилломъ и Меѳодіемъ; это подтверждается самыми договорами, гдѣ говорится, что русскіе купцы, являясь въ Царьградъ, должны привозить съ собою удостовѣрительныя грамоты; кромѣ подписей договоры скрѣплялись обоюдной присягой —греки клянутся крестомъ и св. Троицой, руссы—надъ сложеннымъ и обнаженнымъ оружіемъ. Договоръ Игоря сопровождался двойной присягой: одна была въ Царьградѣ, другая въ Кіевѣ. Наконецъ, договоръ Олега заканчивался датой: „мѣсяца сентября 2, въ недѣлю 15, въ лѣто созданія міру 6420“; договоръ Игоря даты не имѣетъ.

Внутреннее содержаніе договоровъ. 1. Опредѣленія, касающіяся международныхъ и торговыхъ сношеній Руси съ Царьградомъ. Здѣсь прежде всего находится тре-

бованіе, чтобы пріѣзжающіе въ Константинополь послы и гости имѣли при себѣ удостовѣрительныя грамоты отъ князей по договору 945 г.; до 945 г. грамотъ такихъ не требовалось; вмѣсто нихъ пріѣзжіе руссы обязывались имѣть при себѣ особые условные и внѣшніе знаки: послы—золотыя печати, гости-же—серебряныя. Пріѣзжавшіе же безъ удостовѣрительныхъ грамотъ немедленно подвергались аресту, а сопротивлявшіеся безнаказанно могли быть убиты. Руссы, прибывшіе въ Царьградъ съ установленными грамотами, пользуются: а) правомъ свободы торговли; б) правомъ торговли безъ платежа какихъ либо пошлинъ,—это по договору 907 г., по договору же 945 г. этой привиллегіи для руссовъ нѣтъ; в) торговцы получаютъ отъ грековъ полное содержаніе „мѣсячину“, которая состояла изъ вина, хлѣба, мяса, рыбы и овощей, мѣсячиной пользуются только тѣ руссы, которые прибыли въ Царьградъ съ торговыми цѣлями. Останавливались руссы въ предмѣстьяхъ Константинополя, у св. Мамы, такъ какъ жить въ самомъ городѣ воспрещалось; въ городъ могли входить руссы черезъ одни ворота, безъ оружія, въ количествѣ не болѣе 50 человѣкъ; во все время пребыванія ихъ въ городѣ ихъ сопровождалъ греческій чиновникъ, который по договору Игоря, долженъ былъ разбирать споры и тяжбы руссовъ съ греками, наблюдать за тѣмъ, чтобы руссы не покупали поволокъ дороже 50 золотыхъ и накладывать на каждую купленную поволоку свою свинцовую печать. Оставаться въ Царьградѣ руссы могли не болѣе 6 мѣсяцевъ, съ наступленіемъ зимы они должны заканчивать всѣ свои дѣла и повсемѣстно очистить Византійскія владѣнія. Отправляясь въ обратный путь, руссы получали отъ грековъ необходимые съѣстные припасы и снасти для кораблей. Далѣе помѣщены въ договорѣ статьи, касающіяся такъ наз. берегового права (старинный обычай, по которому судно, потерпѣвшее у береговъ крушеніе, поступало со всѣмъ грузомъ въ собственность владѣльца берега). Въ договорахъ такое право рѣшительно отвергается и даже болѣе—обѣимъ сторонамъ вмѣняется въ обязанность оказывать судну, потерпѣвшему крушеніе, возможную помощь,—напр., проводить въ безопасное мѣсто, охранять судно отъ нападеній. отправить на родину или дать пріютъ у себя и т. д. Въ договорѣ 912 г. трактуется о такой помощи главнымъ образомъ со стороны руссовъ грекамъ, что свидѣтельствуетъ о господствѣ руссовъ въ X-мъ вѣкѣ на Черномъ морѣ. Въ договорѣ Игоря нѣтъ статей, въ которыхъ говорилось бы о покровительствѣ греческимъ мореплавателямъ со стороны руссовъ, здѣсь вмѣняется лишь въ обязанность не причинять вреда потерпѣвшему судну, изъ чего слѣдуетъ, что во второй половинѣ X вѣка морское могущество руссовъ пало—ихъ оттѣснили тюркскіе кочевники. Въ замѣнъ статей, относящихся

къ береговому праву въ договорахъ 945 г. находится нѣсколько другихъ выгодныхъ только для грековъ опредѣленій, какъ то: обязательство руссовъ не завоевывать корсунскую страну, не причинять вообще вреда корсунцамъ, а даже защищать ихъ отъ нападеній дунайскихъ болгаръ, взаимное обязательство доставлять другъ другу вспомогательныя войска для веденія войны въ чужихъ странахъ. Затѣмъ въ договорахъ 912 г. и 945 г. идетъ рядъ опредѣленій, касающихся невольниковъ и плѣнниковъ обѣихъ странъ. Договоръ Олега устанавливаетъ обоюдный выкупъ плѣнныхъ и вмѣняетъ въ обязанность грекамъ и руссамъ выкупать плѣнныхъ другой стороны и въ чужихъ краяхъ, причемъ размѣръ выкупа долженъ соотвѣтствовать рыночной цѣнѣ на невольниковъ въ данное время. Договоръ Игоря даетъ болѣе подробныя опредѣленія. Такъ здѣсь устанавливается уже нормальная цѣна выкупа плѣнныхъ: греки платятъ за юношу и дѣвушку по 10 золотыхъ, за человѣка среднихъ лѣтъ—8, за старыхъ и дѣтей—5, руссы же по 10 золотыхъ на кругъ и то лишь, если выкупаютъ плѣнныхъ у человѣка, лично полонившаго ихъ, въ противномъ случаѣ величина выкупа равнялась той суммѣ, которую лицо продающее заплатило за нихъ прежнему владѣльцу. Слѣдующія статьи о невольникахъ разсматриваютъ два случая: бѣгство рабовъ и кража ихъ у русскихъ гостей, приводящихъ ихъ для продажи въ Константинополь; въ томъ и другомъ случаѣ оба договора предписываютъ выдачу бѣглыхъ и краденыхъ рабовъ, за скрытіе же ихъ подозрѣваемое лицо уплачиваетъ стоимость его. Наконецъ, къ опредѣленіямъ, касающимся международныхъ отношеній, принадлежатъ еще двѣ статьи: первая изъ нихъ предоставляетъ безпрепятственно служить греческому императору, а вторая устанавливаетъ взаимную выдачу преступниковъ. Договоры 912 и 945 г.г. предусматриваютъ 4 случая уголовныхъ правонарушеній: убійство, личное оскорбленіе, грабежъ и кражу, при чемъ надо замѣтить, что въ обоихъ договорахъ отражается славяно-русское воззрѣніе на существо преступленія и наказанія: преступное дѣяніе обсуждается не съ государственной и общественной стороны, а главнымъ образомъ съ точки зрѣнія частнаго интереса. Слѣдующія взысканія опредѣляютъ договоры: если убійца на лицо, родственникъ убитаго совершаетъ надъ нимъ кровавую месть; если убійца скрылся, не оставивъ имущества, родственники убитаго ищутъ его и, нашедши убиваютъ; если убійца скрылся и оставилъ имѣніе, то оно за удовлетвореніемъ всѣхъ долговыхъ обязательствъ, поступаетъ въ пользу близкихъ убитаго. За нанесеніе побоевъ и ранъ кѣмъ-нибудь оружіемъ—мечемъ (дог. 912 г.), копьемъ и др. (дог. 945 г.) опредѣляется денежное взысканіе въ размѣрѣ 5 литръ серебра. Въ случаѣ несостоятельности виновнаго, все его имущество поступаетъ

въ пользу потерпѣвшаго; виновный подлежалъ „продажѣ“, т. е. денежному взысканію, распространявшемуся на все его имущество, и если сумма проданнаго не достигаетъ всетаки 5 литръ серебра, то виновный, по отобранію отъ него клятвы въ томъ, что у него нѣтъ больше никакихъ средствъ для уплаты,—считается отбывшимъ наказаніе. Терминъ „грабежъ“ въ договорахъ не встрѣчается. Попятіе насильственнаго захвата чужой собственности выражается словомъ „взятіе“. Договоръ 912 г. постановляетъ, что лицо завладѣвшее путемъ насилія чужой собственностью и представленное на судъ должно возвратить хозяину украденное и сверхъ того уплатить тройную цѣну украденнаго (подобно римскому—actio de vi bonorum raptorum, tam in quadruplum); по договору же 945 г. преступникъ присуждается помимо возврата украденнаго къ уплатѣ двойной цѣны и подвергается уголовному наказанію, но какому именно не говорится. По договору 912 г. дозволяется убійство вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія; въ случаѣ добровольной сдачи его, убійство запрещается. Уличенный въ кражѣ отводится на княжескій дворъ, гдѣ и присуждается къ уплатѣ тройной цѣны похищеннаго. По договору 945 г. преступникъ подвергался уголовному наказанію „по закону греческому и уставу русскому“, т. е. или убивался или отводился на княжскій дворъ (тоже въ договорѣ 912 г.); пойманный на мѣстѣ преступленія долженъ былъ возвратить похищенное и его стоимость; въ другихъ случаяхъ возвращалась вещь и двойная цѣна ея. Первая статья говоритъ о доказательствахъ, которыми констатируется самый фактъ преступленія; договоры устанавливаютъ только два случая, т. е. способа доказательствъ: поличное и присягу.

Вторая статья (945 г.)—опредѣленія изъятія грековъ изъ подсудности русскому великому князю. До 945 г. греки и руссы подлежали, вѣроятно, суду той страны, гдѣ было совершено правонарушеніе. Наконецъ, только въ договорѣ есть одна статья изъ области гражданскаго права, относительно наслѣдованія послѣ умершаго въ Греціи русса—опредѣляется, что, за отсутствіемъ въ Константинополѣ ближнихъ умершаго, имущество возвращается къ его родственникамъ на Русь, если нѣтъ завѣщанія; при завѣщаніи же наслѣдство получаетъ тотъ, кому оно оставлено.

Памятники церковнаго законодательства. Лѣтопись передаетъ, что христіанство на Руси впервые появилось со времени проповѣди въ Кіевѣ и въ странѣ Ильменскихъ славянъ апостола Андрея; лѣтопись же свидѣтельствуетъ о принятіи христіанства Аскольдомъ, о томъ, что въ дружинѣ Игоря было значительное число христіанъ и, наконецъ, о крещеніи въ Царьградѣ (957 г.) великой княгини Ольги, слѣдовательно, въ исходѣ X вѣка христіанство уже не было

новостью на Руси и въ странѣ Кіевской имѣло для себя достаточно подготовленную почву, за то въ другихъ областяхъ русской земли, напр. въ Новгородской, новую вѣру приходилось распространять силой оружія. Христіанство на первыхъ порахъ своего существованія столкнулось со складомъ и направленіемъ жизни совершенно не согласными съ его основами; борьба оказалась неизбѣжной, борьба медленная и упорная, породившая рѣзкій дуализмъ въ дальнѣйшемъ развитіи русской жизни, отдѣльные признаки котораго встрѣчаются и теперь еще. Чтобы уяснить себѣ характеръ этой борьбы, нужно разсмотрѣть византійскій и русскій строй жизни въ ту эпоху. Въ сферѣ государственной жизни Византіи мы находимъ господство строгаго цезаризма, полную неограниченность, безотвѣтственность передъ законами императорской власти; въ сферѣ права—законодательство вполнѣ развитое и современное, унаслѣдованное отъ эпохи наибольшаго процвѣтанія римскаго права; въ сферѣ жизни религіозной—твердо и высоко поставленную церковь, управляемую многочисленнымъ и образованнымъ духовенствомъ, имѣющимъ громадное вліяніе на дѣла государства (церковь имѣла, напр. свое собственное законодательство, свои суда, дѣйствію которыхъ помимо дѣлъ духовныхъ подлежала масса дѣлъ чисто свѣтскаго характера). На Руси, между тѣмъ въ области государственной жизни встрѣчаемъ народность, составленную изъ разноплеменной массы, связанной чисто механическимъ образомъ единствомъ княжеской власти, которая зиждется на договорномъ началѣ. Рядомъ съ княземъ стоитъ съ одной стороны вѣче, безъ котораго князь безсиленъ, а съ другой—княжеская дружина, также имѣющая большое значеніе и вліяніе. Право руссовъ не писанное, а обычное, проникнутое языческими воззрѣніями, противъ чего духовенство и начало свою борьбу; однако право обычное не такъ легко поддавалось вліянію духовенства; и вотъ, наряду съ новыми нормами права, возникшими подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, очень долгое время продолжаютъ господствовать языческія воззрѣнія права обычнаго, откуда и происходитъ дуализмъ правовой жизни русскаго народа. Духовно-византійское вліяніе отразилось на всѣхъ сторонахъ русской жизни: такъ въ сферѣ государственной жизни проводится идея самодержавія и божественнаго происхожденія княжеской власти, хотя слѣдуетъ сказать, что эта идея въ тотъ періодъ, когда вся Русь была раздроблена на удѣлы и когда господствовало договорное начало, привиться у насъ не могла и лишь съ эпохи татарскаго завоеванія, вызвавшаго распаденіе удѣльно-вѣчевыхъ началъ русской жизни, являлась болѣе благопріятная почва для ея развитія; въ сферѣ права возникаютъ совершенно новыя правоотношенія и имъ соотвѣтствуютъ новыя нормы, куда относятся: право брач-

ное и семейное, право наслѣдственное, опека и попечительство, преступленія противъ вѣры и нравственности. Начала языческаго права, мало по малу, вытѣсняются началами права христіанскаго; между прочимъ уничтожается кровавая месть и раздается сильный протестъ противъ „поля" (судебный поединокъ); но нужно сказать, что этотъ послѣдній обычай вышелъ изъ употребленія лишь съ XVIII вѣка, да и вообще масса чисто языческихъ правовыхъ воззрѣній очень долгое время продолжали существовать на ряду съ христіанскими, и въ развитіи русскаго законодательства остались ясные слѣды этого дуализма.

Регулированіе вновь возникшихъ гражданскихъ отношеній и уголовныхъ преступленій взяло на себя духовенство, и, благодаря этому, возникла широкая юрисдикція русской церкви и открылся свободный доступъ для проведенія въ русскую жизнь юридическихъ воззрѣній Византіи; первымъ связующимъ звеномъ въ этомъ дѣлѣ является Номоканонъ или Кормчая книга—сборникъ церковно-гражданскихъ законовъ, сборникъ постановленій императоровъ и церкви. Въ Греціи было три такихъ сборника: 1) Номоканонъ Іоанна Схоластика (Константинопольскаго патріарха) въ VI вѣкѣ, 2) Номоканонъ въ 14 титулахъ неизвѣстнаго составителя во 2-ой половинѣ VI вѣка и 3) Номоканонъ патріарха Фотія, появившійся въ 883 году и представлявшій собой дополненный и распространенный номоканонъ неизвѣстнаго составителя. У насъ на Руси греческій Номоканонъ въ славянскомъ переводѣ появился, какъ это было выяснено Казанскимъ профессоромъ Павловымъ, одновременно съ другими церковными книгами, т. е. въ X вѣкѣ,—это номоканонъ Іоанна Схоластика и неизвѣстнаго составителя, а въ половинѣ X вѣка—Номоканонъ патріарха Фотія. Церковные законы составляли правила св. апостоловъ, отцовъ церкви, постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и узаконенія Византійской церкви константинопольскихъ патріарховъ, а также извлеченія изъ еврейскихъ законодательныхъ книгъ (изъ пятикнижія Моисея); въ составъ гражданскихъ законовъ Номоканона входили: извлеченія изъ новеллъ императора Юстиніана: „о постановленіи клириковъ и епископовъ", „законъ Юстиніана о землевладѣльцахъ", „эклога императора Льва Исавра и Константина Кемпронима", глава „о послухахъ" (свидѣтеляхъ), „законъ градскій" (гражданскій), узаконенія Алексѣя Комнена и нѣкотор. др. постановленія византійскаго законодательства,—наконецъ, „законъ суднымъ людямъ" или „Судебникъ царя Константина"—компиляція изъ различныхъ источниковъ византійскаго законодательства, неосновательно приписываемаго Константину. На Руси греческій Номоканонъ не всегда сохранялъ свою первоначальную редакцію, къ нему въ большинствѣ случаевъ присоединялись многіе памятники

и отдѣльныя статьи, изъ которыхъ однѣ заимствованы переводчиками и компиляторами изъ постановленій византійскихъ императоровъ, другія же были русскаго происхожденія: текстъ русской правды (цѣликомъ), уставъ Ярослава „о мостѣхъ", церковные уставы великихъ русскихъ князей, опредѣленія русскихъ соборовъ и т. п. Но не всѣ списки Кормчихъ книгъ имѣютъ такія добавленія. Всѣ дошедшія до насъ списки Кормчихъ книгъ сводятся къ двумъ редакціямъ: Софійской и Рязанской. Софійскій списокъ представляетъ собой соединеніе Кормчей книги, полученной митроп. Кирилломъ II изъ Болгаріи во 2-ой половинѣ XIII вѣка съ Кормчей въ 14 титулахъ до Фотіевской обработки 6-го вѣка. Этотъ списокъ хранится въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Рязанскій списокъ (съ 1282 г.) компиляція Фотіевской Кормчей книги, полученной митропол. Кирилломъ изъ Болгаріи; онъ хранился въ Рязанскомъ соборѣ (съ 1284 г.). Русскія добавленія имѣются только въ спискахъ Софійской редакціи; эти списки были наиболѣе распространены въ древней Руси. Причина этого заключается въ томъ громадномъ практическомъ значеніи, какое имѣли эти добавленія. Дѣйствительно, духовенство, сразу занявши высокое положеніе въ древней Руси, взявши на себя регулированіе всѣхъ возникшихъ съ введеніемъ христіанства отношеній и, вообще говоря, имѣвши въ виду реорганизацію русской жизни на началахъ христіанскаго міровоззрѣнія, должно было, помимо знанія церковнаго права, быть близко знакомымъ съ нормами права свѣтскаго, а этому требованію и отвѣчали Кормчія книги Софійской редакціи, заключая въ себѣ: 1)—руководительныя правила для правильной жизни русской церкви; 2)—нормы римско-византійскаго права, и 3)—нормы свѣтскаго права, которыми русскіе судьи руководствовались при рѣшеніи дѣлъ. Возникшая у насъ съ введеніемъ христіанства широкая юрисдикція русской церкви выставила два основныхъ требованія: 1) разграничить подсудность свѣтскихъ и духовныхъ судовъ и 2) опредѣлить самыя нормы отправленія церковнаго суда; понятно, при этомъ, что и то и другое должно было опредѣлиться примѣнительно къ Номоканону. Отвѣтомъ на эти требованія были церковныя уставы русскихъ князей. Такихъ уставовъ насчитываютъ до семи, изъ нихъ обще-русскими являются только два: 1-ый уставъ великаго князя Владиміра и 2-ой уставъ вел. кн. Ярослава, остальные давались для отдѣльныхъ эпархій и церквей.

Церковный уставъ Владиміра Святославича.

Этотъ первый памятникъ жизни русской церкви въ самостоятельныхъ спискахъ до насъ не дошелъ и сохранился въ различныхъ сборникахъ, какъ то: въ „Кормчихъ книгахъ",

„въ степенныхъ“ и Стоглавѣ. Всѣ дошедшіе до насъ списки устава св. Владиміра дѣлятся на двѣ группы: 1) списки пространной редакціи и 2) списки краткой редакціи. Древнѣйшимъ изъ первыхъ является списокъ, найденный Карамзинымъ въ Кормчей книгѣ въ Московской Синодальной библіотекѣ подъ № 82, онъ былъ списанъ въ 1283 г.; древнѣйшими же списками 2-ой редакціи будутъ списки, относящіеся къ концу X-го и началу XI вѣка. Списокъ, найденный Карамзинымъ, носилъ такое заглавіе: „Уставъ св. Владиміра, крестившаго русскую землю, о церковныхъ судѣхъ.“ Многіе ученые, Рейнъ, Голубинскій, во главѣ съ Карамзинымъ, отрицаютъ подлинность этого памятника, считая его произведеніемъ не Владиміра, а какого-нибудь другого автора позднѣйшаго времени—XI, XII или XIII вѣка; другіе, какъ напр. Погодинъ, Неволинъ, защищаютъ подлинность устава. Существуетъ еще средній и весьма распространенный, къ которому и мы примыкаемъ, взглядъ на дѣло: нѣкоторые авторы (какъ напр. проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. И. Сергѣевичъ, В. О. Ключевскій, А. Н. Филипповъ, М. Н. Ясинскій), не отвергая совершенно подлинности устава, утверждаютъ лишь, что подробныя редакціи его никоимъ образомъ не могутъ быть пріурочены къ эпохѣ в. кн. Владиміра св., признавая тѣмъ не менѣе, полную вѣроятность составленія имъ церковнаго устава, отраженіе котораго мы вправѣ искать въ краткой редакціи памятника.

Противники подлинности устава, въ подтвержденіе своихъ мнѣній выставляютъ слѣдующія положенія: 1. Хронологическія несообразности, встрѣчающіяся въ уставѣ, 2. Противорѣчіе устава съ Русской Правдой, 3. Несоотвѣтствіе устава съ современнымъ ему состояніемъ русскаго общества, 4. Неправильное указаніе источниковъ устава, и 5. Несообразности филологическія.

1. Въ самомъ началѣ устава говорится, что князь Владиміръ, принявъ святое крещеніе отъ греческаго царя и патріарха Фотія, взялъ перваго митрополита. Это мѣсто можно читать двояко: или Владиміръ принялъ крещеніе отъ греческаго царя и патріарха Фотія, или отъ греческаго царя и патріарха Фотія Владиміръ взялъ перваго митрополита: все зависитъ отъ того, гдѣ поставить запятую. Между тѣмъ изъ этихъ фразъ противники подлинности устава заключаютъ о хронологическихъ несообразностяхъ, т. к. здѣсь идетъ рѣчь о томъ самомъ патріархѣ Фотіи, съ котораго ведетъ свое начало раздѣленіе церквей, а этотъ Фотій—патріархъ, какъ извѣстно, умеръ за 90 лѣтъ до святого Владиміра. Византійскіе источники однако, объясняютъ это недоразумѣніе. Они даютъ намъ понять, что съ IX по XI вѣкъ имя патріарха Фотія получило въ Греціи значеніе нарицательнаго для обозначенія всего восточнаго духовенства, которое, слѣдуя пат-

ріарху Фотію—признало независимость греческой церкви отъ власти папы римскаго, а если такъ, то выраженія „епископы Фотія"—„принятіе крещенія отъ Фотія"—отождественны съ съ выраженіями „изъ церкви Фотія, изъ Церкви восточной", „принятіе крещенія въ Церкви, обособленной Фотіемъ", т. е. въ Церкви истинно-православной, а не въ римской. Ясно что подобное толкованіе устраняетъ кажущіяся хронологическія несообразности.

2. Противники подлинности устава Владиміра видятъ противорѣчіе устава съ Русской Правдой въ томъ, что тяжба дѣтей о наслѣдствѣ, какъ это видно изъ самаго устава, была подсудна духовенству; между тѣмъ въ Русской Правдѣ говорится о такихъ тяжбахъ передъ княземъ. Но изъ этого можно вывести такія заключенія, что были случаи разбора такихъ тяжбъ и передъ княземъ, не исключая вовсе подсудности ихъ духовенству. Затѣмъ, въ этомъ обстоятельствѣ нельзя видѣть противорѣчія еще и потому, что во 1) нѣтъ ничего страннаго, что опредѣленіе позднѣйшаго законодательнаго памятника (Русской Правды) отличаютъ опредѣленія предыдущаго памятника (Устава Св. Владиміра); во 2), указанныя опредѣленія встрѣчаются только въ подробной Русской Правдѣ, которая образовалась уже при преемникахъ Ярослава.

3. Несоотвѣтствіе содержанія устава съ современнымъ ему состояніемъ русской Церкви и общества видно, будто бы, уже изъ того, что въ немъ идетъ рѣчь о монастыряхъ, о черномъ духовенствѣ, гостиницахъ, страннопріемныхъ домахъ, и т. п. учрежденіяхъ, чего въ эпоху Владиміра не было и быть не могло. Но если мы вспомнимъ, что уставъ разсчитанъ не только на эпоху Владиміра, но и на послѣдующую жизнь, которая создавалась у насъ на началахъ, принесенныхъ изъ Византіи и которую слѣдовало поставить на надлежащую дорогу, намъ станетъ ясно и понятно все вышеприведенное; съ другой же стороны въ уставѣ какъ нельзя лучше отражается современная жизнь русскаго народа, современныя языческія начала,—что прямо говоритъ за подлинность.

4) Уставъ называетъ источникъ, на основаніи котораго онъ составленъ, греческій Номоканонъ, а между тѣмъ, оказывается, что сфера церковнаго суда по уставу гораздо шире сферы суда по Номоканону, что и повело къ сомнѣнію въ подлинности устава. На это можно возразить слѣдующее: во 1-хъ, невозможно допустить, чтобы лицо, поддѣлывающее въ XI, XII или XIII-мъ вѣкѣ уставъ св. Владиміра, было настолько незнакомо съ Номоканономъ, чтобы рѣшилось указать на него, какъ на источникъ своей поддѣлки; во 2-хъ, изъ того, что Номоканонъ названъ источникомъ устава, вовсе не слѣдуетъ, что его опредѣленія цѣликомъ должны были

перейти въ уставы; изъ Номоканона Владиміръ заимствовалъ лишь общія начала, общій духъ опредѣленій; опредѣленія, которыя могли быть перенесены въ русскую жизнь безъ измѣненія, были взяты изъ Номоканона цѣликомъ; другія же должны были измѣниться сообразно съ требованіями и условіями русской жизни.

5. Въ уставѣ встрѣчаются нѣкоторыя выраженія, которыя трудно признать относящимися къ эпохѣ Владиміра; наприм. „княжескій намѣстникъ" и т. п. термины поздняго происхожденія (XII-го вѣка). Однако отсутствіе подобныхъ выраженій не можетъ служить доказательствомъ подложности устава, т. к. если бы не могли употребляться при Владимірѣ, зато могли быть результатами позднѣйшихъ вставокъ пояснительнаго характера, вызванныхъ практическими цѣлями примѣненія устава.

Что касается, наконецъ, вопроса о томъ, которая изъ редакцій устава принадлежитъ эпохѣ Владиміра, то нужно сказать, что этотъ вопросъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ окончательно; большинство ученыхъ, однако, думаетъ, что Владиміру принадлежитъ краткая редакція устава, подробная же редакція образовалась изъ первоначальнаго устава Владиміра и позднѣйшихъ добавленій, но въ виду древности, обыкновенно разсматривается синодальный списокъ устава, найденный Карамзинымъ.

Внутреннее содержаніе церковнаго устава св. Владиміра—(подробная редакція) дѣлится на 5 составныхъ частей: I. Введеніе къ уставу; оно начинается словами: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа", послѣ чего слѣдуетъ указаніе на принятіе Владиміромъ крещенія и на прибытіе изъ Греціи, по просьбѣ Владиміра, перваго митрополита Леона. II. Опредѣленіе о церковной десятинѣ; здѣсь говорится о созданіи храма во имя Пресв. Богородицы и о выдѣленіи въ пользу его 10% со всѣхъ государственныхъ доходовъ. III. Опредѣленіе пространства церковнаго суда. Въ этой части устава Владиміръ, указавъ на важность, неприкосновенность церковныхъ судовъ, перечисляетъ преступленія и отношенія имъ подсудныя; это 1) преступленія противъ истины христіанской вѣры, какъ-то: „вѣтьство" (волшебство), „чародѣяніе" и „волхованіе"; 2) святотатство; упоминаются слѣдующіе виды его: а) церковная „татьба" (кража), б) „сволоченіе мертвеца"—оттаскиваніе покойниковъ на какое-либо неосвященное мѣсто, (по языческому обряду), в) введеніе въ церковь животныхъ и еще нѣкоторые другіе виды святотатства. 3) Отношеніе права брачнаго, семейнаго и наслѣдственнаго. Здѣсь упоминается „роспустъ" (разводъ), кровосмѣшеніе, оскорбленіе дѣйствіемъ родителей дѣтьми, драка „пошибань" между супругами изъ-за имущества и, наконецъ, споръ о наслѣдствѣ (о „задницѣ"). 4) Преступленія противъ нравственности

и цѣломудрія женщинъ, „заставаніе“ въ прелюбодѣяніи, „потворѣ“ (сводничество), „умычка“ (похищеніе дѣвицы или жены), скотоложство и пр. 5) Преступленія противъ жизни, здравія и чести, дѣтоубійство, укушеніе и оскорбленіе словами. IV. Правила о надзорѣ церкви за торговыми мѣрами и вѣсами. Эта часть устава взята прямо изъ византійскаго законодательства, которое поручало епископамъ смотрѣть за торговыми вѣсами и мѣрами и хранить образцы ихъ въ притворахъ церковныхъ; епископъ же отвѣчалъ и за исправность ихъ. Это узаконеніе долго существовало на Руси во всей своей силѣ и нѣсколько разъ было возобновляемо уставами XIV и XV в.в. V. Опредѣленіе лицъ и учрежденій, подвѣдомственныхъ церкви, при чемъ по уставу Владиміра къ церковному вѣдомству принадлежали: 1) все духовенство (черное и бѣлое), т. е. всѣ лица, служащія церкви съ ихъ семействами; 2) паломники и рабы, отпущенные на волю на поминъ души, пока они не приписывались ни къ какой общинѣ; 3) всѣ престарѣлые, вдовы, сироты, хромцы, слѣпцы и т. п. 4) монастыри, гостиницы, странно-пріемные дома, чужестранцы, больницы и лѣкаря, которые были причислены къ церкви потому, что они прежде лѣчили волшебствомъ и призываніемъ нечистыхъ духовъ, церковь же дозволяла лѣчить только естественными средствами. Заключеніе содержитъ въ себѣ заклятіе и угрозу противъ нарушителей опредѣленій устава.

Уставъ Вел. князя Ярослава Владиміровича.

Уставъ вел. кн. Ярослава извѣстенъ въ двухъ основныхъ редакціяхъ: восточно-русской и западно-русской. Послѣдняя извѣстна подъ названіемъ — „Свитокъ правъ великаго князя Ярослава Владиміровича“ и всѣми признается подложной. Изъ всѣхъ списковъ устава восточно-русской редакціи самый подробный списокъ содержится въ Кормчей книгѣ Московскаго Румянцевскаго музея, относящійся къ началу XVI вѣка, и самый краткій списокъ, найденный Карамзинымъ и помѣщенный въ его „Исторіи Государства Россійскаго“, также относится къ XVI вѣку. Древнѣйшимъ же изъ всѣхъ этихъ списковъ является списокъ, помѣщенный въ лѣтописи Переяслава Суздальскаго и напечатанный вмѣстѣ съ нею во „Временникѣ“; этотъ списокъ относится къ XV вѣку. Такъ же, какъ и уставъ св. Владиміра, уставъ Ярослава имѣетъ противниковъ своей подлинности; во главѣ ихъ стоитъ Карамзинъ, и сущность его доводовъ сводится къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ:

Во 1-хъ. Въ уставѣ встрѣчаются выраженія новѣйшаго времени, такъ между прочимъ, счетъ пеней ведется рублями, которые тогда еще не были извѣстны и т. п., или приводится несуществовавшее въ то время различіе бояръ большихъ

и меньшихъ и т. п. Защитники доказываютъ, что подобнаго рода неологизмы—есть результатъ позднѣйшихъ вставокъ, когда переписчики замѣняли устарѣлыя выраженія новыми, что видимъ на многихъ другихъ памятникахъ.

Въ 2-хъ. Уставъ не согласенъ съ Русской Правдой. Такъ напр. по уставу зажигатель наказывается пенею (въ 100 гривенъ) въ пользу епископа, по Русской же Правдѣ онъ подвергается гражданскому суду—„потоку" (изгнанію изъ общины) и разграбленію. Въ этомъ и тому подобныхъ противорѣчіяхъ защитники видятъ не болѣе, какъ вставки и дополненія позднѣйшаго времени.

Въ 3-хъ. Уставъ не согласенъ съ позднѣйшимъ церковнымъ законодательствомъ, по которому прелюбодѣяніе наказывается эпитеміей, тогда какъ по уставу—денежнымъ взысканіемъ. Защитники разъясняютъ это кажущееся противорѣчіе въ томъ смыслѣ, что въ первомъ случаѣ говорится о прелюбодѣяніи добровольно кающихся, уставъ же имѣетъ въ виду наказаніе преступниковъ, уличенныхъ путемъ суда, что носитъ характеръ уголовнаго, а не нравственнаго (эпитемія) наказанія.

Въ 4-хъ. Уставъ содержитъ въ себѣ будто бы нелѣпости, такъ напр. оскорбленіе словами боярской жены наказывается гораздо большей пеней, чѣмъ убійство боярина. Защитники, однако, заявляютъ, что не слѣдуетъ къ законамъ старины примѣнять современныя намъ понятія: что кажется намъ нелѣпымъ—то нашимъ предкамъ могло казаться вполнѣ естественнымъ. Кромѣ того, эта несообразность можетъ быть и объяснена простой ошибкой переписчиковъ.

Приведенными соображеніями не исчерпываются еще всѣ сомнѣнія относительно подложности устава Ярослава, но, какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ остается придти къ заключенію, что ни одна изъ дошедшихъ до насъ редакцій устава не можетъ быть отнесена къ эпохѣ Ярослава, и что, если при этомъ князѣ былъ дѣйствительно изданъ церковный уставъ, то несомнѣнно, что впослѣдствіи въ немъ были сдѣланы весьма многія дополненія и измѣненія.

Внутреннее содержаніе устава вел. князя Ярослава (по Карамзинскому списку) распадается на четыре части.

I. Предисловіе или вступленіе. Здѣсь вел. князь заявляетъ, что посовѣтовавшись съ митрополитомъ Илларіономъ, и справившись съ греческимъ Номоканономъ, постановилъ предоставить вѣдѣнію церковныхъ судовъ всѣ тѣ преступленія, „иже не подобаетъ судити князю и его боярамъ".

II Перечисленіе преступленій, подсудныхъ церкви, съ опредѣленіемъ за нихъ взысканій.

а) Преступленія противъ брачнаго союза. Прежде всего идутъ статьи о „роспустѣ", т. е. разводѣ. Уставъ различаетъ 1) разводъ по обоюдному соглашенію супруговъ и 2) разводъ

по волѣ мужа, когда онъ „пуститъ“ жену отъ себя. Въ первомъ случаѣ уплачивается въ пользу епископа пеня въ размѣрѣ 2-хъ гривенъ, (если сказано просто гривна, а не гривна золотомъ или серебромъ, то значитъ рѣчь идетъ о гривнѣ кунъ), если супруги были обвѣнчаны,—и 6 гривенъ—если нѣтъ (эта статья показываетъ, что церковное вѣнчаніе не было обязательнымъ; существенно необходимымъ являлось лишь договорное соглашеніе). Во второмъ случаѣ, если мужъ „пускаетъ отъ себя жену свою“, уплачивается пеня епископу и отпускаемой женѣ „за соромъ“ (за позоръ), „а князь казнитъ“, т. е. налагаетъ уголовное наказаніе. Размѣръ денежной пени опредѣляется сообразно общественному положенію разводящихся. Такъ „великій бояринъ“ уплачиваетъ женѣ и епископу по 5 гривенъ золотомъ (около 2-хъ фунтовъ), „меньшій“ по 1 гривнѣ золотомъ, „нарочитый человѣкъ“ по 3 рубля и простолюдинъ—5 гривенъ кунъ. Слѣдствіемъ формальнаго развода является возможность вступленія въ новый бракъ. Не допускается разводъ въ тѣхъ случаяхъ, если одинъ изъ супруговъ страдаетъ слѣпотой, падучей или какой нибудь хронической болѣзнью. Далѣе идутъ статьи о двоеженствѣ. Уставъ присуждаетъ каждаго, имѣющаго двухъ женъ, къ пенѣ въ пользу епископа въ размѣрѣ 40 гривенъ и, кромѣ того, обязуетъ его жить въ бракѣ съ первой женой, вторая же отдается въ церковный домъ. Наконецъ, послѣдняя статья о насильственномъ бракѣ. Родители, выдавшіе насильно дочь,—„епископу въ винѣ“ и, сверхъ того, въ случаѣ, если „приневоленная что сотворитъ надъ собой“—уплачиваютъ неустойку, какъ бы за нарушеніе брачнаго договора. б) Преступленія плотскія.—Здѣсь прежде всего опредѣляетъ уставъ кругъ лицъ, подсудныхъ исключительно епископу, которому и предоставляется по своему усмотрѣнію назначать наказанія за подобнаго рода преступленія. Къ этимъ лицамъ относятся: чернецъ, черница, попъ, попадья и просвирня. Затѣмъ уставъ предусматриваетъ слѣдующія преступленія: 1) прелюбодѣяніе вообще—и указываетъ блудъ мірянина съ монахиней въ частности, виновный въ этомъ уплачиваетъ епископу пеню въ 100 гривенъ, уличенный же мужъ въ блудѣ отъ жены—„епископу въ винѣ“, „а князь казнитъ“, 2) отдѣльные виды кровосмѣшенія: вступленіе въ бракъ въ близкихъ степеняхъ родства; блудъ брата съ сестрой; свекора съ снохой; кума съ кумой; блудъ съ мачехой и, наконецъ, одновременный блудъ съ двумя сестрами. Каждое изъ этихъ преступленій карается денежнымъ взносомъ въ пользу епископа и наложеніемъ на виновнаго эпитиміи и, наконецъ, 3) скотоложство наказывается также пеней въ пользу епископа и наложеніемъ на виновнаго эпитиміи. в) Преступленіе противъ чести женщины. Уставъ называетъ: 1) похищеніе или насиліе дѣвицы. Виновный уплачи-

ваетъ пеню въ пользу епископа и потерпѣвшей, при чемъ размѣръ пени измѣняется соотвѣтственно общественному положенію оскорбленной; такъ напр. боярской дочери опредѣляется пеня „за соромъ" въ 5 гривенъ золотомъ и столько же епископу, и, сверхъ того, виновный подвергается уголовному наказанію со стороны князя („князь казнитъ"). Съ „уметчиковъ", т. е. съ соучастниковъ преступленія взимается въ пользу епископа по 1 гривнѣ серебра; 2) оскорбленіе дѣйствіемъ дѣвицы или женщины. Виновные подвергаются денежному взысканію въ пользу епископа и потерпѣвшей (размѣръ соотвѣтственно общественному положенію) и уголовному наказанію со стороны князя („князь казнитъ"); 3) оскорбленіе женщины словами, именно одинъ случай—укоръ женщины въ развратѣ. Наказаніе—пеня въ пользу епископа и оскорбленной, а „князь казнитъ", и 4) нанесеніе побоевъ чужой женѣ. Виновный уплачиваетъ въ пользу епископа пеню и потерпѣвшей—„за соромъ" по закону. г) Преступленія противъ нравственности вообще. Это—1) рожденіе ребенка дѣвицею, живущей у родителей, виновная отдается въ монастырь, а родители окупаютъ ея вину передъ епископомъ (размѣръ не опредѣленъ); 2) оскорбленіе дѣйствіемъ родителей сыномъ, пеня епископу и наказаніе черезъ свѣтскія власти; 3) драка между двумя мужчинами, наказуется пеней въ пользу епископа; 4) остриженіе головы или бороды, пеня епископу, а „князь казнитъ"; 5) предосудительный образъ жизни лицъ духовныхъ, какъ-то: пьянство, растриженіе изъ монашескаго сана;—виновные уплачиваютъ епископу пеню по его усмотрѣнію. д) Преступленія общаго характера: 1) поджигательство, съ виновнаго епископу 100 гривенъ, а „князь казнитъ". По Русской же Правдѣ за это преступленіе—„потокъ" и „разграбленіе" (изгнаніе изъ общины и конфискація имущества). Очень можетъ быть, что по внутреннему содержанію своему эти статьи одинаковы, такъ какъ выраженія въ уставѣ—„князь казнитъ", можетъ скрывать въ себѣ именно „потокъ" и „разграбленіе", обращено лишь особое вниманіе здѣсь на выдѣленіе изъ конфискованнаго имущества въ пользу епископа 100 гривенъ (другое объясненіе на стран. 16-й), 2) драка и убійство при сговорахъ и на свадьбахъ; кража предметовъ домашняго хозяйства и т. п. Всѣ эти преступленія, такъ же какъ и поджигательство,—подсудныя, собственно, суду свѣтскому, имѣютъ отношеніе къ судамъ духовнымъ только потому, что епископъ получаетъ часть взыскиваемой съ виновныхъ пени, въ данномъ случаѣ—половину; вторую же половину беретъ себѣ князь.

III. Разграниченіе судебной компетентности церковной и свѣтской власти. Уставъ не опредѣляетъ здѣсь подробно круга лицъ, подвѣдомственныхъ церкви, а только говоритъ, что отношенія семейныя равнымъ образомъ, всѣ отношенія,

возникающія среди людей „церковныхъ“ и „монастырскихъ“ (бѣлаго и чернаго духовенства), подлежатъ вѣдѣнію церкви, и что свѣтскія власти не должны касаться ихъ. Здѣсь же уставъ опредѣляетъ, что—выморочное имущество лицъ, подвѣдомственныхъ церкви, отписывается на епископа.

IV. Заключительная часть,—она содержитъ въ себѣ угрозу и заклятіе противъ нарушителей устава. Въ Карамзинскомъ спискѣ прибавлены нѣкоторыя довольно интересныя статьи—это: 1) опредѣленіе случаевъ, въ которыхъ дозволяется разводъ, именно: а) когда жена скрываетъ отъ мужа извѣстное ей какимъ либо образомъ злоумышленіе на князя, б) когда мужъ застанетъ или уличитъ жену въ прелюбодѣяніи, в) когда жена ходитъ на пиры безъ вѣдома мужа или ночуетъ внѣ дома. г) если жена, вопреки требованію мужа, ходитъ на игрища и д) если жена подговариваетъ мужа къ совершенію кражи или сама крадетъ; 2) статья, касающаяся насильственныхъ браковъ и опредѣляющая отвѣтственность родителей въ томъ случаѣ, если они препятствуютъ дочери выйти за мужъ по ея собственному выбору или сыну жениться—и особенно, если „приневоленные что сотворятъ надъ собой“, 3) статьи, запрещающія ѣсть медвѣдину или „иное что поганое“, пить или ѣсть съ некрещенными, иноязычниками или съ церковными отлучниками подъ страхомъ отлученія и, наконецъ, 4) статья, запрещающая священникамъ совершать требы за предѣлами своего прихода.

Изъ всего сказаннаго объ уставѣ Ярослава не трудно видѣть, что онъ представляетъ собой наслоеніе церковныхъ правилъ и узаконеній, относящихся къ весьма различнымъ эпохамъ древне-русской жизни, изъ которыхъ невозможно ясно выдѣлить части содержанія, могущія быть пріуроченными къ эпохѣ самого Ярослава.

Одновременно съ церковными уставами появляются у насъ особаго рода юридическіе памятники, представляющіе собой компиляцію и извлеченіе изъ памятниковъ Римско-Византійскаго права, стоящіе въ самой тѣсной связи съ Русской Правдой и наравнѣ съ ней пользующіеся, вѣроятно, силой дѣйствующаго права. Своей задачей эти компиляціи имѣютъ, конечно, проведеніе въ русскую жизнь началъ Римско-Византійскаго права; насколько широко было примѣненіе ихъ въ древней Руси—въ настоящее время рѣшить трудно. Помѣщались компиляціи обыкновенно въ Кормчихъ книгахъ, сборникахъ и лѣтописныхъ сводахъ, т. е. тамъ же, куда заносилась и Русская Правда.

Важнѣйшія изъ компиляцій и извлеченій, обращающіяся въ древней Руси, слѣдующія: 1) Законъ судный людямъ или Судебникъ царя Константина Великаго. Этотъ памятникъ Константину не принадлежитъ, а приписывается ему, вѣроятно, съ цѣлью придать памятнику большую авторитетность.

Судебникъ представляетъ Римско-Византійское право съ преобладаніемъ эклоги импер. Льва Исавра и Константина Компронима, и былъ составленъ греками для Дунайскихъ болгаръ послѣ крещенія болгарской земли (861 г.), а оттуда уже перешелъ къ намъ вмѣстѣ съ другими памятниками славяно-болгарской письменности. Сохранился „Законъ судный людямъ" въ двухъ редакціяхъ—краткой—въ Кормчихъ книгахъ и подробный—въ частныхъ юридическихъ сборникахъ, образовавшихся въ древней Руси подъ названіемъ „Мѣрилъ праведныхъ", и въ лѣтописяхъ.

2) Земледѣльческіе законы имп. Юстиніана—это славяно-русскій переводъ извлеченій изъ Законовъ Импер. Юстиніана, касающихся гражданскихъ и уголовныхъ отношеній, могущихъ возникнуть среди землевладѣльцевъ и извѣстныхъ въ подлинникѣ подъ заглавіемъ „Логосъ аграріе".

3) Градскій законъ (гражданскій законъ)—это памятникъ, представляющій собой переводъ „Прохейронъ" Василія Македонскаго и встрѣчающійся въ древнихъ рукописныхъ сборникахъ въ полномъ видѣ (40 титуловъ), или отрывками, изъ которыхъ наиболѣе распространенный „о казнѣхъ," о наказаніяхъ (гражданскій законъ). Онъ имѣетъ широкое примѣненіе на Руси и, даже въ XV—XVIII в.в.; изъ него были сдѣланы весьма значительныя заимствованія для Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

4) Главы „о послусѣхъ" (о свидѣтеляхъ)—это извлеченія изъ разныхъ источниковъ Византійскаго права; въ нѣкоторыхъ спискахъ Кормчей книги Софійской редакціи они помѣщены въ связи съ Русской Правдой. Избраніе отъ закона, Богомъ даннаго израильтянамъ, Моисеемъ о судѣ и о правдѣ, выборка узаконеній изъ пятикнижія Моисея цѣликомъ помѣщается во второй части Кормчей книги и отрывками въ различныхъ сборникахъ, обращавшихся въ древней Руси.

Общія свѣдѣнія о Русской Правдѣ.

Подъ Русской Правдой разумѣется сборникъ законовъ, регулировавшихъ въ земско-вѣчевой періодъ правовой бытъ народа. Иначе еще этотъ сборникъ называется: Судъ Ярославль Володимѣричь, Уставъ великаго князя Ярослава Володимѣрича о судѣхъ, Правда Роськая и т. д.

Внѣшняя исторія Русской Правды дошла до насъ въ большомъ количествѣ списковъ, различающихся другъ отъ друга большей или меньшей полнотой своихъ редакцій, внутреннимъ содержаніемъ и временемъ написанія. Списки Русской Правды встрѣчаются въ Кормчихъ книгахъ Софійской редакціи; въ лѣтописяхъ Новгородскихъ и въ разныхъ рукописныхъ сборникахъ, обращавшихся въ древней Руси,

особенно въ юридическихъ сборникахъ извѣстныхъ подъ названіемъ: „Мѣрилъ праведныхъ“. Русская Правда впервые была открыта во второй четверти XVIII столѣтія историкомъ Татищевымъ въ одной Новгородской лѣтописи; въ 1738 году списокъ съ открытаго памятника, снабженный переводомъ и примѣчаніями, былъ представленъ имъ въ Академію Наукъ. Въ 1767 г. вышло въ свѣтъ первое изданіе Русской Правды, предпринятое академикомъ Шлецеромъ по списку очень похожему на Татищевскій, а лѣтъ черезъ 20 послѣ этого былъ напечатанъ и самый списокъ Татищева въ первой книгѣ продолженіе древней Россійской „Вивліоѳики“ (библіотеки) въ 1786 г. Около этого времени было еще открыто два новыхъ списка Русской Правды; одинъ въ Ростовской лѣтописи; этимъ спискомъ Академія Наукъ пополнила списокъ Татищева и въ такомъ видѣ вновь издала во второй книгѣ „Продолженія древней Россійской Вивліоѳики“ (1781 г.); другой въ Кормчей книгѣ, принадлежащей Сольвычегодской Благовѣщенской церкви. Этотъ списокъ болѣе подробный, чѣмъ предыдущій, также былъ изданъ Академіей Наукъ въ 3-ей книгѣ „Продолженія древней Россійской Вивліоѳики“ (1788 г.). Въ 1791 году открыто было 6 новыхъ списковъ Русской Правды, изъ которыхъ особенно пространной редакціей и древностью выдавался такъ называемый „хартейный“ (пергаментный) списокъ. На основаніи этихъ списковъ въ 1792 году вышло новое изданіе Русской Правды—Болтина, которое не потеряло своего значенія еще и теперь. Но самымъ древнимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ списковъ Русской Правды является такъ называемый Синодальный списокъ Русской Правды, онъ былъ найденъ въ началѣ прошлаго столѣтія Карамзинымъ въ хартейной Кормчей конца XIII вѣка, принадлежащей Синодальной библіотекѣ (эта Кормчая также считается древнѣйшей изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ) на основаніи этого списка Русская Правда въ 1815 г. была напечатана Московскимъ Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Послѣ этого было много отдѣльныхъ изданій Русской Правды, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить 3, а именно:

1. Изданіе сведеннаго и объясненнаго текста Русской Правды, сдѣланное на основаніи 30 списковъ Калачевымъ въ его „Предварительныхъ юридическихъ свѣдѣніяхъ для полнаго объясненія Русской Правды“. Здѣсь послѣ введенія, въ которомъ авторъ разсматриваетъ нѣкоторые общіе вопросы, касающіеся Русской Правды, помѣщается подробная исторія и разборъ изданій Русской Правды, а также критическое обозрѣніе списковъ ея. Всѣ списки Русской Правды Калачевъ дѣлитъ на 4 фамиліи: къ первой онъ относитъ списки, встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ Новгородской и Ростовской, ко второй—списки въ Кормчихъ книгахъ и сборни-

кахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „мѣрилъ праведныхъ“, къ третьей—списки позднѣйшихъ Новгородскихъ (Софійскихъ) временниковъ, и четвертой—списки позднѣйшихъ сборниковъ разнообразнаго содержанія, это самый сведенный и объясненный текстъ Русской Правды на основаніи 30 списковъ, причемъ авторъ располагаетъ отдѣльныя статьи въ четырехъ рубрикахъ, статьи, относящіяся къ правамъ:

а, государственному, б, гражданскому, в, уголовному, г, процессуальному. Въ концѣ сочиненія помѣщаются памятники, стоявшіе въ древней Руси въ нѣкоторой связи съ Русской Правдой (законъ судный людямъ, законъ градскій, законы о земледѣльцахъ и пр.).

2. Изданіе того же Калачева: „Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій: Академическаго, Троицкаго, Карамзинскаго и князя Оболенскаго“.

3. Изданіе Русской Правды по спискамъ Академическому и Карамзинскому, помѣщенное въ хрестоматіи по исторіи русскаго права проф. Владимірскаго-Буданова. Изданіе это снабжено многочисленными примѣчаніями, указателемъ содержанія и подробнымъ обзоромъ изданій и литературы Русской Правды.

Подлинность Русской Правды. Въ настоящее время подлинность Русской Правды стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, но было время, когда противъ подлинности этого памятника раздавался сильный протестъ, принадлежащій извѣстному представителю скептическаго направленія въ русской исторіи Каченовскому. Ученый этотъ, признавая Русскую Правду произведеніемъ позднѣйшаго времени, не имѣющимъ никакого отношенія къ великому князю Ярославу, задался цѣлью доказать, что Русская Правда не есть памятникъ національнаго русскаго права, а только сводъ законоположеній, заимствованный изъ правъ германскаго и польскаго. Однако столь широко поставленной задачѣ, за смертью автора, не суждено было осуществиться и до насъ дошли лишь отрицательные доводы скептика. Доводы эти сводятся къ тремъ справкамъ:

1-я справка дипломатическая. Здѣсь авторъ говоритъ, что повѣрка всякаго древняго памятника производится средствами дипломатики; Русская Правда не дошла до насъ ни въ подлинникѣ, ни въ оффиціальныхъ спискахъ, а самый древній списокъ ея двумя вѣками новѣе неизвѣстнаго оригинала; затѣмъ добавляетъ, что появленіе у насъ въ XI вѣкѣ законовъ, писаныхъ на туземномъ языкѣ, положительно невозможно и что, вообще, такое раннее появленіе писаныхъ законовъ—примѣръ, небывалый въ исторіи. Защитникомъ Русской Правды выступилъ М. П. Погодинъ, который послѣдовательно разбивалъ сомнѣнія Каченовскаго. Подлинности старинныхъ законовъ не только древнихъ, но даже и

среднихъ вѣковъ, говоритъ Погодинъ, требовать невозможно, т. к. они не сохранились ни у насъ, ни у другихъ европейскихъ народовъ; появленіе у насъ въ XI вѣкѣ законовъ, писаныхъ на туземномъ языкѣ, вполнѣ возможно, т. к. вслѣдъ за принятіемъ христіанства явились книги на славяно-болгарскомъ языкѣ, что открыло путь къ дальнѣйшему развитію туземнаго славяно-русскаго языка; что же касается 3-го сомнѣнія, то тутъ тоже заблужденіе, ибо извѣстно, что писаные законы существовали у франковъ, бургундовъ, лонгобардовъ, и другихъ народовъ, въ эпоху гораздо болѣе древнюю сравнительно съ эпохой Ярослава.

2-я справка историческая. Здѣсь Каченовскій задается вопросомъ, могли ли новгородцы имѣть въ XI вѣкѣ муниципальное городское устройство съ опредѣленными правами и заниматься торговлей? Находя первый вопросъ неосновательнымъ, такъ какъ Русская Правда не даетъ никакого повода къ постановкѣ его, Погодинъ замѣтилъ только, что муниципальное устройство городовъ было чуждо древне-русскому общественному строю; затѣмъ подробно отвѣчаетъ на второй, указывая, что новгородцы вели торговлю съ греками, арабами, норманнами, финнами, козарами и пр.

3-я справка археологическая, гдѣ авторъ разбираетъ въ отрицательномъ, конечно, смыслѣ по отношенію къ Русской Правдѣ отдѣльныя слова, термины и выраженія. Но Погодинъ разбиваетъ и эти сомнѣнія такъ же рѣшительно, какъ и предыдущія. Вообще же говоря, скептическія изслѣдованія Русской Правды Каченовскимъ въ настоящее время имѣютъ интересъ только историческій, т. к. подлинность этого памятника вполнѣ установлена.

Источники Русской Правды. Въ настоящее время установлено то положеніе, что Русская Правда есть памятникъ права національнаго, стоящій въ самой тѣсной связи съ правомъ обще-славянскимъ, но еще не такъ давно признавалось высказанное въ XVIII-омъ столѣтіи мнѣніе Шлецера о заимствованіи внутренняго содержанія Русской Правды изъ Законовъ Скандинавскихъ; мнѣніе это въ XIX в. принялъ Погодинъ, который пытался даже указать статьи Русской Правды, непосредственно будто бы почерпнутыя изъ Скандинавскихъ законовъ. Но далѣе всѣхъ пошелъ проф. Эверсъ, который заявилъ, что содержаніе Русской Правды заимствовано изъ законовъ Солическихъ и Рипуарскихъ франковъ. Однако на ряду съ этими мнѣніями довольно рано возникаетъ мнѣніе о національной самобытности Русской Правды. Первый шагъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ польскому писателю Раковецкому, выпустившему свой трудъ въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія. Подробнымъ объясненіемъ религіи, обычаевъ, языка и права славянъ вообще и русскихъ сла-

вянъ въ частности, сопоставленіемъ отдѣльныхъ статей Русской Правды между собой и другими русско-славянскими и обще-славянскими памятниками, Раковецкій доказываетъ славянское происхожденіе Русской Правды. Мысль Раковецкаго развивалъ и другой польскій писатель, Мацѣевскій, которому и принадлежитъ заслуга перваго почина въ дѣлѣ систематической разработки исторіи всѣхъ славянскихъ законовъ. Изъ русскихъ ученыхъ мысль Раковецкаго и Мацѣевскаго особенно дѣятельно развивалъ профессоръ Кіевскаго университета—Иванишевъ, который указалъ на необходимость изученія древняго права въ связи съ исторіей права всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ настоящее же время горячимъ послѣдователемъ названныхъ писателей является проф. Леонтовичъ. Отвергая непосредственно, такъ сказать, заимствованія Русской Правдой своего содержанія изъ законодательствъ чужеземныхъ, нельзя въ то же время отрицать тѣхъ явленій, которыя, благодаря близкимъ отношеніямъ нашихъ предковъ къ разнымъ народамъ, воздѣйствовали на древнѣйшее русское право и въ большей или меньшей степени должны были, конечно, отразиться и въ Русской Правдѣ. Принимая въ соображеніе условія государственно-правового строя древнѣйшей Руси, всматриваясь и въ отдѣльныя опредѣленія Русской Правды, мы окажемся въ состояніи указать слѣдующіе источники, которые должны были лечь въ основу этого памятника.

а. Древнее обычное право русскихъ славянъ,—источникъ основной и по времени и по своему значенію.

б. Вѣчевые приговоры и княжескія постановленія (уставная дѣятельность князей).

в. Судебныя рѣшенія—въ смыслѣ прецедентовъ практики.

г. Концепція чужеземнаго права.

Составъ Русской Правды. Русская Правда не есть результатъ единовременной законодательной дѣятельности, а рядъ наслоеній законодательныхъ нормъ къ первоначальному основному тексту ея, изданному дѣйствительно въ эпоху Ярослава. Такимъ основнымъ текстомъ Русской Правды признаются первыя 17 статей, по такъ называемому академическому списку, къ которымъ еще прибавляются узаконенія о порядкѣ сбора виръ (денежная пеня) или „вирный урокъ", также приписываемый Ярославу. Этотъ основной текстъ принято называть Ярославовой или краткой Русской Правдой, въ противоположность подробной, которая представляетъ изъ себя дальнѣйшее развитіе и постепенное наслоеніе узаконеній въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Подробная Русская Правда дѣлится на слѣдующія составныя части:

1. Правда сыновей Ярослава (Изяслава Кіевскаго, Святослава Черниговскаго, Всеволода Переяславскаго)—это

собраніе законодательныхъ нормъ, установленныхъ сыновьями Ярослава и ихъ дружинниками на общемъ съѣздѣ, бывшемъ послѣ смерти Ярослава.

II. Правда XII вѣка—представляющая собою дальнѣйшее развитіе опредѣленій самого Ярослава и сыновей его, причемъ здѣсь особенно развито опредѣленіе о „порядкѣ суда по преступленіямъ противъ собственности.

III. Уставъ вел. кн. Владиміра Всеволодовича Мономаха. Существенную часть узаконеній Мономаха составляютъ постановленія о нормальномъ ростѣ и о кредитѣ.

IV. Правда позднѣйшихъ эпохъ. Это собраніе позднѣйшихъ добавленій и измѣненій, относящихся къ концу XII вѣка или къ первой половинѣ XIII вѣка.

Отношеніе Русской Правды къ вел. кн. Ярославу I. Въ настоящее время несомнѣннымъ считается то положеніе, что краткая Русская Правда есть результатъ единовременной оффиціальной кодификаціонной дѣятельности Ярослава I-го. Доказательствомъ этому служатъ указанія самой Русской Правды (въ ея подробной редакціи), т. к. здѣсь говорится, что сыновья Ярослава, отмѣнивъ кровавую месть, установили все такъ же, какъ судилъ ихъ отецъ. То-же самое подтверждаетъ и лѣтопись. Такъ, одна изъ Новгородскихъ лѣтописей повѣствуетъ подъ 1016 г., что вел. кн. Ярославъ, по изгнаніи Святополка изъ Кіева, далъ имъ (новгородцамъ) Правду и Уставъ списалъ, и затѣмъ непосредственно слѣдуетъ текстъ Русской Правды; подобныя указанія встрѣчаются и въ другихъ лѣтописяхъ. Что же касается подробной Русской Правды, то всѣ ученые согласны въ томъ, что памятникъ этотъ происхожденія неоффиціальнаго, что подробная Русская Правда—сборникъ правовыхъ нормъ, составленный частными лицами и при томъ въ различныя времена для цѣлей практическаго пользованія. Это положеніе прямо подтверждается самой Русской Правдой, гдѣ при нѣкоторыхъ статьяхъ встрѣчаются толкованія и замѣчанія, объясняющія ихъ происхожденіе. Въ заключеніе общаго обзора Русской Правды нужно замѣтить, что краткая Русская Правда не содержитъ въ себѣ постановленій, касающихся гражданскаго права. Объясняется это тѣмъ, что въ правовомъ быту всякаго народа въ древнѣйшій періодъ отношенія гражданскаго права регулируются обычнымъ правомъ и лишь въ самой незначительной степени входятъ въ содержаніе древнихъ законодательныхъ сборниковъ.

Денежная система въ эпоху Русской Правды. Основной денежной единицей цѣнности въ эпоху Русской Правды была гривна, состоящая изъ трехъ видовъ: 1, золотая гривна, 2, серебряная гривна и 3, гривна кунъ. Слово „кунъ", (отъ слова куница), равно какъ: „мордки", „ногата", „рѣзана", „векть" (бѣлка) и т. п. ведутъ свое начало отъ

того періода русской жизни, когда мѣха или въ ихъ части обращались въ качествѣ денежныхъ знаковъ. Въ эпоху Русской Правды слово „куна" получило болѣе широкое значеніе: съ одной стороны оно обозначало собой чистую единицу цѣнности, съ другой—служило выраженіемъ современнаго понятія денегъ вообще (другимъ общимъ терминомъ для выраженія понятія денегъ вообще служило въ древности названіе „скотъ").

Названіе „гривна" выражаетъ собой понятіе опредѣленнаго вѣса и въ этомъ смыслѣ „гривна" означала $^{1}/_{2}$ фунта драгоцѣннаго металла (золота или серебра), гривна золота относилась къ гривнѣ серебра, какъ 1:7 съ дробью, гривна серебра—къ гривнѣ кунъ, какъ 1:$7^{1}/_{2}$, гривна кунъ, въ свою очередь, дѣлилась на 20 ногатъ, а каждая ногата заключала въ себѣ $2^{1}/_{2}$ рѣзаны или куны, въ тѣсномъ смыслѣ послѣдняго термина (рѣзана или куна одно и то же). Наконецъ еще болѣе мелкую денежную единицу представляла собою „векть", отношеніе которой къ гривнѣ неизвѣстно. Такимъ образомъ получается слѣдующее соотношеніе денежныхъ цѣнностей въ эпоху Русской Правды:

Гривна золота	=7 съ дробью гривнамъ серебра.
	=50 гривнамъ кунъ.
	=1000 ногатамъ.
	=2500 рѣзанамъ или кунамъ.
Гривна серебра	=$7^{1}/_{2}$ гривнамъ кунъ.
	=150 ногатамъ.
	=375 рѣзанамъ или кунамъ.
Ногать	=$2^{1}/_{2}$ рѣзанамъ или кунамъ.

Если допустить, что цѣнность серебра въ эпоху Русской Правды была въ 10 разъ выше современной, и что одна рѣзана или куна, какъ нашелъ Лешковъ, равна 26 коп., то гривенная система эпохи Русской Правды выразится въ современной намъ рублевой системѣ приблизительно такъ:

1 рѣзана или куна	=	около	26 коп.
1 ногата	=	„	65 „
1 гривна кунъ	=	„	13 рублей.
1 гривна серебра	=	„	$97^{1}/_{2}$ рублей.

Въ заключеніе остается замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Русской Правдѣ или въ другихъ источникахъ встрѣчается слово „гривна", безъ обозначенія—золотая, серебряная,—всегда подразумѣвается гривна кунъ.

Разборъ внутренняго содержанія краткой Русской Правды.

Внутреннее содержаніе краткой Русской Правды распадается на три отдѣла:

I. Преступленія противъ жизни. Въ этомъ отдѣлѣ, заключающемся въ одной первой статьѣ, установляется

право родственной кровавой мести за убійство, при чемъ точно обозначается кругъ лицъ, которымъ предоставляется это право, именно: мстителями за убитаго являются: 1) отецъ за сына и сынъ за отца, 2) братъ за брата, 3) племянникъ за дядю; внѣ этого круга лицъ, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда ближніе не могутъ фактически воспользоваться правомъ мести, послѣдняя замѣняется вирою въ пользу князя въ размѣрѣ 40 гривенъ безъ различія общественнаго положенія убитаго. Однако эта статья, стоящая во главѣ всѣхъ списковъ Русской Правды, сохранила свою полную силу только для новгородцевъ, для прочихъ же областей она подверглась модификаціи, въ видѣ выдѣленія изъ общей массы объектовъ преступленія противъ мужа или тіуна, убійство каждаго изъ этихъ лицъ облагается вирою въ пользу князя въ размѣрѣ 80 гривенъ; нормальная же вира 40 гривенъ сохранилась за убійство всѣхъ остальныхъ лицъ, не исключая и низшихъ членовъ княжеской дружины.

II. Преступленія противъ здравія и чести. Эта часть заключается въ статьяхъ со 2-ой по 9-ю и въ 16-ой статьѣ:

Здѣсь предусматривается:

1) Нанесеніе кровавыхъ ранъ или кровоподтековъ. Для доказательства дѣйствительности совершенія преступленія требуется наличность вещественныхъ слѣдовъ преступленія; при отсутствіи же таковыхъ, потерпѣвшій долженъ выставить „видока“, т. е. свидѣтеля, иначе искъ прекращается. Когда фактъ преступленія доказанъ, потерпѣвшій получаетъ право мстить за нанесенное ему оскорбленіе; въ случаѣ же фактической невозможности для потерпѣвшаго—мстить за себя, въ пользу его „за обиду“ взыскивается пеня въ 3 гривны и плата лекарю за леченіе.

2) Нанесеніе побоевъ тростью, палкой, ладонью, чашей, рогомъ или тупой стороною меча;—за это опредѣляется въ пользу потерпѣвшаго взысканіе въ размѣрѣ 12 гривенъ; столько же взыскивается за ударъ обнаженнымъ мечемъ или рукояткой его.

3) Увѣчья разсматриваются 3-хъ родовъ: а) изувѣченіе руки, влекущее за собою потерю ея—оплачивается пенею въ 40 гривенъ, б) изувѣченіе пальца—пеня въ 3 гривны, в) въ случаѣ поврежденія ногъ—дѣтямъ предоставляется месть.

4) Оскорбленіе чести—высшая мѣра взысканія опредѣляется за вырываніе бороды и усовъ (пеня въ 12 гривенъ), слѣдующая по размѣру пеня въ три гривны полагается въ томъ случаѣ, если одинъ человѣкъ толкнетъ другого, причемъ для удостовѣренія факта оскорбленія требуется „два видока“; исключеніе допускается для иноземцевъ, которые дѣйствительность оскорбленія доказываютъ „ротою“, т. е.

присягою; наконецъ, низшій размѣръ пени въ 1 гривну устанавляется за обнаженіе меча противъ кого-либо.

5) Удареніе холопомъ свободнаго человѣка; потерпѣвшему предоставляется право кровавой мести. Въ случаѣ, если холопъ скроется въ домѣ своего господина, то послѣдній, если не желаетъ выдать раба своего—уплачиваетъ потерпѣвшему 12 гривенъ, что однако не освобождаетъ укрывателя отъ мести оскорбленнаго.

III. Опредѣленія, направленныя къ охраненію права собственности. Эту послѣднюю часть краткой Русской Правды составляютъ два способа возстановленія собственникомъ права собственности; а именно: 1) ссылка потерпѣвшаго на своихъ однообщниковъ и 2) „сводъ". Если кто-либо, говоритъ Русская Правда, возьметъ чужого коня или оружіе, или одежду, и собственникъ, ссылаясь на своихъ одноміряиъ, докажетъ, что эти предметы дѣйствительно составляютъ его собственность, то получаетъ ихъ обратно и сверхъ того 3 гривны „за обиду". Нужно замѣтить при этомъ, что Русская Правда строго воспрещаетъ всякаго рода самоуправства со стороны собственника. Сущность второго способа—„свода" заключается въ томъ, что лицо, у котораго собственникъ находилъ пропавшій у него предметъ,—„сводило" съ себя подозрѣніе указаніемъ на другое лицо, отъ котораго оно пріобрѣло предметъ на какомъ либо законномъ основаніи; это второе лицо принимало на себя всю тяжесть иска и, въ свою очередь, „сводило" съ себя искъ на третье лицо и т. д. до тѣхъ поръ, пока „сводъ" не обнаруживалъ настоящаго виновника, на котораго и возлагалась обязанность удовлетворенія всѣхъ претензій участниковъ въ процессѣ. Въ случаѣ уклоненія отъ „свода", отвѣтчикъ обязанъ выставить поручителя въ томъ, что въ теченіе 5 дней станетъ на сводъ. Въ случаѣ неисполненія обѣщанія отвѣтчикъ, вѣроятно, признавался виновнымъ, хотя объ этомъ здѣсь прямо не говорится. Сводъ имѣлъ мѣсто и при возстановленіи права собственности надъ рабомъ, но только въ этихъ случаяхъ сводъ останавливался на третьемъ лицѣ, которое удовлетворяло истца другимъ рабомъ, а само, взявъ похищеннаго раба, уже отъ себя вело дальнѣйшій „сводъ", отыскивая своего „скота," т. е. свои деньги, свой убытокъ при „видокѣ". Затѣмъ Русская Правда предусматриваетъ укрывательство чужого раба иноземцемъ; собственникъ по истеченіи 3-хъ дней, доказавъ фактъ сокрытія, получаетъ право взять раба обратно и сверхъ того, взыскать съ виновнаго 3 гривны „за обиду", такая же пеня взыскивается за ѣзду на чужомъ конѣ безъ разрѣшенія собственника, а, равнымъ образомъ, за взятіе чужого коня, оружія или одежды. Далѣе предусматривается Русской Правдой случай порчи чужого коня, щита или одежды; виновникъ вездѣ вознагра-

ждаетъ потерпѣвшаго за всѣ убытки. Наконецъ, послѣднее опредѣленіе Русской Правды касается порядка взысканія по долговымъ обязательствамъ въ случаѣ запирательства должника. Въ этомъ случаѣ должникъ ставится „на изводъ передъ 12 человѣкъ", и если будетъ доказано, что онъ злонамѣренно не отдаетъ своего долга, то сверхъ возвращенія кредитору должнаго, онъ присуждается еще къ уплатѣ ему пени въ размѣрѣ 3 гривенъ „за обиду". Что касается 12 мужей, о которыхъ идетъ рѣчь, то въ нихъ слѣдуетъ видѣть проявленіе участія самого народа въ судѣ по дѣламъ запутаннымъ, для рѣшенія которыхъ и избирались межъ членами мѣстнаго общества близко знающіе тяжущихся и ихъ взаимныя отношенія.

Разборъ содержанія подробной Русской Правды. Внутреннее содержаніе подробной Русской Правды можетъ быть раздѣлено на три отдѣла:

I. Статьи, относящіяся къ праву уголовному.

II. Статьи, относящіяся къ праву гражданскому.

III. Статьи, относящіяся къ праву процессуальному.

I. Уголовное право подробной Русской Правды.

Въ этой части памятника находятся статьи, предусматривающія:

1. Преступленія противъ жизни. Здѣсь прежде всего говорится о замѣнѣ кровавой мести за убійство денежнымъ взысканіемъ въ пользу князя, съ одной стороны, и въ пользу близкихъ убитаго, съ другой. Первое взысканіе является уголовнымъ взысканіемъ, второе представляетъ собой гражданское удовлетвореніе, и въ этомъ смѣшеніи двухъ элементовъ въ значительной степени отражается на Русской Правдѣ вліяніе частнаго воззрѣнія на существо преступленія и наказанія. Частное вознагражденіе, поступающее въ пользу близкихъ убитаго, носило названіе „головщины", денежная же пеня за убійство свободнаго человѣка, взимаемая въ пользу князя,—называлась „вирою". Вира, слѣдовательно, взыскивается за убійство, этимъ она противополагается „продажѣ"—денежному взысканію въ пользу князя за разнаго рода правонарушенія; вира, далѣе, взыскивается только за убійство свободнаго человѣка, чѣмъ противополагается „уроку"—пенѣ за убійство раба, холопа (подъ „урокомъ" вообще разумѣется частное вознагражденіе собственника за убытокъ отъ уничтоженія всякаго вида частной собственности, въ данномъ случаѣ—раба). Вира, наконецъ, есть взысканіе, поступающее въ пользу князя, и этимъ она отличается отъ „головщины" (какъ „урока"), какъ отъ вознагражденія частнаго. Размѣръ виры: 80 гривенъ за убійство старшихъ княжескихъ дружинниковъ, 40 гривенъ за убійство мужа всякаго другого состоянія, и 20 гривенъ за убійство свободной женщины. Вира могла уплачиваться или самимъ

преступникомъ или цѣлой общиной, цѣлой „вервью“, въ силу связывавшей всѣхъ членовъ ея круговой поруки. Въ последнемъ случаѣ она носила техническое названіе „дикой виры“. Русская Правда опредѣляетъ два случая уплаты виры исключительно самимъ преступникомъ, это: а) когда убійство совершено безъ „свады“, т. е. безъ ссоры, безъ какого либо повода со стороны убитаго, иначе, когда оно совершено „въ обиду“, съ обдуманнымъ намѣреніемъ, б) когда убійство совершено такимъ лицомъ, которое раньше само „не вкладывалось въ дикую виру“, т. е. не принимало участія въ уплатѣ дикой виры за другихъ преступниковъ своей вервьи, такъ какъ въ силу круговой поруки только тотъ членъ общины вправѣ разсчитывать на помощь вервьи въ уплатѣ за него виры, который раньше самъ участвовалъ въ такихъ платежахъ. Затѣмъ Русская Правда указываетъ случай, когда вира уплачивается общиной, вервью, другими словами, когда вира является дикой—это: а) совершеніе убійства въ разбоѣ (и притомъ въ „свадѣ“). Въ этомъ, впрочемъ, случаѣ вервь, въ предѣлахъ земли которой оказалась „голова“, т. е. мертвое тѣло, могла освободиться отъ уплаты виры, разыскавши и выдавъ „головника“, т. е. убійцу, если же не хочетъ выдать его, то должна уплатить виру. Кромѣ того, нужно замѣтить, что подъ разбоемъ здѣсь разумѣется не вооруженное нападеніе съ цѣлью грабежа, какъ это теперь понимается, а вооруженное нападаніе на чужое имѣніе изъ мести, при извѣстномъ поводѣ со стороны убитаго, т. е. при „свадѣ“ (то, что въ Литовскомъ статутѣ извѣстно подъ именемъ наѣзда), если же разбой и совершенное при этомъ убійство сдѣланы безъ всякаго повода—„безъ свады“, то не только община не уплачиваетъ за виновнаго виры, но и самъ онъ не можетъ оплатиться ею, а подвергается высшему уголовному наказанію: разграбленію. Потокъ и разграбленіе налагается: 1) за убійство въ раздорѣ безъ свады, 2) зажигательство, 3) коневую татьбу. б) Совершеніе убійства въ свадѣ, при извѣстномъ поводѣ со стороны убитаго. в) Совершеніе убійства „въ пиру явлено“, т. е. во время пира, притомъ открыто. г) Нежеланіе общины разыскивать или выдавать преступника. Наконецъ, Русская Правда опредѣляетъ и тѣ случаи, когда убійство не вмѣняется въ вину ни верви, ни самому убійцѣ, именно: а) нахожденіе въ предѣлахъ общины однѣхъ костей, или трупа, котораго никто не можетъ признать (здѣсь всецѣло отражается частное воззрѣніе на преступленіе и наказаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ обвинительное начало въ уголовномъ процессѣ, требующее непремѣнно наличности частнаго обвиненія, нѣтъ наличности—нѣтъ и обвиненія), и б) убійство вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, послѣднее однако, вмѣняется и влечетъ за собою пеню въ 12 грив.—если воръ будетъ убитъ послѣ того, какъ

позволитъ себя связать; застигнутый и связанный воръ долженъ быть представленъ на княжескій дворъ.

Что касается размѣровъ второй пени за убійство—„головщины,“ то Русская Правда по этому поводу не даетъ точныхъ опредѣленій, а ограничивается какъ бы частными примѣрными положеніями, весьма возможно, что „головщина“ опредѣлялась для каждаго конкретнаго случая отдѣльно, нужно только замѣтить, что головщину платилъ всегда самъ преступникъ безъ какого бы то ни было вспоможенія со стороны верви.

2) Преступленія противъ здравія и чести. Здѣсь подробная Русская Правда сперва развиваетъ статьи Ярославовой Правды (отмѣняя допускаемое Правдой Ярослава право мести). Такъ повторяя опредѣленіе о нанесеніи кровавыхъ ранъ, подробная Русская Правда добавляетъ, что тотъ изъ тяжущихся, кто первый началъ драку, обязанъ уплатить пеню въ 60 кунъ, и, что если свидѣтели докажутъ, что истецъ самъ далъ поводъ къ дракѣ, то искъ прекращается. Къ статьѣ о нанесеніи удара какимъ-либо оружіемъ подробная Русская Правда прибавляетъ, что не вмѣняется въ вину оскорбленіе дѣйствіемъ, вызванное какимъ-либо поводомъ со стороны потерпѣвшаго. Къ статьѣ объ отсѣченіи или поврежденіи руки прибавляетъ опредѣленіе о поврежденіи ногъ и глазъ, при чемъ вмѣсто 40 гривенъ назначается пеня въ полвиры, 20 гривенъ, и 10 гривенъ, въ пользу потерпѣвшаго (присутствіе виры здѣсь можетъ быть объяснено, вѣроятно, серьезностью увѣчья или невознаградимостью его). Подобно этому, и въ опредѣленіяхъ объ отсѣченіи пальца, за которое краткая Русская Правда назначаетъ пеню въ 3 гривны, подробная Русская Правда точно ограничиваетъ взысканіе въ пользу князя и потерпѣвшаго—первому 3 гривны продажи, второму—гривну, раньше же послѣднему, очевидно, давалось право мести, почему и нѣтъ точнаго разграниченія взысканій. Оставляя далѣе въ силѣ опредѣленія краткой Русской Правды „о выдраніи уса и бороды“ и о пенѣ съ лица, толкнувшаго другого, подробная Русская Правда первыя опредѣленія пополняетъ требованіемъ другого (помимо вещественныхъ слѣдовъ преступленія) доказательства—выставленія видоковъ, ко вторымъ же добавляетъ новые виды преступленія: нанесеніе удара по лицу или палкою. Наконецъ въ статьѣ объ оскорбленіи дѣйствіемъ рабомъ свободнаго человѣка подробная Русская Правда замѣняетъ убійство преступника—нанесеніемъ ему побоевъ, или взысканіемъ съ него „за соромъ“ (гривны). Затѣмъ слѣдуютъ уже новыя опредѣленія подробной Русской Правды—это: а) опредѣленіе безъ приказанія князя, самоуправствомъ. Размѣръ взысканія въ пользу князя „продажа“ назначается сообразно общественному положенію потерпѣвшаго (на мужа, „смерда“, тяглаго кресть-

янина—3 гривны, мѣщанина, тіуна „болярьскаго“ или мечника—2 гривны) кромѣ продажи производится взысканіе въ пользу потерпѣвшаго по 1 гривнѣ безразлично; б) побои господиномъ „закупа“ (временно обязаннаго лица, сидящаго на господской землѣ на извѣстномъ договорномъ отношеніи). Не вмѣняя побои „закупа“ въ случаѣ дѣйствительной вины его, подробная Русская Правда запрещаетъ ихъ безъ всякаго повода со стороны послѣдняго и назначаетъ такія же взысканія, какъ за побои свободнаго человѣка. в) Выбитіе зуба, взыскивается 12 грив. подати и 1 грив. частнаго вознагражденія „за зубъ“, для доказательства преступленія требуются вещественные слѣды его или показанія видоковъ. г) Нанесеніе ударовъ мечемъ безъ послѣдствій смерти, потерпѣвшему 3 грив. на излѣченіе, въ случаѣ же смертоубійства выступаютъ общія опредѣленія о вирахъ.

3) Преступленія противъ собственности. Изъ опредѣленій Ярославовой Правды сюда вошли статьи объ укрывательствѣ чужого раба, о ѣздѣ безъ спроса на чужомъ конѣ и о самовластномъ взятіи коня, оружія и одежды. Затѣмъ слѣдуютъ собственныя опредѣленія Русской Правды, во главѣ которыхъ стоятъ:

а) опредѣленія о зажигательствѣ и коневой татьбѣ (конокрадство). Тотъ и другой видъ преступленія ведетъ за собой „потокъ“ и „разграбленіе“ съ предварительнымъ опредѣленіемъ убытковъ потерпѣвшаго. Далѣе подробная Русская Правда даетъ опредѣленія, касающіяся:

б) татьбы, кражи, и указываетъ отдѣльно два общихъ положенія. Первое изъ этихъ положеній дозволяетъ убить вора, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, и запрещаетъ убійство вора, уже связаннаго, облагая это послѣднее пеней въ 12 гривенъ; второе общее положеніе о татьбѣ постановляетъ, что продажа (пеня въ пользу князя) взимается только съ вора—свободнаго человѣка, воръ же холопъ, рабъ—присуждается взамѣнъ того къ уплатѣ частнаго вознагражденія потерпѣвшему въ двойномъ размѣрѣ. Переходя къ отдѣльнымъ видамъ татьбы, Правда высшую продажу въ 12 гривенъ опредѣляетъ за кражу или уводъ раба, а также за кражу добра (слѣдующую по размѣру продажу въ 3 гр. и 30 кунъ за кражу, совершенную на гумнѣ и за кражу скота изъ хлѣва или клѣти, за кражу же скота въ полѣ—1 грив. и 10 кунъ), въ случаѣ участія въ преступленіи нѣсколькихъ лицъ, каждое изъ нихъ уплачиваетъ полностью установленную пеню (продажа въ 3 гривны: за кражу какихъ либо предметовъ изъ жилого помѣщенія, за кражу морской ладьи, за выдерку пчелъ изъ чужого улья и за кражу собаки, ястреба или сокола въ чужихъ мѣстахъ для охоты, наконецъ, продажа въ 2 гривны—за кражу простой утки, гуся, лебедя,

въ 20 кунъ—за кражу челна и въ 9 кунъ—за кражу голубя, курицы, сѣна, дровъ), во всѣхъ указанныхъ случаяхъ на ряду съ „продажей“ слѣдуетъ и уплата частнаго вознагражденія потерпѣвшему—„урокъ“, при чемъ размѣръ его опредѣляется для каждаго отдѣльнаго случая соразмѣрно съ дѣйствительной суммой причиненныхъ убытковъ, съ этой цѣлью въ Русской Правдѣ помѣщенъ цѣлый рядъ статей, содержащихъ нормальную расцѣнку различныхъ предметовъ современнаго хозяйственнаго обихода. Послѣдній видъ преступленій противъ собственности, предусматриваемый Русской Правдой, есть: в) намѣренная порча и уничтоженіе чужого имущества, здѣсь указывается: зажигательство, злонамѣренное истребленіе чужого коня или скотины (понятіе злого умысла выражается здѣсь словомъ „пакость“) наказывается продажей въ 12 гривенъ и урокомъ „за пагубу“; порча межи и межевыхъ знаковъ—продажей тоже въ 12 гривенъ, и, наконецъ, порча чужихъ охотничьихъ снастей и снарядовъ для охоты вообще, за преступленіе этого рода помимо частнаго вознагражденія собственника назначается продажа въ 3 гривн., уплачиваемая въ данномъ случаѣ или самимъ преступникомъ или вервью, на которую возлагается обязанность розыскать и выдать виновнаго, или же заплатить за него установленную продажу. Этотъ исключительный случай платежа „продажи“ вервью, можетъ быть объясненъ не иначе, какъ тѣмъ важнымъ значеніемъ, который игралъ охотничій промыселъ въ жизни нашихъ предковъ.

Гражданское право подробной Русской Правды. Русская Правда знаетъ и охраняетъ институтъ частной собственности, какъ по отношенію къ имуществамъ недвижимымъ, такъ и движимымъ (понятіе движимаго имущества опредѣляется терминомъ „товаръ,“ „добытокъ“), къ недвижимостямъ Русская Правда относитъ: земли различныхъ наименованій, дворы, гумна, къ движимостямъ: домашній скотъ, дичь, хлѣбъ въ зернѣ, оружіе, платье, деньги, рабы и проч. Русская Правда охраняетъ также и владѣніе, какъ фактическое отношеніе лица къ вещи, что видно изъ постановленій „о сводѣ,“ лицо, открывшее у другого свою пропавшую вещь, не имѣетъ права самовольно отобрать ее, хотя бы вещь была и украдена; Русская Правда указываетъ, наконецъ, и самые способы пріобрѣтенія права собственности, какъ то: а) плоды или естественныя произведенія земли, б) рожденіе дѣтей отъ рабовъ, в) приплодъ скота, г) пріобрѣтеніе или произведеніе труда холопа, д) пріобрѣтеніе животныхъ охотой, е) ростъ и проценты не только на деньги, но и на хлѣбъ и на животныхъ, ж) переходъ права собственности въ силу гражданскихъ договоровъ, з) переходъ права собственности въ силу извѣстныхъ обязательственныхъ отношеній, вытекающихъ изъ правонарушеній, и) преемство

права собственности по наслѣдству. Разсмотримъ три послѣдніе способа пріобрѣтенія права собственности. Изъ гражданскихъ договоровъ Русской Правды извѣстны: купля—продажа. Совершеніе этого договора вообще не было обставлено какими-либо формальными условіями, за исключеніемъ случая покупки холопа, гдѣ требовалось присутствіе свидѣтелей и гдѣ непремѣннымъ условіемъ ставилось, чтобы сумма стоимости раба передавалась продавцу въ личномъ присутствіи самого хозяина.

Для дѣйствительности договора купли—продажи должны быть два условія: а) лицо, отчуждающее данный предметъ, должно имѣть право распоряженія имъ, и б) не должно имѣть мѣста заблужденіе въ качествѣ и свойствахъ продаваемаго предмета. Въ первомъ случаѣ считается недѣйствительной покупка краденаго предмета, хотя-бы фактъ купли и былъ доказанъ, какъ того требуетъ Русская Правда, двумя свидѣтелями подъ присягой, этимъ лицо, купившее только сводитъ съ себя лично подозрѣніе въ кражѣ, самая же вещь возвращается все-таки ея дѣйствительному владѣльцу-истцу; во второмъ же отношеніи признается недѣйствительной купля, если покупщикъ введенъ въ заблужденіе относительно качествъ покупаемаго предмета, дозволяется возвратить продавцу купленное у него и получить деньги обратно.

Заемъ процентный. По Русской Правдѣ ростъ или проценты высчитываются на отданные въ ссуду деньги, медъ и жито, сообразно чему и ростъ получаетъ особое названіе, въ первомъ случаѣ—„рѣза,“ во второмъ—„настава“ и въ третьемъ—„присона,“ самый же капиталъ называется „истое“. Заемъ на сумму не менѣе 3 грив. заключается непремѣнно въ присутствіи свидѣтелей—„послуховъ“, заемъ, не превышающій 3 грив., свидѣтелей не требуетъ, дѣйствительность его удостовѣряетъ кредиторъ „ротой“, т. е. присягой. Проценты раздѣляются на „мѣсячные“, когда заемъ дѣлается на небольшой срокъ, и „третные“, т. е. уплачиваемые за треть года, если срокъ займа не менѣе года. Эти опредѣленія Русской Правды дополняются опредѣленіями: о ростѣ Владиміра Мономаха, выдѣленными подъ заглавіемъ „Уставъ Владиміра Всеволодовича“. Сюда относятся—а) опредѣленіе, въ силу котораго при годовомъ займѣ, т. е. при займѣ съ третными процентами заимодавецъ можетъ взять эти проценты только 2 раза, взявшій же ихъ въ третій разъ теряетъ тѣмъ самымъ право на возвращеніе ему капитала, и б) опредѣленіе, устанавливающее максимумъ роста, именно, по 10 кунъ съ гривны въ годъ, что составляетъ 20% годовыхъ. Особыя опредѣленія находятся въ Русской Правдѣ относительно займа торговаго. При заключеніи этого займа свидѣтелей не требуется, а дѣйствительность и законность его, въ случаѣ

запирательства должника, удостовѣряется „ротой“ кредитора. При этомъ Русская Правда предусматриваетъ возможность несостоятельности купца—должника, различая несостоятельность несчастную (помимо воли банкрота) и несостоятельность неосторожную (по собственной волѣ банкрота), въ первомъ случаѣ должна быть назначена разсрочка долга по годамъ, во второмъ—предоставляется кредиторамъ отсрочить банкроту уплату долга или „продать“ его (удовлетворить долги его имуществомъ, а самого обратить въ несвободное состояніе до заработка нанесенныхъ кредитору убытковъ), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ прежде всего удовлетворяются: князь и иноземные кредиторы полностью, а затѣмъ—пропорціонально выданнымъ ссудамъ мѣстные домашніе кредиторы.

Наемъ. Русская Правда говоритъ здѣсь только о наймѣ личномъ и всѣ опредѣленія, сюда относящіяся, касаются взаимныхъ отношеній между господиномъ и „закупомъ“. Подъ „закупомъ“, вообще разумѣется лицо свободнаго состоянія, поступившее на извѣстныхъ условіяхъ въ работу къ другому свободному же лицу (по Русской Правдѣ „закупъ“ вообще слѣдуетъ отличать отъ „закупа“ оратъ—пахарь, подъ которымъ разумѣется крестьянинъ, сѣвшій на извѣстныхъ условіяхъ на землѣ частнаго собственника). При поступленіи въ работу къ господину закупъ, конечно, теряетъ долю своей самостоятельности и дѣлается лицомъ какъ-бы несвободнаго состоянія. Первыя двѣ статьи о закупствѣ выясняютъ намъ двѣ стороны обязательныхъ отношеній между господиномъ и закупомъ, а именно: а) продолжительность договорнаго отношенія обуславливается извѣстнымъ срокомъ, до истеченія котораго закупъ подъ опасеніемъ потери личной свободы—не вправѣ оставить господина. б) Господинъ является отвѣтственнымъ за обязательства, вытекающія изъ правонарушеній закупа (уплачиваетъ, напр., за закупа, совершившаго кражу, при чемъ, закупъ становится уже „обѣльнымъ холопомъ“ господина и т. д.). Слѣдующія затѣмъ статьи гарантируютъ личность закупа отъ произвола господина и обезпечиваютъ послѣдняго отъ убытковъ по винѣ закупа. Запрещается господину: а) причинять закупу обиды, какъ личныя, такъ и имущественныя, для чего закупу дается право иска противъ своего господина, б) посягать на личную свободу закупа—продавать въ „обѣльные холопы“ подъ страхомъ недѣйствительности самой продажи и освобожденія закупа.

Денежныя пошлины. Сборы, поступающіе въ пользу сборщиковъ виръ носили названіе „поклона вирнаго“ и размѣръ ихъ былъ нормированъ вел. кн. Ярославомъ въ особомъ вирномъ уставѣ. На основаніи этого устава вирникъ получалъ: 1) извѣстный процентъ съ собираемыхъ имъ виръ,

именно: съ высшей виры (80 грив.)—16 грив. съ 10 кунами и 12 векшами, 2) гривну ссадной пошлины, взимаемой при самомъ пріѣздѣ въ данную мѣстность (когда ссаживался съ коня) и 3) три гривны „за голову“, т. е. съ каждаго мертваго тѣла, дававшаго поводъ къ вирному производству. Что касается прочихъ денежныхъ пошлинъ, поступающихъ къ сборникамъ виръ, то о нихъ въ Русской Правдѣ нѣтъ ясныхъ и точныхъ опредѣленій. Оставаться въ данной мѣстности для отправленія своихъ обязанностей вирникъ по уставу могъ не болѣе одной недѣли.

Метальникъ–обязанности этой должности невыясняются Русской Правдой, хотя и можно видѣть, что оно имѣло какое то отношеніе къ суду вообще и къ сбору виръ въ частности, получая наравнѣ съ другими должностными лицами судебныя пошлины.

Мечникъ и дѣтскій—это низшіе члены княжеской дружины, принимающіе на себя тѣ или другія судебно-процессуальныя порученія, вознаграждаемыя пошлинами.

Отрокъ—низшее должностное лицо, участвующее въ процессѣ при должностныхъ лицахъ высшихъ разрядовъ.

Писецъ—это, вѣроятно, прототипъ будущаго дьяка, онъ получалъ судебную пошлину въ 10 кунъ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію самаго порядка процесса по Русской Правдѣ, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что процессъ ея есть процессъ обвинительный, т. е. предполагающій всегда наличность частнаго обвинителя, въ противоположность процессу слѣдственному, возбужденному самой общественной властью, и, что при открытіи процесса, за исключеніемъ случаевъ смертоубійства и порчи орудій охоты, непремѣнно требуется точное указаніе личности виновнаго. Тяжущіяся стороны, какъ отвѣтчикъ, такъ и истецъ, въ современномъ значеніи этого слова, называются Русской Правдой „истцами“, самый процессъ „тяжею,“ а обвиненіе—со стороны лица потерпѣвшаго, служащее основаніемъ къ открытію процесса „поклепомъ“. Центръ тяжести процесса лежитъ въ представленіи обѣими сторонами доказательствъ, каковыми по Русской Правдѣ являются: а) свидѣтельскія показанія, требующіяся въ процессѣ о „душегубствѣ, о нанесеніи увѣчій и побоевъ“, въ процессѣ о „татьбѣ“, а также при сдѣлкахъ гражданскаго права—займѣ, нѣкоторыхъ видахъ купли—продажи и при принятіи опеки. Свидѣтели „видоки“ и „послухи“ должны быть лицами свободными, исключеніе допускается только для „боярскихъ тіуновъ“, какъ для несвободныхъ людей высшаго порядка и для „закуповъ“, какъ для лицъ полусвободныхъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда не представляется возможнымъ имѣть свободныхъ свидѣтелей. б) Знаменія, т. е. внѣшніе видимые слѣды или призна-

ки, дающіе основаніе предполагать фактъ преступленія,— слѣдующія: захватъ преступника на мѣстѣ преступленія, „лицо", т. е. поличное, знаки побоевъ и увѣчіе—„синія и кровавыя раны" и пр. в) Испытаніе водой и желѣзомъ, извѣстное въ средніе вѣка въ Западной Европѣ подъ названіемъ „суда Божія" или „ордалій". По Русской Правдѣ испытаніе этого рода назначается въ процессахъ о душегубствѣ и тяжбѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда не было возможности доказать обвиненіе свидѣтельскими показаніями и знаменіемъ, и притомъ, при тяжбахъ на сумму не менѣе 2 грив. Испытаніе желѣзомъ облагается особой пошлиной, извѣстной подъ названіемъ „желѣзной," размѣромъ въ 40 кунъ, и уплачиваемой проигравшей процессъ стороной, сверхъ этой пошлины взыскивается 5 кунъ въ пользу „мечника" и 25 кунъ въ пользу „дѣтскаго", присутствующихъ при испытаніи; обвиняемый же, хотя бы и выдержалъ испытаніе, не могъ требовать съ обвинителя никакого вознагражденія за муку, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненіе строилось на показаніяхъ холопа, онъ, выйдя побѣдителемъ изъ испытанія, получалъ съ обвиняемаго 1 гр. г) Присяга (клятва, рота) можетъ быть двоякая—или со стороны свидѣтелей или со стороны одного изъ тяжущихся. Присяга свидѣтелей требуется: 1) въ случаѣ запирательства должника и 2) въ случаѣ обвиненія кого-либо въ татьбѣ; присяга же самихъ тяжущихся (за отсутствіемъ, конечно, другихъ доказательствъ)—въ тяжбахъ о татьбѣ не свыше 2 грив., о процентномъ займѣ, о займѣ торговомъ и въ искахъ о личномъ оскорбленіи иностранцевъ. д) Жребіемъ за отсутствіемъ знаменія или свидѣтельскихъ показаній рѣшаются дѣла по нѣкоторымъ личнымъ оскорбленіямъ, но въ чемъ заключается сущность этого рода доказательствъ—Русская Правда не говоритъ.

а) Процессъ по дѣламъ о душегубствѣ. Онъ открывался вслѣдствіе наличности „головы"—мертваго тѣла и затѣмъ сосредоточивался на разрѣшеніи вопросовъ: извѣстенъ-ли „головникъ"—(убійца) или нѣтъ, и совершено-ли убійство „въ свадѣ" или „безъ свады," сообразно чему и получалъ свое дальнѣйшее направленіе. Если личность „головника" достовѣрно не была извѣстна, процессъ открывался „поклепомъ" со стороны частнаго обвиненія, которое должно было доказать свое обвиненіе показаніями 7 свидѣтелей, и только иностранцамъ дозволялось выставлять въ такихъ случаяхъ двухъ свидѣтелей. При этомъ обвиняемому предоставлялись средства очистить себя отъ поклепа—„свергнуть виру" и если это ему удавалось, то какъ онъ, такъ и обвинители платили отроку особую пошлину „смѣтное" въ размѣрѣ 1 гривн. Если обвинитель не могъ выставить свидѣтелей, а тотъ, на котораго былъ сдѣланъ поклепъ, не сдавался, то назначалось испытаніе желѣзомъ.

б) Процессъ по личнымъ искамъ. Личные иски вытекаютъ изъ разнаго рода оскорбленій и тѣлесныхъ поврежденій, наносимыхъ однимъ лицомъ другому. Дѣйствительность правонарушенія доказывается въ этихъ случаяхъ или знаменіемъ или показаніемъ свидѣтелей, которыхъ требуется не менѣе двухъ; только иностранцамъ позволяется здѣсь подтверждать свое обвиненіе просто присягой, ротой, не выставляя свидѣтелей. Процессъ прекращается, когда отвѣтчикъ съ своей стороны выставитъ свидѣтелей, которые докажутъ, что истецъ самъ далъ поводъ къ оскорбленію (дракѣ).

в) Процессъ по дѣламъ о татьбѣ получалъ то или другое направленіе, сообразно съ тѣмъ, „закликалъ ли“, т. е. заявлялъ ли потерпѣвшій публично на торгу о пропавшей у него вещи или нѣтъ; въ первомъ случаѣ потерпѣвшему по обнаруженію въ чужихъ рукахъ „закликанной“ собственности, предоставлялось право отобрать ее; во второмъ—требовалось особое процессуальное производство „сводъ“ (сущность „свода“ см. выше). Лицо, которое не было въ состояніи свести съ себя обвиненія признавалось „татемъ“ и обязывалось уплатить княжескую продажу и вознаградить убытки всѣхъ причастныхъ къ данному процессу лицъ. Этотъ нормальный порядокъ свода видоизмѣняется: 1) по различію протяженія территоріи, на которой идетъ „сводъ“; 2) по различію самаго предмета иска. Въ первомъ случаѣ настоящее правило принимается, что „сводъ“ можетъ имѣть мѣсто въ „своей землѣ“, въ данномъ городскомъ округѣ. Поэтому, какъ скоро „сводъ“ доходитъ до предѣловъ даннаго округа, послѣдній отвѣтчикъ долженъ выставить свидѣтелей, которые подтвердили бы добросовѣстное пріобрѣтеніе имъ со стороны вещи и уплатили первоначальному собственнику стоимость ея, послѣ чего принявъ на себя роль второго истца, онъ самъ долженъ продолжать, если пожелаетъ съ этой вещью въ рукахъ дальнѣйшій сводъ по чужимъ землямъ до тѣхъ поръ, пока не найдетъ дѣйствительнаго вора, который и уплачиваетъ всѣ убытки и княжескую продажу, при чемъ самая вещь возвращается первому истцу, а второй получаетъ съ него обратно цѣну ея. Во второмъ прошеніи порядокъ „свода“ измѣняется при розыскѣ украденаго раба. Въ этомъ случаѣ сводъ, не выходя даже за предѣлы города, продолжается только до третьяго отвѣтчика, который, давъ истцу своего раба и взявъ украденнаго, съ этимъ послѣднимъ идетъ до конца свода. По обнаруженіи вора, который уплачиваетъ всѣ убытки и княжескую продажу, истецъ и третій отвѣтчикъ снова размѣниваются рабами.

Послѣдніе моменты процесса—это судебное рѣшеніе и его исполненіе. Въ случаѣ признанія поклепа справедливымъ, судебное рѣшеніе влечетъ за собой: 1) платежъ

виръ или княжеской продажи, а въ исключительномъ случаѣ—высшее уголовное наказаніе—потокъ и разграбленіе; 2) платежъ головщины (въ искахъ о душегубствахъ), возвращеніе предмета иска (въ искахъ о татьбѣ) и платежъ частнаго вознагражденія (въ искахъ личныхъ); 3) уплата судебныхъ пошлинъ и вознагражденіе должностнымъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ процессѣ. Въ судебное рѣшеніе не можетъ входить постановленіе объ уплатѣ роста на отыскиваемый капиталъ, т. к. таковой процентами не наростаетъ. Что касается способовъ исполненія рѣшеній, то за исключеніемъ опредѣленія о порядкѣ платежа виръ, взысканій съ несостоятельныхъ должниковъ и конкурса между заимодавцами, Русская Правда никакихъ указаній на этотъ счетъ не даетъ. Во всѣ списки Русской Правды входятъ составной ея частью два устава—памятника, совершенно самостоятельныхъ и ничего общаго съ Русской Правдой неимѣющихъ, это—„урокъ мостникамъ и городникамъ.“ 1) „Урокъ мостникамъ“ имѣетъ своей задачей опредѣлить размѣръ денежнаго вознагражденія и натуральнаго содержанія мостниковъ (т. е. мостовыхъ дѣлъ мастеровъ). Къ тому же уставу примыкаетъ статья „о городскихъ мостѣхъ османной поплати,“ въ которой находится раздѣленіе концовъ сотенъ и улицъ Великаго Новгорода по отношенію къ повинности содержанія мостовъ; но эта статья, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, могла появиться не ранѣе второй половины XIII вѣка, почему о ней рѣчь будетъ впереди. На основаніи опредѣленій „устава мостникамъ“ каждый мастеръ получаетъ по нагатѣ (65 коп.) съ каждыхъ 10 локтей новаго моста и по кунѣ (26 коп.) съ городка (звено) въ случаѣ ремонта. На работу мастеръ выѣзжаетъ съ помощникомъ (отрокомъ) на двухъ лошадяхъ, на содержаніе которыхъ населеніе выдаетъ по 4 лухно овса въ недѣлю; самимъ же мастерамъ отпускаетъ продовольствіе натурой, соразмѣрно потребностямъ. Что же касается вопроса о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ „мостовъ“, то еще не выяснено—говорится ли въ уставѣ о мостахъ въ общеупотребительномъ нынѣ значеніи этого слова, или же здѣсь рѣчь идетъ о мостовыхъ вообще.

2) „Урокъ городникамъ“ т. е. мастерамъ, строющимъ городскія стѣны. По этому уставу мастеру полагается: а) денежное вознагражденіе въ размѣрѣ—1 куна при закладкѣ „городка“, т. е. каждаго звена городской стѣны и 1 ногаты по окончаніи его; б) на каждую недѣлю опредѣленное содержаніе натурой, какъ ему самому, такъ и его лошадямъ и сверхъ того еще 7 кунъ деньгами.

Государственный и общественный бытъ въ первую половину вѣчевого періода.

Основными элементами государственнаго строя русской

земли въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ являются: вѣче, князь и княжеская дружина.

Вѣче составляло исконную форму участія народа въ общественныхъ дѣлахъ: оно существовало у племенъ, образовавшихъ Русское Государство еще до варяго-русскихъ князей и составляло существенный элементъ государственной жизни вплоть до покоренія русской земли татарами. Вѣче, какъ это выясняетъ проф. Сергѣевичъ, было въ древней Руси явленіемъ необходимымъ, а уже въ силу того и всеобщимъ. Князь, представляющій собою второй существенный элементъ древне-русскаго общественнаго быта, будучи элементомъ призваннымъ, поставленнымъ къ землѣ въ договорныя отношенія не только юридически, но и фактически, не могъ обойтись безъ вѣча: у него не было собственныхъ достаточныхъ средствъ для управленія, какія имѣлись въ распоряженіи западно-европейскихъ властителей, основавшихъ свои государства завоеваніемъ; его связь съ дружинниками, построенная исключительно на договорныхъ отношеніяхъ, съ отсутствіемъ какой бы то ни было обязанности, была весьма слаба; въ основѣ этой связи не лежало поземельныхъ отношеній, какъ это было на Западѣ въ государствахъ, основанныхъ на завоеваніи (ленная зависимость) и она всегда легко могла порваться по волѣ дружинника. Князь, слѣдовательно, долженъ былъ сознавать себя безсильнымъ передъ волей земли, долженъ былъ искать ея расположенія и свою волю согласовать съ ея волей, выражавшейся на вѣчѣ. По своей внѣшней формѣ, вѣче представлялось или собраніемъ всѣхъ самостоятельныхъ членовъ цѣлаго племени—вѣче племенное, или же собраніемъ самостоятельныхъ членовъ отдѣльныхъ городовъ и даже пригородовъ, которые стояли въ извѣстномъ отношеніи къ вѣчу старѣйшаго города („на чемъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ пригороды и станутъ“). Право активнаго участія и голоса въ вѣчевомъ собраніи имѣлъ каждый свободный и самостоятельный въ хозяйственномъ отношеніи членъ населенія, поэтому такого права не имѣли рабы и неполноправные члены общины (неподѣленные сыновья при отцахъ, младшіе братья при старшихъ и наймиты). Самое участіе населенія въ вѣчевомъ собраніи было, слѣдовательно, поголовнымъ и никогда представительнымъ, ни для кого оно не было также и обязательнымъ. Въ отношеніи времени и мѣста вѣчевыхъ собраній не было ничего опредѣленнаго. Вѣче не имѣло періодическихъ засѣданій, а созывалось смотря по потребности въ немъ, равно не существовало и опредѣленныхъ мѣстъ для вѣчевыхъ сборищъ. Собиралось вѣче въ городахъ „на полѣ“, около городовъ и даже въ походахъ, когда съ княземъ выступало земское ополченіе. Въ городахъ вѣче собиралось обыкновенно у церквей, на торжищахъ или на княжескомъ дворѣ; въ Новгородѣ

любимымъ мѣстомъ собраній вѣче служили Ярославовъ дворъ и храмъ св. Софіи. Созывалось вѣче вѣчевымъ колоколомъ и бюричами, глашатаями. Право созванія вѣче принадлежало, во 1-хъ, князю и во 2-хъ самому народу, который могъ созывать вѣче или путемъ непосредственнаго требованія или черезъ своихъ старѣйшихъ, при чемъ инициатива созванія вѣча могла исходить не только отъ большинства и вообще отъ извѣстной группы населенія, но даже отъ нѣсколькихъ лицъ. Самый порядокъ вѣчевыхъ собраній не носилъ на себѣ характера строгой опредѣленности; изъ отдѣльныхъ лѣтописныхъ указаній видно только, что первымъ держалъ слово къ собранію или князь, или представитель извѣстной партіи, извѣстнаго кружка населенія, отъ которыхъ шла иниціатива созванія вѣча. Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ совѣщаній составлялся вѣчевой приговоръ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ записывался. Въ Новгородѣ существовала даже особая доходность дьяка, который записывалъ эти приговоры. Приговоръ поставлялся или единогласнымъ рѣшеніемъ—„одиночествомъ" или рѣшеніемъ большинства, но большинства непремѣнно подавляющаго, которое было бы въ состояніи фактически заглушить голосъ меньшинства, и принудить его повиноваться состоявшему рѣшенію; только въ такихъ случаяхъ вѣчевой приговоръ получалъ обязательную силу. Что касается, наконецъ, предметовъ вѣдомства вѣча, то въ этомъ отношеніи не возможны категорическія и опредѣленныя указанія, и ужъ только потому, что вѣчевыя собранія не подлежали государственной регламентаціи. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ видно, что вѣчевыя собранія могли обсуждать всякаго рода дѣла, какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, и что исключительную принадлежность ихъ составляли двѣ функціи: избраніе князя и рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ. Волости сами призывали князей къ себѣ на княженіе или же, если прямого избранія въ данномъ случаѣ не было, вступали съ княземъ въ соглашеніе, заключали съ ними „рядъ"—договоръ, въ которомъ и опредѣлялись ихъ взаимныя отношенія; въ этомъ избраніи, въ этомъ заключеніи „ряда" замѣтна значительная доля законодательной дѣятельности вѣча. Не менѣе важной представляется и другая изъ упомянутыхъ функцій,—князь для веденія сколько нибудь значительныхъ войнъ часто нуждался въ военной силѣ, т. к. его собственной дружины въ этихъ случаяхъ было недостаточно, онъ долженъ былъ обращаться за помощью къ землѣ, которая, если сочувствовала его военнымъ предпріятіямъ, организовала земское ополченіе; ясно стало быть, что отъ вѣча зависѣло рѣшать дѣло оружіемъ или миромъ. Изъ другихъ отправленій вѣчевыхъ собраній въ области внутренней и внѣшней

политики можно указать вмѣшательство вѣча въ сферу управленія князя, въ случаѣ, напр., недовольства народа княжескими должностными лицами; участіе вѣча въ избраніи епископовъ (только въ Новгородѣ) и, наконецъ, въ общихъ совѣщаніяхъ во время походовъ; въ этомъ случаѣ вѣче составлялось изъ княжескихъ дружинниковъ или дружины и земскаго ополченія, и носило характеръ военныхъ совѣтовъ.

Князь. Въ первое время по призваніи князей, русская земля находилась во власти одного князя или же дѣлилась между нѣсколькими князьями Рюрикова дома. Ярославъ Владиміровичъ былъ послѣднимъ единовластителемъ Русской земли въ до-Московскій періодъ ея исторической жизни. При преемникахъ его вся Русская земля раздѣлялась на цѣлую систему отдѣльныхъ княженій или областей (въ первое время удѣльной системы понятіе области совпадаетъ съ понятіемъ княженіе), которыя распредѣлялись между князьями Рюрикова дома. Территоріальныя единицы, составлявшія волости или княжества отдѣльныхъ князей, носили иногда названіе „удѣловъ", оттуда самое явленіе называется „удѣльной системой", а эпоха „удѣльной". Вопросъ, въ чемъ слѣдуетъ искать историческое объясненіе нашей удѣльной системы, до настоящаго времени остается открытымъ. Карамзинъ и др. писатели прежняго времени находятъ это объясненіе въ обыкновеніи того времени, въ личной слабости князей, въ любви ихъ къ дѣтямъ и т. п.; Погодинъ—въ дознаніи князьями-Рюриковичами своего права на владѣніе землями, которыми издавна владѣли предки ихъ; Соловьевъ—въ проявленіи родового быта, связывавшаго всѣхъ князей—Рюриковичей, въ силу котораго каждый родичъ имѣлъ право на извѣстную долю подвластной всему роду территоріи; Пассекъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Костомаровъ—въ стремленіи городовъ къ самостоятельности путемъ обособленія въ отдѣльныя княжества, волости; Бестужевъ-Рюминъ, наконецъ, замѣчая, что всѣ эти теоріи страдаютъ односторонностью, говоритъ, что происхожденіе удѣльной системы нельзя объяснить какой либо одной изъ приведенныхъ причинъ, однимъ историческимъ фактомъ—удѣльная система возникла подъ вліяніемъ нѣсколькихъ факторовъ, которые и должны быть изучаемы въ своей взаимной связи. Вопросъ объ удѣльной системѣ имѣетъ еще другую сторону, именно: чѣмъ поддерживалось единство русской земли, существовавшее при ея раздробленности на удѣлы, при обособленности въ политическомъ отношеніи составныхъ частей ея? Вопросъ этотъ разрѣшался въ литературѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Соловьевъ, напримѣръ, видитъ объединяющую связь въ родовыхъ отношеніяхъ князей дома Рюрикова, которые объединяя отдѣльныхъ членовъ этого дома, объединяли въ то же время и отдѣльныя части русской земли,

распредѣленной между ними. Костомаровъ—въ единствѣ происхожденія и языка, единствѣ княжескаго рода и единствѣ нравовъ и религіи, но прилагаетъ къ удѣльной Руси понятіе федеративности, что чуждо строю русской жизни. Въ концѣ 60-хъ годовъ проф. Сергѣевичъ предложилъ свою теорію, которая въ основу всѣхъ явленій удѣльнаго періода кладетъ договорныя отношенія съ одной стороны къ народу, съ другой князей между собой. Въ своемъ ученіи о договорныхъ отношеніяхъ эта теорія подробно разбираетъ вопросъ о порядкѣ распредѣленія волостей между князьями, причемъ, какъ основное, выставляется то положеніе, что престолы въ этомъ періодѣ добывались, а не пріобрѣтались въ порядкѣ законнаго наслѣдства. Подъ добываніемъ разумѣется та степень труда и энергіи, которую проявляетъ извѣстный князь (только изъ дома Рюрика), пріобрѣтая себѣ престолъ. Добываніе называется „подыскиваніемъ", когда оно направлено къ пріобрѣтенію престола, уже занятаго извѣстнымъ княземъ. Къ добыванію престоловъ князей побуждало желаніе съ одной стороны имѣть опредѣленные доходы, а съ другой—имѣть опредѣленное общественное положеніе; князь, не имѣющій престола, становится „изгоемъ" (въ буквальномъ смыслѣ „изгой" значитъ вышедшій изъ жизни, вообще же подъ изгоями разумѣлись лица, не имѣвшія опредѣленнаго общественнаго положенія и находящіяся на особомъ попеченіи церкви, а потому и называются людьми церковными, „богадѣльными"; въ качествѣ изгоя памятники наши указываютъ безграмотнаго „попова сына", выкупившагося холопа, несостоятельнаго купца и князя безъ стола). Съ обладаніемъ столомъ старшей волости соединялось наименованіе князя „великимъ", выражающее собой понятіе извѣстнаго почета, старшинства, но въ практическомъ отношеніи не представляющее князю никакихъ преимуществъ, правъ (великими волостями были княжества: Кіевское, Владимірское, Рязанское, Тверское и Московское). Право преемства въ старшемъ столѣ переходило не къ старшему сыну умершаго, а къ старшему брату его, затѣмъ къ слѣдующему по старшинству брату и т. д. и только по смерти послѣдняго изъ братьевъ право преемства переходило къ старшему сыну старѣйшаго изъ умершихъ братьевъ. Нужно однако замѣтить, что это преемство князей отнюдь не носило для волостей характера обязательности, характера законнаго преемства: ни предъявленіе княземъ своихъ правъ на столъ, ни даже назначеніе преемника умирающимъ великимъ княземъ не имѣло обязательнаго значенія, коль скоро претендентъ не пользовался расположеніемъ волости. Фактъ здѣсь преобладалъ надъ правомъ. Не могло быть права, въ настоящемъ его смыслѣ, при господствѣ договорнаго начала и системы „добыванія"; не могло быть и закон-

наго престолонаслѣдія въ великомъ княжескомъ столѣ (поэтому понятіе „вотчины" не означаетъ наслѣдственной волости, но только волости, гдѣ княжилъ отецъ даннаго князя, давая ему этимъ лишь основаніе для притязаній на волость). Что же касается способовъ пріобрѣтенія князьями столовъ, то во главѣ ихъ стоятъ: I—призваніе князя самой волостью, какъ непосредственное участіе самого народа въ организаціи у себя княжеской власти и II—три вида добыванія: 1) Мирное занятіе, предполагающее пріобрѣтеніе вакантнаго стола; задача ищущаго заключается здѣсь въ томъ, чтобы предупредить остальныхъ претендентовъ и войти въ соглашеніе съ вѣчемъ. 2) Захватъ силой—онъ совершался или путемъ добыванія чужой волости или путемъ насильственнаго устраненія сидящаго на столѣ князя; послѣднее обстоятельство нисколько не противорѣчило договорному началу: волости князь былъ необходимъ, а между тѣмъ сидящій у нея на столѣ князь могъ не пользоваться ея симпатіями, она и оставалась равнодушной къ борьбѣ его съ соперникомъ, смотря на послѣднее, какъ на судъ Божій; за то за любимаго князя волость поголовно поднималась на защиту въ случаѣ нападенія на него другого князя. 3) Пріобрѣтеніе путемъ добровольной уступки. Этотъ способъ практиковался въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстному князю казалось болѣе выгоднымъ добровольно уступить другому князю часть своихъ владѣній, чѣмъ вступать съ нимъ въ борьбу, или когда нужно было для тѣхъ или иныхъ цѣлей заручиться расположеніемъ другого князя, пріобрѣсти его содѣйствіе. Какимъ бы изъ этихъ способовъ ни былъ пріобрѣтенъ княземъ столъ, необходимо было еще закрѣпить его за собой; средствомъ такого закрѣпленія и былъ договоръ князя съ волостями („рядъ") въ лицѣ вѣча.

Безъ ряда ни одинъ князь не могъ занять столъ—это правило одинаково примѣнялось во всѣхъ русскихъ волостяхъ. Договорное начало въ отношеніи князя и волости опредѣляетъ собой начало взаимнаго соглашенія „одиначества" между княземъ и вѣчемъ, вѣче и князь были властями другъ другу не подчиненными: какъ князь могъ не исполнять рѣшенія вѣча и не признавать его, съ которымъ онъ почему-либо не согласенъ, такъ и вѣче съ своей стороны могло протестовать противъ дѣйствій князя, несогласныхъ съ волей народа; для совокупности дѣйствій этихъ двухъ силъ и требовалось ихъ взаимное соглашеніе—одиначество. Князь, уважающій всю землю, твердо поддерживающій одиначество и любовь съ вѣчемъ, былъ идеаломъ древне-русскаго князя. Коль скоро одиначество не было достигнуто, открывалась борьба князя и вѣче, которая кончалась или изгнаніемъ князя или вооруженной усобицей, если только за князя стояла вѣчевая партія. Слѣ-

дуетъ замѣтить при этомъ, что въ борьбѣ вѣча и князя, личность послѣдняго оставалась неприкосновенной и лишь въ исключительныхъ случаяхъ допускалось лишеніе князя свободы. Какъ въ основѣ отношеній князя и вѣче лежало договорное начало, такъ и это же начало опредѣляло отношеніе князей между собою. Правомъ вступать въ договоры пользовались всѣ самостоятельные, т. е. вышедшіе изъ-подъ отеческой опеки и имѣющіе свои волости князья Рюриковы. Между князьями договоры касались только внѣшней международной политики и не распространялись на сферу управленія внутренняго; предметомъ договоровъ князей между собой служило: распредѣленіе волостей между князьями (то и другое преимущественно послѣ конца усобицъ), заключеніе оборонительныхъ и наступающихъ союзовъ и пр. (одинъ случай относится къ законодательной дѣятельности: отмѣна кровавой мести на княжескомъ съѣздѣ по смерти Ярослава). Средствомъ заключенія договоровъ были: между княжескія посольства и съѣзды. Будучи однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ сохраненію въ теченіи удѣльнаго періода взаимной солидарности князей и единства земли русской, между-княжескіе съѣзды не были учрежденіемъ постояннымъ, покоились не на правѣ, а на фактѣ, а потому и не имѣли ни опредѣленной организаціи, ни права изданія обязательныхъ постановленій; съѣзды были выраженіемъ добровольнаго желанія князей придти къ извѣстнымъ соглашеніямъ, имѣющимъ общій интересъ; ни одинъ изъ князей не былъ обязанъ являться на съѣздъ, ни одинъ изъ нихъ не былъ обязанъ и подчиняться тому или другому рѣшенію съѣзда, т. к. юридическихъ послѣдствій для несогласнаго не возникало. На ряду съ князьми являлись на съѣздъ иногда и лучшіе дружинники ихъ, принимавшіе активное участіе въ переговорахъ; нерѣдко также въ договорахъ между князьями принимали участіе и третьи лица, незаинтересованные князья и представители духовенства, являющіяся посредниками между князьями и имѣвшія своей задачей привести договаривающихся къ соглашенію, къ миру, къ взаимной любви. Договоръ скрѣплялся крестнымъ цѣлованіемъ и обязательствомъ договаривающихся исполнять его.

Дружина. Съ самаго начала Русскаго государства, князья русскіе были окружены болѣе или менѣе значительнымъ числомъ сподвижниковъ, составлявшихся изъ родственниковъ и единоплеменниковъ. Они то и положили начало учрежденію княжеской дружины, представлявшей собой служилый классъ. Составъ дружины княжеской постоянно измѣнялся, съ одной стороны выходомъ недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей, а съ другой поступленіемъ на службу новыхъ выходцевъ — варяговъ. Но весьма рано, при первыхъ же князьяхъ въ контингентъ княжеской дружины начинаютъ

проникать туземные элементы, которые мало-по-малу пріобрѣтаютъ преобладаніе надъ элементомъ варяжскимъ и къ эпохѣ в. к. Владиміра окончательно вытѣсняютъ его. Въ основѣ отношеній между князьями и дружинниками не было поземельной собственности: наши князья, не будучи завоевателями, не могли раздавать своимъ сподвижникамъ бенефиціальныхъ участковъ, что всегда давало дружинникамъ право „отъѣзда", т. е. свободнаго оставленія княжеской службы; отношенія нашихъ князей къ дружинѣ, какъ и всѣ прочіе виды государственныхъ отношеній, опредѣлялись извѣстнымъ договоромъ „рядомъ"; связывающими средствами служили,— съ одной стороны матеріальныя выгоды, предоставляемыя княжеской службой—„кормленіе", управленіе городами съ правомъ получать отъ населенія извѣстные доходы и т. п., съ другой стороны нравственныя узы. Послѣднее средство имѣло особенно важное значеніе, т. к. дружинникъ никогда не считался наемникомъ нести княжескую службу: его побуждали не одни матеріальные расчеты, но и личная привязанность къ своему князю; лучшей иллюстраціей къ этому могутъ служить слова св. Владиміра, которыя онъ часто повторялъ: „Сребромъ и златомъ не найду дружины, а съ дружиной доищусь и сребра и злата". Самыя отношенія между княземъ и дружиной отличались крайней простотой, въ нихъ не было ни рѣзкаго господства, ни строгой подчиненности; князь въ кругу своихъ дружинниковъ представлялъ собой скорѣе перваго изъ равныхъ, чѣмъ господина. Одной изъ важнѣйшихъ сторонъ въ отношеніяхъ князя съ дружиной, представляются совѣщанія князя съ дружинами, являющіяся непосредственно отраженіемъ договорныхъ началъ, господствовавшихъ въ этихъ отношеніяхъ. Существуя съ самаго начала русской государственной жизни обычай „совѣщаній" въ эпоху удѣльной системы въ силу шаткости государственныхъ отношеній пріобрѣтаетъ громадное значеніе и укореняется съ характеромъ неотъемлемаго права, которое должно строго уважаться и исполняться княземъ. Для совѣщаній объ извѣстномъ предметѣ существовала княжеская Дума. Княжеская Дума была учрежденіемъ постояннымъ, собираясь, какъ въ мирное время, такъ и во время походовъ; въ послѣднемъ случаѣ она принимала характеръ военныхъ совѣтовъ, на которые принимались, какъ земскіе, такъ и наемные воины. Мѣстомъ собранія Думы служили княжескія хоромы; временемъ засѣданія—обыкновенно рано утромъ (поученіе Владим. Мон.), а предметами обсужденія— текущія дѣла, вопросы законодательные и касающіеся междукняжеской политики. Что касается порядка и характера самыхъ совѣщаній, то въ этомъ отношеніи допускалась полная свобода сужденія: каждый безъ опасенія могъ высказывать свое мнѣніе и даже оспаривать мнѣніе князя, что носило

техническое названіе „встрѣчи“. Въ составъ княжеской Думы входили: во 1-хъ, лучшіе княжескіе дружинники, которые составляли преобладающій элементъ; во 2-хъ, представители земщины; въ 3-хъ, представители высшаго духовенства; лица двухъ послѣднихъ категорій впрочемъ не всегда принимали участіе въ княжеской Думѣ, т. что въ своемъ нормальномъ составѣ Дума представляла собой лучшихъ представителей княжеской дружины. Кромѣ нормальной Думы были случаи Думы усложненной: 1) когда дума вмѣстѣ съ княземъ своимъ принимала участіе въ вѣчевомъ собраніи и когда, слѣдовательно, она поглащалась понятіемъ вѣча, и 2) когда князья являлись на междукняжескіе съѣзды со своими дружинниками и когда, стало быть, нѣсколько княжескихъ Думъ соединялись въ одну. Особенно важное значеніе имѣла Дума при малолѣтнихъ князьяхъ, т. к. въ такихъ случаяхъ въ рукахъ дружинниковъ—думцевъ сосредоточивалась власть. Начиная съ первыхъ русскихъ князей и затѣмъ въ теченіи всего удѣльнаго періода, княжеская дружина дѣлилась на двѣ части—старшая и младшая. Старшая или передняя состояла изъ бояръ или мужей княжескихъ; кромѣ этихъ бояръ и мужей княжескихъ, т. е. служившихъ въ дружинѣ князя, были бояре и мужи земскіе, не служившіе въ княжеской дружинѣ. Нужно замѣтить, что въ эту эпоху боярство не имѣло никакого юридическаго значенія,—не было „чиновъ“ въ современномъ смыслѣ этого слова, слѣдовательно, не могло и жаловаться (т. е. даваться), а могло пріобрѣтаться въ силу извѣстныхъ фактическихъ условій: матеріальнаго положенія, личнаго превосходства извѣстнаго лица передъ другими и т. п., такъ что терминъ „бояринъ“ или „бояринъ“ (большій) выражалъ собой понятіе человѣка большаго, лучшаго въ сравненіи съ окружающей средой, опредѣляло извѣстное фактическое состояніе лица. Различіе между боярами и мужами княжескими и боярами и мужами земскими заключалось именно въ томъ, что первые пріобрѣли это званіе на службѣ у князя, пользуясь большимъ значеніемъ сравнительно съ другими дружинниками, а вторые—во время своего пребыванія въ земщинѣ. Въ старшей княжеской дружинѣ, конечно, могли быть и тѣ и другіе, весьма возможно, что послѣдніе при поступленіи въ дружину сливались въ общемъ понятіи бояръ и мужей княжескихъ для отличія отъ бояръ и мужей, остающихся въ земщинѣ. Обладая матеріальными средствами и значительнымъ количествомъ слугъ, мужи нерѣдко организовали свои собственныя дружины, во главѣ которыхъ и являлись на княжескую службу.

Младшую дружину князя составляли: отроки, дѣтскіе, гридьба, дворяне, мечники, дѣти боярскіе. Отроки составляли низшій разрядъ дружинниковъ, если не имѣли исключительно военнаго назначенія; это были слуги въ собствен-

номъ значенiи этого слова, состоявшие при князѣ для исполненiя различнаго рода дѣлъ и порученiй, слѣдовательно, къ этому разряду могли относиться и несвободные люди—холопы. Дѣтскiе въ противоположность отрокамъ были непремѣнно людьми свободнаго состоянiя и носили исключительно военный характеръ; князья давали имъ разнаго рода административныя порученiя, назначали, напримѣръ, посадниками въ небольшие города и т. д. Лучшие изъ дѣтскихъ назывались „мечниками".

Гридьба. Этотъ терминъ не обозначалъ отдѣльнаго опредѣленнаго разряда дружинниковъ, а служилъ наименованiемъ всей младшей дружины. Какъ терминъ „гридьба", такъ и терминъ „дѣтскiе" скоро вышли изъ употребленiя. Взамѣнъ ихъ явились новые термины: 1) „дворъ княжескiй", откуда „дворяне" и 2) „дѣти боярскiе". Подъ названiемъ „дворъ", „дворяне"—разумѣлась совокупность (но не разрядъ) младшихъ дружинниковъ, непосредственно окружавшихъ князя и жившихъ въ стольномъ городѣ, въ противоположность дружинникамъ городовымъ, жившимъ по другимъ городамъ,—княжескiя. Подъ именемъ—„дѣтей боярскихъ"—разумѣлись младшие дружинники высшаго разряда. Эти не должны были быть всѣ причислены непремѣнно къ стольному городу—княжескiя и находиться при самомъ князѣ; часть ихъ находилась по другимъ городамъ и принимала наименованiе „городовыхъ дѣтей боярскихъ". Средствами содержанiя княжескихъ дружинниковъ были: кормленiе, разнаго рода пошлины (отъ суда, собиранiе виръ и судебн. пошлинъ), натуральное содержанiе отъ населенiя за время отправленiя различныхъ служебныхъ обязанностей, натуральное содержанiе отъ князя, послѣднее впрочемъ только для дружинниковъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго служебнаго назначенiя и жившихъ исключительно при княжескомъ дворѣ, наконецъ, часть доли и военная добыча.

Государственное управленiе удѣльно-вѣчевой Руси.

Приступая къ исторiи государственнаго управленiя Руси удѣльно-вѣчевого уклада, мы заранѣе должны оговориться, что эта исторiя не будетъ блистать полнотою. Дѣло въ томъ, что источники далеко не дадутъ намъ въ этомъ отношенiи подробныхъ, а тѣмъ болѣе систематическихъ данныхъ: имѣющiяся у насъ свѣдѣнiя представляются весьма отрывочными, а подчасъ спорными. Дѣло осложняется еще тѣмъ, что многiя стороны и явленiя внутренняго управленiя древней Руси, получивъ свое начало въ первой половинѣ удѣльно-вѣчевого перiода, въ эпоху до-монгольскую, съ полной ясностью и опредѣленностью выразились лишь во 2-ю половину удѣльнаго перiода, въ эпоху московской центра-

лизаціи, почему и не могутъ быть достаточно охарактеризованы на основаніи источниковъ разсматриваемой эпохи; намъ невольно поэтому придется отложить ихъ изслѣдованіе до разсмотрѣнія исторіи развитія государственной жизни въ послѣдующія эпохи русской исторіи. Вотъ почему изложеніе исторіи управленія удѣльно-вѣчевой Руси предположено нами весьма кратко, нерѣдко даже въ самыхъ общихъ чертахъ причемъ мы считаемъ необходимымъ предпослать изложенію этого вопроса нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній относительно территоріально-административнаго дѣленія древней Руси, которое всегда было тѣсно связано съ мѣстнымъ управленіемъ. Каждое удѣльное княженіе, каждая княжеская волость представлялись единицею совершенно абсолютною, самостоятельною въ правительственномъ отношеніи; каждый князь пользовался полной самостоятельностью въ дѣлѣ управленія своей волостью; слово „волость" въ древней Руси имѣло значеніе чисто нарицательное,—волостью называется территорія, подчиненная данному князю,—это его княженіе, его удѣлъ; волостью же называется и округъ, подчиненный посаднику; волостью называется и совокупность земель, принадлежащихъ данной общинѣ или частному владѣльцу; наконецъ, волостью называлась территорія, занятая извѣстнымъ племенемъ. Скоро впрочемъ слово „волость" совершенно исчезаетъ изъ употребленія въ смыслѣ опредѣленнаго княженія, и уступаетъ свое мѣсто другимъ наименованіямъ: „уѣзда" и „удѣла". Переходя къ названію „уѣздъ", мы напомнимъ, что это названіе имѣло тоже общее нарицательное значеніе; уѣздъ—это общее наименованіе пространства, территоріи, на которую распространяется опредѣленная власть, періодически объѣзжавшая эту территорію для осуществленія задачъ управленія ею; какъ далеко можетъ „уѣзжать" эта власть для осуществленія своихъ задачъ, настолько простирается „уѣздъ".

Понимаемый въ смыслѣ территоріальной единицы ввѣренной управленію извѣстнаго должностнаго лица, уѣздъ равносиленъ понятію городского округа, который и лежитъ въ основѣ древнѣйшей системы мѣстнаго управленія; руководящее начало въ развитіи древнѣйшаго русскаго областного управленія высказывается въ стремленіи каждаго городского округа (городской волости, позже уѣзда) образовать изъ себя отдѣльную территоріально-административную единицу. На этомъ руководящемъ началѣ и зиждется древнѣйшая русская система мѣстнаго управленія—управленія посадническаго. Тщетно стали бы мы искать въ удѣльно-вѣчевой Руси ясно очерченнаго различія между управленіемъ центральнымъ и управленіемъ мѣстнымъ, областнымъ. Начало центральнаго управленія слѣдуетъ искать въ лицѣ князя и его думы; но значеніи князя, какъ представителя централь-

ной власти, есть только условное. Дѣло въ томъ, что князь, нося характеръ власти центральной, съ другой стороны носитъ характеръ власти мѣстной областной именно потому, что онъ удерживалъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи опредѣленный территоріальный округъ (тотъ, въ центрѣ котораго онъ жилъ), и по отношенію къ этому округу отправлялъ тѣ же самыя функціи управленія, какія отправлялъ всякій другой мѣстный правитель (посадникъ) во ввѣренномъ ему округѣ. Система мѣстнаго посадническаго управленія восходитъ до самаго начала русской государственной жизни. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Рюрикъ раздавалъ города мужамъ своимъ:—„овому Полоцкъ, овому Бѣлое море, а овому Ростовъ". Здѣсь мы имѣемъ первое историческое указаніе на организацію мѣстнаго управленія чрезъ посредство княжескихъ дружинниковъ, которое имѣло мѣсто еще во времена Рюрика. Олегъ, по занятію Смоленска и Любеча, также сажаетъ здѣсь мужей своихъ. Мы не знаемъ, носили-ли эти мужи, посаженные по городамъ, въ эту эпоху позднѣйшее наименованіе „посадниковъ", но во всякомъ случаѣ несомнѣнно", что въ лицѣ этихъ мужей мы имѣемъ дѣло съ первоначальнымъ образованіемъ посадническаго управленія. Въ рукахъ посадниковъ сосредоточивались всѣ немногочисленныя вѣтви современнаго внутренняго управленія, именно—администрація и судъ еще не раздѣленные между собой въ ту эпоху, сборъ дани и другихъ финансовыхъ повинностей съ населенія и, наконецъ, обязанности поддерживать власть князя во ввѣренномъ посаднику округѣ, т. е. власть военная; поэтому посадникъ оказывался безъ сомнѣнія и начальникомъ городовой засады, начальникомъ части княжеской „гридьбы", приписанной къ его городу. Посадники получали содержаніе отъ самой должности своей, пользуясь частью собираемыхъ ими даней, пошлинами отъ суда и отъ различныхъ исполнительныхъ дѣйствій и, наконецъ, отъ мѣстнаго населенія; все это поступало отъ части натурой, отчасти же деньгами. Совокупность всѣхъ доходовъ, соединенныхъ съ посадничествомъ, обозначались названіемъ „кормленія", которое впослѣдствіи перешло и на самую должность: „находиться на кормленіи, получить кормленіе, кормиться"—означаетъ отправлять обязанности мѣстнаго управленія. Низшія, территоріальныя единицы, на которыя распадались городскіе округа—погосты, потуги, сотни и верви—состояли въ завѣдываніи выборныхъ земскихъ властей: старостъ, сотскихъ, десятскихъ, которые были органами земщины и стояли внѣ какой-либо прямой зависимости отъ княжескаго управленія. Кромѣ посадниковъ, какъ органовъ мѣстнаго управленія, мы встрѣчаемся еще съ органами, на которые князья возлагали опредѣленныя временныя обязанности, или поручая имъ отправленіе извѣстныхъ обязанностей при себѣ лично, или по-

сылая ихъ по областямъ для выполненія какихъ либо порученій; такой характеръ носятъ княжескіе тіуны, непосредственные помощники князя въ дѣлѣ управленія; ключники, въ завѣдываніи которыхъ находилась княжеская казна и все имущество; даньщики, посылавшіеся княземъ для сбора дани и нѣкоторые другіе должностные лица, существованіе которыхъ является несомнѣннымъ въ послѣдующіе вѣка. Познакомившись съ самыми органами управленія, перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ сферъ управленія, извѣстныхъ той эпохѣ. Обращаясь къ лѣтописному сказанію о началѣ русскаго государства, мы найдемъ здѣсь указанія на тѣ цѣли, ради которыхъ были призваны варяго-русскіе князья. „Поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву", „вся земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ, да пойдете княжить и володѣть нами"—вотъ тѣ побудительныя причины, которыя заставляютъ нашихъ предковъ организовать у себя единую княжескую власть, долженствовавшую замѣнить собой пламенную рознь и партикуляризмъ. Изъ разсмотрѣнія цѣлей, ради которыхъ учредилась у нашихъ предковъ единая княжеская власть, мы приходимъ къ заключенію, что первые князья русскіе призывались племенами: 1) чтобы дать имъ нарядъ, т. е. ввести извѣстный правовой порядокъ въ жизнь отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ (зачатки законодательной дѣятельности), 2) чтобы володѣть, управлять ими (администрація и защита отъ внѣшнихъ враговъ) и 3) чтобы судить ихъ. Такимъ образомъ управленіе князей въ удѣльно-вѣчевую эпоху исторической жизни должно было слагаться изъ слѣдующихъ рубрикъ: 1) законодательство, 2) судъ и администрація, 3) финансовое управленіе и 4) военное управленіе.

Что касается законодательной дѣятельности князей, то она была ограничена дѣйствіемъ обычнаго права; болѣе широкое значеніе на долю законодательства нашихъ князей выпало послѣ принятія христіанства. Законодательная дѣятельность князей отправлялась или при участіи княжеской думы или, въ болѣе важныхъ случаяхъ, при участіи вѣча, т. е. народа. Администрація и судъ не раздѣлялись въ древней Руси, не существовало и отдѣльныхъ органовъ для той или другой отрасли княжескаго управленія; должно замѣтить, что дѣятельность княжескаго управленія, направленная къ обезпеченію безопасности и благосостоянія общества, т. е. внутреннее управленіе въ собственномъ смыслѣ этого слова, почти не замѣтна въ удѣльно-вѣчевой Руси; попеченіе о безопасности и благосостояніи общества составляло предметъ дѣятельности общины; здѣсь въ полной силѣ отражалась и жизненная сила и автономія земской общинной организаціи народнаго быта. Переходя къ финансовой дѣятельности княжескаго управленія, мы замѣтимъ, что она сводится прежде всего

къ сбору дани, затѣмъ къ сбору различнаго рода финансовыхъ пошлинъ и, наконецъ, къ княжеской торговлѣ. По отношенію къ сбору даней существуетъ возможность провести различіе между племенами окончательно покоренными княжеской власти, на которыя распространяется общая система и общій порядокъ управленія, и племенами полупокоренными, подданными, всѣ отношенія которыхъ къ князьямъ сводились лишь къ платежу дани, причемъ племена эти продолжали сохранять свою самостоятельность, свою племенную организацію и даже своихъ племенныхъ князей. Процедура сбора дани принимала характеръ настоящихъ періодическихъ походовъ въ ихъ землю или самихъ князей, или ихъ дружинниковъ, причемъ самый размѣръ дани не былъ опредѣленъ заранѣе: брали столько, сколько можно было взять. Общимъ средствомъ управленія вообще и сбора даней въ частности служили „полюдія“, т. е. періодическіе объѣзды округовъ, какъ самими князьями, такъ и ихъ дружинниками. Система финансовыхъ пошлинъ не получила въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ того развитія, какое имѣетъ система ихъ впослѣдствіи, въ Руси московской, да и самыя извѣстія о различныхъ видахъ финансовыхъ пошлинъ являются въ этомъ періодѣ весьма немногочисленными и къ тому же неясными. Изъ различныхъ видовъ пошлинъ въ этихъ источникахъ упоминаются слѣдующіе: гостинное, т. е. пошлина, взимавшаяся съ гостей, съ иногороднихъ или иноземныхъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ извѣстную мѣстность для торговыхъ цѣей; торговое, т. е. пошлина, взимавшаяся съ самаго акта купли—продажи; вѣсное, т. е. пошлина, взимавшаяся при взвѣшиваніи привозимыхъ на продажу товаровъ; однородный съ ней характеръ имѣетъ и помѣрное, взыскивавшееся при перемѣриваніи товаровъ; пятно—специфическій видъ торговыхъ пошлинъ, взыскивавшихся съ акта пятнанія, клеймленія лошадей, продаваемыхъ на торгу. Особый кругъ пошлинъ представляютъ собой внутреннія таможенныя пошлины, взимавшіяся при провозѣ товаровъ чрезъ предѣлы извѣстной области или города, или же переправѣ товаровъ черезъ рѣки, при перевозѣ ихъ черезъ мосты и т. д. Третья сторона финансовой дѣятельности князей выражается въ ихъ торговлѣ. Торговыми оборотами занимался въ то время не только самъ князь, но и дружинники его. О княжеской торговлѣ, предметомъ которой служили мѣха, медъ, воскъ и рабы (челядь), свидѣтельствуетъ уже договоръ Игоря съ греками.

Переходимъ къ четвертой сферѣ управленія удѣльно-вѣчевой Руси—къ управленію военному. Во главѣ всей военной администраціи стоялъ князь; военное управленіе въ отдѣльныхъ городахъ сосредоточивалась въ рукахъ посадника. Основной кадръ всѣхъ военныхъ силъ князя составляла его дружина, которая въ случаѣ значительныхъ войнъ усилива-

лась земскимъ ополченіемъ, а также и наемными вспомогательными войсками. Кромѣ того за княземъ слѣдовало много добровольцевъ—„охочихъ людей“. Таковы три элемента, изъ которыхъ въ случаѣ большихъ войнъ состояло войско князя. Мы уже раньше имѣли случай замѣтить, что земскимъ ополченіемъ князь могъ располагать настолько, насколько его военное предпріятіе было согласно съ волей земщины, съ ея интересами, такъ какъ это ополченіе собиралось только по приговору вѣча. Во время военныхъ дѣйствій отдѣльными частями княжеской рати предводительствовали воеводы; должность воеводы не была постоянною,—они назначались всегда изъ числа княжескихъ дружинниковъ, на каждый данный случай отдѣльно и затѣмъ по окончаніи войны слагали свои временныя полномочія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи должности воеводы рѣзко противополагается должность тысяцкаго. Тысяцкій назначался княземъ изъ среды дружинниковъ съ спеціальной цѣлью начальствовать земскимъ ополченіемъ, коль скоро такое собиралось. Эта должность была постоянной; тысяцкій назначался княземъ безъ разсужденія вопроса о наступленіи войны, но разъ война возгорѣлась, и вѣче давало князю право на созваніе земскихъ ополченій, тысяцкій являлся уже готовымъ ихъ предводителемъ. Земское ополченіе раздѣлялось по городамъ; ополченіе каждаго города называлось тысячью (напр., Кіевская тысяча, Черниговская тысяча и т. п.) и распадалась на сотни и десятки. Начальниками этихъ послѣднихъ являются сотскіе и десятскіе, которые состояли въ подчиненіи тысяцкому, хотя начальники эти и были людьми земскими, не назначавшимися княземъ. Замѣтимъ здѣсь, что названіе сотскихъ и десятскихъ, бывшія сначала чисто военнаго происхожденія, перенесены затѣмъ и въ сферу гражданскаго управленія:—этими наименованіями называются выборные земскіе начальники. Обращаясь къ вопросу о способѣ содержанія войска, мы должны замѣтить, что постояннымъ содержаніемъ пользовалась только „гридьба“, т. е. дружинники, жившіе на самомъ княжескомъ дворѣ. Весь остальной контингентъ войска вознаграждался чисто случайными выгодами войны и прежде всего военной добычей,—по понятіямъ стариннаго военнаго права каждый воинъ становился неотъемлемымъ собственникомъ той добычи, которую удавалось ему захватить и надежда на возможность такой добычи постоянно привлекала въ ряды княжескаго войска множество „охочихъ“ людей—добровольцевъ. Этимъ мы заканчиваемъ изложеніе государственнаго управленія въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оканчиваемъ и разсмотрѣніе исторіи развитія государственной и правовой жизни въ эпоху удѣльно-вѣчевого уклада русской исторической жизни.

Раздѣлъ второй: Русь эпохи мѣстныхъ законовъ.

Въ началѣ XIII вѣка произошло на Востокѣ Европы событіе, которое, между прочимъ, произвело переворотъ въ судьбахъ Русской земли. Этимъ событіемъ является татарское завоеваніе. Намъ извѣстны событія, ознаменовавшіе первое столкновеніе татаръ съ русскими князьями, которые потерпѣли полное пораженіе на берегахъ рѣки Калки въ 1224 году. Разбивъ русскихъ князей, дѣйствовавшихъ крайне неединодушно, татары скрываются изъ Европы. По смерти Чингизъ-хана, его сынъ Угедей передаетъ Батыю всѣ земли, простиравшіяся на западѣ отъ Уральскаго хребта. Но чтобы получить дѣйствительно господство въ этихъ странахъ Батыю еще нужно было завоевать ихъ. И вотъ въ 1237 году Батый переходитъ Уралъ, покоряетъ Камскую Болгарію и врѣзывается въ самый центръ Руси того времени. Это второе нашествіе татарскихъ полчищъ ознаменовалось страшнымъ вредомъ для Русской земли—ея князья убивались, ея города одинъ за другимъ подпадали подъ власть монголовъ, наконецъ, въ 1240 году Батый завоевалъ и „мать городовъ русскихъ"—Кіевъ. Такимъ образомъ совершилось покореніе русской земли монголами. Власти Батыя подпалъ весь востокъ Европы отъ Урала и до Карпатскихъ горъ. Покоривъ русскую землю, татары начинаютъ практиковать по отношенію къ ней весьма своеобразную политику: они не посягаютъ на національность покоренныхъ, оставляютъ неприкосновеннымъ государственный и бытовой строй ихъ жизни, княжескую власть, религію, законы и обычаи. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что Русь и послѣ покоренія ея татарами оставалась самостоятельной, но иго ихъ тѣмъ не менѣе тяготѣло надъ ней. Это подчиненное, зависимое положеніе Русской земли выразилось въ четырехъ главныхъ отношеніяхъ: 1) въ признаніи князя властью хана; теперь не вѣче призываетъ князя и не вѣче смѣщаетъ его, но для признанія за княземъ достоинства его, какъ таковаго, требуется уже ханскій ярлыкъ, ханская легитимація: не даетъ ханъ такого ярлыка и желаніе вѣча имѣть у себя того или другого князя не можетъ осуществиться; 2)—въ платежахъ дани татарамъ, въ платежѣ такъ называемаго „царева выхода"; 3)—въ томъ еще, что русскіе князья обязаны были давать татарамъ по ихъ требованію вспомогательныя войска и, наконецъ, 4) въ томъ, что князья наши обязывались принимать татарскихъ чиновниковъ „баскаковъ", присылаемыхъ для сбора дани и содержать на свой счетъ татарскія войска, стоявшія гарнизонами въ важнѣйшихъ центрахъ Русской земли.

Если мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію ближайшихъ послѣдствій, которыя оказало татарское завоеваніе на

дальнѣйшую судьбу Русской земли, то увидимъ, что результатомъ этого завоеванія явилось распаденіе Руси на три отдѣльныя части, изъ которыхъ каждая начинаетъ съ этихъ поръ развиваться совершенно своеобразно. Эти три части слѣдующія:

I. Система княженій сѣверо-восточной Руси, уже въ концѣ удѣльно-вѣчевого уклада образовала изъ себя понятіе земли Ростовско-Суздальской; слѣдовательно, территорія этой части древней Руси можетъ быть опредѣлена землями, лежащими по верховьямъ Волги, по р.р. Клязьмѣ, Окѣ и ихъ притокамъ и, наконецъ, по верхней системѣ Днѣпра. Характеристическая особенность этой части Русской земли заключалась въ томъ, что на ней всецѣло и съ полной силой отразился гнетъ татарскаго ига. Послѣ подпаденія Смоленска подъ власть литвы, что произошло въ 1400 году, здѣсь представляются три великихъ княженія: Московское, Рязанскіе и Тверское. Мы уже указывали, что послѣ татарскаго погрома вѣче должно было пасть само собой, такъ какъ надъ вѣчемъ появилась власть высшая, сила хана татарскаго, съ которой бороться для нея было немыслимо. Между тѣмъ князья Московскіе, заручившись расположеніемъ хановъ Золотой Орды, крѣпко утверждаются на столѣ княженія Московскаго и ведутъ свою дальновидную политику къ тому, чтобы поставить свою власть внѣ какой бы то ни было зависимости отъ земщины, чтобы уничтожить, стереть съ лица, по крайней мѣрѣ, этой части Русской земли, то договорное начало, которое проникало собой весь строй жизни удѣльно-вѣчевого уклада; они стараются проводить въ зарождающуюся на новыхъ основаніяхъ жизнь, начало крѣпости, начало закрѣпощенія всѣхъ государственныхъ элементовъ, строившихся ранѣе исключительно на началахъ договорныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и законодательство начинаетъ развиваться на началахъ, противоположныхъ удѣльно-вѣчевому періоду; теперь фактически дѣлается невозможнымъ законодательство вѣчевое, и князь является единымъ главою законодательной дѣятельности.

II. Вторую часть Русской земли, обособившуюся подъ вліяніемъ татарскаго погрома, представляютъ торговыя общины Сѣверной Руси,—Новгородъ и его пригороды, изъ числа которыхъ со второй половины XIV в. выдѣляется Псковъ. Новгородъ избѣгъ татарскаго погрома въ томъ смыслѣ, въ какомъ постигъ онъ среднюю Русь. Если татарское вліяніе и отразилась въ Новгородѣ на различныхъ отношеніяхъ жизни общественной,—то въ сферѣ его государственной жизни оно не оставило никакого слѣда. Въ то время, когда Москва стала преслѣдовать централизаціонныя стремленія, Новгородъ и Псковъ долѣе другихъ удержали

свою самостоятельность и пали послѣдними подъ сокрушающей силой Московскаго самодержавія.

III. Третья часть Русской земли, обособившаяся послѣ татарскаго погрома—это Русь юго-западная, Приднѣпровская, та Русь, въ которой зародилось наше государство, Русь Кіевская. Такова была историческая судьба отдѣльныхъ частей Русской земли послѣ покоренія ея татарами; обособившись разъ подъ вліяніемъ этого событія, они надолго расходятся разными путями, продолжая каждая въ отдѣльности свое самостоятельное развитіе. Эпоха послѣ покоренія носитъ въ Русской исторіи названіе эпохи Московской централизаціи. Начиная съ 1240 года періодъ Московской централизаціи завершается 1533 годомъ, т. е. годомъ вступленія на престолъ Іоанна IV. Этотъ князь вступилъ на престолъ уже государемъ единодержавнымъ. Теперь перейдемъ къ обзору сѣверныхъ народоправствъ—Новгорода и Пскова.

Государственный и общественный бытъ сѣверно-русскихъ народоправствъ—Новгорода и Пскова.

Новгородская область обнимаетъ собой территорію, заключающую въ себѣ нынѣшнія губерніи: Новгородскую, Петербургскую, часть Олонецкой, Архангельскую, Пермскую, часть Ярославской, часть Тверской и Псковской. Вокругъ центральной Новгородской области лежали пригороды Велик. Новгорода—Псковъ, Изборскъ, Великіе Луки, Старая Русса и Торжокъ (со второй половины XIV в. Псковъ освобождается и получаетъ самостоятельность). Ближайшія Новгородскія владѣнія дѣлились на 5 частей—„пятинъ“: 1) Водская, по Ладожскому озеру, 2) Обонежская, по рѣкѣ Онегѣ, 3) Бѣжецкая, къ югу отъ Новгорода до р. Мсты, 4) Деревская, до р. Ловати и 5) Шелонская, отъ р. Ловати до р. Луги. Земли за предѣлами этихъ пятинъ, не примыкающія къ организаціи, а лишь стоявшія въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ Новгороду, назывались Новгородскими волостями; это были: Заволчье, Пермь, Печера, Югра и др.

Верховной государственной властью въ Новгородѣ было вѣче, ему принадлежало завѣдываніе всѣми дипломатическими сношеніями, разрѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, избраніе владыки, дѣятельность законодательная, высшая судебная инстанція. Причина столь высокой степени развитія вѣчевой организаціи лежитъ во 1-хъ, въ самомъ духѣ Новгородцевъ, всегда стремившихся къ полной свободѣ и независимости, во 2-хъ, въ значительномъ культурномъ развитіи ихъ и, наконецъ, въ 3-хъ, въ отсутствіи татарскаго гнета. Въ вѣчевомъ собраніи право активнаго участія имѣли всѣ безъ исключенія свободные и самостоятельные въ хозяйственномъ отношеніи члены Новгородской общины. Мѣ-

стомъ вѣчевого собранія въ Новгородѣ былъ Ярославовъ дворецъ, въ Псковѣ—площадь у собора св. Троицы. Здѣсь находилась трибуна для ораторовъ и вѣчевая изба, въ которой засѣдали вѣчевые дьяки. Постановленія вѣчевыхъ собраній—вѣчевые приговоры излагались письменно и, если предназначались къ исполненію, скрѣплялись вѣчевой печатью. Вѣче могло быть общимъ Новгородскимъ или „концевымъ", т. е. вѣчемъ какой нибудь пятины Новгородской. Во главѣ исполнительной власти въ Новгородѣ былъ князь, который избирался изъ другихъ русскихъ волостей, но всегда изъ дома Рюрика. Избраніе князя въ Новгородѣ имѣло характеръ права, тогда какъ въ другихъ волостяхъ оно носило лишь характеръ факта, въ силу чего и положеніе князя въ Новгородѣ было совершенно иное, чѣмъ въ остальныхъ волостяхъ Русской земли: въ Новгородѣ князь не могъ стать своимъ человѣкомъ, который смотрѣлъ бы на Новгородъ, какъ на свою вотчину; онъ былъ здѣсь элементомъ чуждымъ, пришлымъ и его интересы всегда тяготѣли къ центру Руси. Въ основѣ сношеній между княземъ и вѣчемъ лежитъ недовѣріе вѣча къ князю, боязнь вѣча за свои права. Нуждаясь въ князѣ, Новгородъ призывалъ его, но смотрѣлъ на него, какъ на необходимое зло и потому всячески старался оградить его. Рядовыя грамоты, договоры, заключавшіеся Новгородцами съ призывными князьями, указываютъ, между прочимъ, слѣдующія ограниченія: 1) не назначать въ волости, т. е. областныя правительства, своихъ людей—дружинниковъ, а только гражданъ новгородскихъ, и то не иначе, какъ съ вѣдома новгородскаго посадника; 2) не лишать никого безъ суда, безъ вины должности, не пересуживать грамотъ, данныхъ предшественникомъ, не творить суда безъ посадника; 3) не нарушать договоровъ новгородцевъ съ нѣмцами и не предпринимать въ этомъ отношеніи ничего такого, что могло вредно отозваться на городской торговлѣ; 4) не пріобрѣтать въ Новгородской области недвижимое имущество; 5) не переносить суда за предѣлы Новгорода; 6) не заводить льготныхъ поселеній; не устанавливать новыхъ торговыхъ пошлинъ—„мытовъ" и, наконецъ, 7) не торговать въ предѣлахъ Новгородской территоріи отъ своего имени, а вести торговлю чрезъ посредство новгородскихъ приказчиковъ. На ряду съ княземъ во главѣ новгородскаго правительства стоятъ высшіе выборные земскіе чиновники—посадникъ и тысяцкій, подъ началомъ которыхъ находится цѣлая іерархія другихъ низшихъ должностныхъ лицъ.

Посадникъ въ Новгородѣ былъ первоначально правителемъ княжества, а со второй половины XII вѣка изъ чиновниковъ, назначавшихся княземъ изъ своей дружины, онъ сталъ высшимъ земскимъ выборнымъ должностнымъ лицомъ, т. е. сталъ назначаться самимъ Новгородомъ (вѣчемъ). При-

чину такой перемѣны нужно видѣть въ частой смѣнѣ новгородскихъ князей; смѣна князей необходимо влекла за собой и смѣну посадника, а между тѣмъ мѣсто князя въ его отсутствіе и долженъ былъ заступать, именно, посадникъ; вотъ поэтому то, чтобы было кому отправлять княжескія обязанности до прибытія новгородскаго князя, народъ и долженъ былъ избирать посадника; эта необходимость народнаго избранія превратилась въ право. Народное избраніе не освобождало однако изъ подъ вліянія князя: посадникъ, какъ и прочія должностныя лица, подлежалъ надсмотру князя и послѣдній могъ отрѣшить и даже наказать посадника, объявляя предварительно его вину на вѣче. Срокъ службы посадника первоначально опредѣленъ не былъ, но впослѣдствіи онъ равнялся одному году. Посадникъ, разъ занимавшій эту должность, уже терялъ званіе посадника „степеннаго“, находящагося въ степени, т. е. при должности,—становился „старымъ посадникомъ“. Старые посадники составляли при степенномъ родъ совѣта, къ участію въ которомъ привлекались наиболѣе выдающіеся земскіе бояре. Предметы вѣдомства посадника были весьма разнообразны: прежде всего, онъ сосредоточивалъ въ себѣ представительство В. Новгорода; затѣмъ вмѣстѣ съ княземъ и тысяцкимъ, (а иногда и съ владыкою) вѣдалъ финансы, творилъ судъ, раздавалъ правительственныя должности, основывалъ новые города и т. д.

Тысяцкій—первоначально княжескій чиновникъ, назначавшійся для предводительства Новгородскимъ земскимъ ополченіемъ, со второй половины XIV вѣка сталъ на ряду съ посадникомъ—высшимъ выборнымъ земскимъ лицомъ. Сфера компетентности тысяцкаго и посадника весьма близка, такъ что почти нѣтъ возможности ихъ разграничить, но основной чертой вѣдомства тысяцкаго было вѣдать „черныхъ людей“, составлявшихъ главный контингентъ земскаго ополченія; кромѣ того, тысяцкій имѣлъ свой спеціальный судъ совершенно отдѣльно отъ суда посадника. Въ Псковѣ, какъ въ пригородѣ, а слѣдовательно и не имѣвшаго самостоятельнаго земскаго ополченія, званія тысяцкаго не было.

Второстепенныя должностныя лица: сотскіе—выборные начальники сотенъ, на которыя дѣлились всѣ черные люди въ Новгородѣ; конецкіе старосты—выборные представители пяти концовъ Новгорода; подвойскіе—нѣчто вродѣ нашихъ приставовъ; бирючи или глашатаи; извѣстники и другія должностныя лица.

Сословія. Вся масса новгородскаго населенія распадалась на двѣ части: на людей лучшихъ и людей меньшихъ; дѣленіе это основывалось исключительно на началѣ соціально-экономическомъ; основанія же юридическаго или политическаго отнюдь не имѣло. Кромѣ дѣленія на людей лучшихъ и меньшихъ, были еще такіе классы:

1) Гриды и дворяне—княжескіе дружинники, 2) бояре земскіе,—крупные поземельные собственники, имѣвшие вѣсъ въ общественныхъ дѣлахъ, 3) купцы; изъ ихъ числа выдѣлялись „гости", т. е. тѣ, которые „гостили" въ чужихъ странахъ, вели заграничную торговлю; 4) житьи люди—полноправные члены новгородской общины; 5) земцы, земледѣльцы собственники; 6) черные люди; такъ называлась вся остальная масса населенія. Это были лица, платившія извѣстныя пошлины и отправлявшія отдѣльныя повинности; сюда, между прочимъ, относились „смерды"—земледѣльцы не собственники. Такъ какъ состояніе черныхъ людей обусловливалось не происхожденіемъ, а фактическими условіями жизни, то переходъ изъ одного условія въ другой былъ вполнѣ возможенъ. Къ послѣднему классу относились 7) рабы или холопы.

Псковская судная грамота. Грамота эта была открыта одесскимъ археологомъ Мурзакевичемъ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ русской библіотеки кн. Воротынскаго въ 1843 году; въ 1847 году вышло въ свѣтъ ея первое изданіе, предпринятое тѣмъ же Мурзакевичемъ въ Одессѣ (небольшие отрывки Псковск. судн. грам. извѣстны были еще до открытія Мурзакевича и были напечатаны въ „Исторіи Госуд. Россійск." Карамзина). Источниками Псковск. судн. грамоты, какъ показываетъ полное заглавіе того памятника, были: 1) грамота вел. кн. Александра; въ текстѣ не указано, какого нужно разумѣть здѣсь князя Александра; самъ Мурзакевичъ видитъ здѣсь Александра Михайловича Тверского, большая же часть ученыхъ во главѣ съ Калачевымъ—Александра Ярославовича Невскаго; 2) грамота Псковскаго князя Константина (Дмитріевича) и 3) приписка псковскихъ „пошлинъ"; подъ пошлинами слѣдуетъ разумѣть торговыя преданія; старинные обычаи, имѣвшие силу дѣйствующаго права и т. д. Все это записывалось, причемъ обязанность письменной формулировки лежала на посадникѣ съ вѣдома и разрѣшенія Псковскаго вѣча и присоединялось къ остальному тексту Псковск. Судн. Грамоты. Весь накопленный, такимъ образомъ, матеріалъ, равно какъ и разнаго рода договорныя грамоты Пскова, вѣчевые приговоры, различные юридические акты и т п. хранились въ „ларѣ" св. Троицы. Этотъ сборный ларь, имѣющій одновременно значеніе государственнаго архива и нотаріальнаго учрежденія, имѣлъ въ правовомъ быту псковитянъ весьма важное значеніе и находился въ завѣдываніи особаго должностного лица „ларника", избиравшагося изъ духовенства. Изъ источниковъ П. С. Грамоты видно, такимъ образомъ, что она не есть плодъ единовременной законодательной дѣятельности, а представляетъ собраніе отдѣльныхъ узаконеній, накоплявшихся въ теченіе продолжительнаго періода времени, и притомъ

при участіи Псковскаго вѣча. Время окончательной редакціи Псковск. Судн. Грамоты въ подлинникѣ указано—6205 л. отъ сотворенія міра, иначе 1396—1397 г. по нашему, причемъ самое число написано по славянски и кромѣ того прибавлено, что эта редакція предпринята по благословенію „поповъ всѣхъ пяти соборовъ"; каждый такой соборъ имѣлъ свое управленіе и своихъ представителей—старостъ, а между тѣмъ извѣстно, что пятый соборъ возникъ лишь въ 1462 году, а въ 1472 г. шестой. Пользуясь этими данными, всѣ русскіе историки—юристы принимаютъ за годъ окончательной редакціи П. С. Гр. 1467 г., объясняя несообразность статьи самаго памятника погрѣшностью переписчика, пропустившаго числовую букву 0, т. е. 70. Значеніе Пск. Судн. Грамоты въ ряду другихъ памятниковъ нашего древняго законодательства приравнивается значенію такихъ памятниковъ, какъ Русская Правда, Судебникъ Ивана III и IV. Будучи по своему происхожденію памятникомъ права мѣстнаго, Псков. Судн. Грамота, по своему внутреннему содержанію, представляется сборникомъ началъ общихъ, взятыхъ изъ общаго правосознанія русскаго народа, и въ этомъ отношеніи является важнѣйшимъ и единственнымъ законодательнымъ памятникомъ, по которому возможно изученіе постепеннаго развитія и модификаціи русскаго права въ періодъ времени отъ эпохи Русской Правды до Судебника Ивана III-го.

Зарожденіе Московскаго великаго княженія.

Разсмотримъ, теперь, тѣ условія исторической жизни, подъ вліяніемъ которыхъ совершилась Московская централизація. Начало усиленія великаго княжества Московскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхъ дѣла Московской централизаціи обусловливались весьма различными историческими явленіями и прежде всего стоятъ въ тѣсной связи съ покореніемъ Русской земли татарами.

Въ русской исторической литературѣ существуютъ два крайнія и совершенно противоположныя мнѣнія о степени вліянія этого событія на развитіе русской государственной жизни; представитель перваго— Соловьевъ придаетъ татарскому владычеству самое ничтожное значеніе, представитель второго—Костомаровъ, напротивъ, видитъ въ немъ коренную причину измѣненія въ ходѣ развитія древне-русской государственной жизни и считаетъ единодержавную и самодержавную власть Московскихъ государей продолженіемъ исчезнувшей власти хановъ ордынскихъ. Какъ то, такъ и другое мнѣніе слишкомъ односторонни. 1) Идея самодержавія государственной власти существовала на Руси задолго до татарскаго погрома. (Андрей Боголюбскій хотѣлъ „единъ быть властитель на русской землѣ") татар-

ское владычество не было непосредственнымъ источникомъ проникновенія въ русскую жизнь идеи самодержавія государственной власти, оно было лишь средствомъ, импульсомъ къ дальнѣйшему развитію уже существовавшей идеи самодержавія. Убивъ автономію народной воли, искоренивъ вѣчевое устройство, разъединивъ всѣ три элемента (князь, земщина и служилое сословіе), которые ранѣе были связаны договорными началами, словомъ, расшатавъ всѣ основы удѣльно-вѣчевого періода, татарское владычество тѣмъ самымъ проложило дорогу къ самодержавію, чѣмъ и воспользовались Московскіе князья. Итакъ владычество татаръ—эта первая причина, при содѣйствіи которой совершилось усиленіе великихъ князей Московскихъ. Вторая причина, обусловливающая вышеупомянутое явленіе, заключается въ личныхъ свойствахъ и качествахъ Московскихъ великихъ князей.

2) Личныя свойства и качества ихъ: ловкость, хитрость, изворотливость, терпѣливость, осторожность, бережливость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянное стремленіе къ наживѣ, благодаря чему въ рукахъ Московскихъ князей скапливались весьма значительныя матеріальныя средства, особенно съ того времени, какъ имъ было предоставлено право непосредственнаго сбора и уплаты ордынской дани за всю русскую землю. Третьимъ фактомъ, являющимся причиною успѣшнаго хода Московской централизаціи послужило содѣйствіе ей со стороны всѣхъ классовъ русскаго населенія, именно: духовенства, служилыхъ людей и людей земскихъ, какъ городскихъ, посадскихъ, такъ и сельскихъ. Духовенство впервые провозгласило ученіе о божественномъ происхожденіи монархической власти и тѣмъ самымъ указало князьямъ на необходимость тѣснаго союза ихъ съ духовной властью. Перенесеніемъ кафедры изъ Владиміра въ Москву, духовенство придало Москвѣ значеніе центра религіозно-нравственной жизни русскаго народа и съ этихъ поръ, ставъ въ тѣсный союзъ съ Московскими великими князьями, своимъ авторитетомъ дѣятельно помогало имъ въ дѣлѣ достиженія самодержавія. Содѣйствіе со стороны служилыхъ людей выражалось въ постоянномъ стремленіи ихъ на службу къ московскимъ князьямъ, которые щедро награждали ихъ деньгами, жаловали вотчинами и помѣстьями, предоставляли имъ разнаго рода льготы и преимущества. Благодаря этому Московскіе князья не только сгруппировали сильный и многочисленный служилый классъ изъ лучшихъ служебныхъ силъ русской земли, но даже пріобрѣли массу приверженцевъ въ другихъ княжествахъ, которыя въ критическую минуту борьбы послѣднихъ съ Москвой въ большомъ количествѣ передавались на сторону Москвы. Что касается,

наконецъ, содѣйствія земскихъ людей (городскихъ, посадскихъ и земскихъ) и ихъ сочувствія дѣлу объединенія русской земли, то оно обусловливается: а) невыгодностью экономическихъ условій, въ которую поставлены были земскіе классы при безпрерывныхъ междукняжескихъ войнахъ и усобицахъ, б) желаніемъ оградить отъ насилія татаръ личную и имущественную свою безопасность, а въ этомъ, именно, отношеніи наиболѣе обезпеченной была Московская территорія, и в) стремленіемъ сохранить въ чистотѣ и неприкосновенности національность и православную вѣру.

Указавъ условія и историческія явленія, которыя содѣйствовали успѣху дѣла Московской централизаціи, посмотримъ, какіе были источники права, дѣйствующаго въ Московскомъ государствѣ, которыми регулировались различныя отношенія, какъ общественной, такъ и государственной жизни; къ этому приступимъ въ слѣдующей части.

ЧАСТЬ II.

МОСКОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Раздѣлъ первый: Внѣшняя исторія права Московскаго періода.

Московскій періодъ (1533—1703) обнимаетъ собой постепенное развитіе русской жизни подъ единодержавной властью Московскаго государства. Господствовавшее въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ договорное начало, въ этомъ періодѣ смѣняется новымъ началомъ закрѣпленія всѣхъ государственныхъ элементовъ государственнымъ интересамъ, что ведетъ къ образованію сословій, которыхъ до тѣхъ поръ не знала русская земля. Въ основѣ развитія права въ Московскій періодъ лежатъ тѣ же самые источники, какіе были и въ удѣльно-вѣчевой періодъ, т. е. обычное право, которое получаетъ письменную форму въ тѣхъ или другихъ источникахъ законодательства. Что обычное право всецѣло продолжаетъ свое существованіе, на это указываетъ то обстоятельство, что источники Московскаго законодательства—судебники, уложеніе царя Алексѣя Михайловича и, наконецъ, цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ—почти не касаются гражданскаго права или касаются, но менѣе, чѣмъ, напр., Псковская судная грамота. Далѣе мы не встрѣчаемъ въ исторіи Московскаго періода никакихъ уставовъ, никакихъ основныхъ законовъ, которыми регулировалась бы жизнь всего государства и многочисленныхъ учрежденій, которыя возникли въ этотъ періодъ; мы не встрѣчаемъ никакихъ законовъ, касающихся организаціи верховной государственной власти, организаціи земскихъ соборовъ, Боярской думы, Приказовъ и др. государственныхъ учрежденій. Ясно, что всѣ государственныя учрежденія и жизненныя отношенія регулировались обычнымъ правомъ. Обычное право продолжало опредѣлять собою массу отношеній и институтовъ не только частнаго, гражданскаго права, но даже весьма обширный кругъ отношеній и институтовъ, относящихся къ различнымъ сферамъ права государственнаго, административнаго, уголовнаго и процессуальнаго.

Первоначально законодательная дѣятельность Московскаго государства и выразилась, какъ это было въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, въ изданіи отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, грамоты и уставовъ. Изъ всѣхъ видовъ такихъ отдѣльныхъ грамотъ наиболѣе важными представляются слѣдующія:

1) Грамоты жалованыя, подъ которыми разумѣются акты государственной важности, предоставляющіе извѣстныя льготы и привиллегіи тѣмъ или другимъ областямъ, учрежденіямъ и отдѣльнымъ лицамъ. Такъ, этими грамотами освобождались извѣстныя учрежденія и лица отъ платежа дани, налоговъ и разнаго рода повинностей или навсегда или на опредѣленное число лѣтъ; жаловались въ собственность или въ пользованіе недвижимыя имущества, или права на производство извѣстныхъ промысловъ, жаловались, наконецъ, такого рода права, которыя по существу своему составляютъ состоянія государственной власти, напр., право суда—иммунитеты—т. е. изъятіе изъ общей подсудности по всякаго рода дѣламъ, за исключеніемъ по высшимъ уголовнымъ преступленіямъ, именно: душегубство, разбой и татьба съ поличными, что всегда удерживалось въ вѣдѣніи самаго государства; этотъ видъ жалованныхъ грамотъ назывался тарханными (татарское слово, означающее—свободный отъ налога); по всей вѣроятности эти тарханныя грамоты давались сперва татарамъ.

2) Судныя грамоты, опредѣлявшія правила суда и выдававшіяся судьямъ въ качествѣ инструкцій для руководства, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ; въ нихъ встрѣчались иногда также въ незначительномъ количествѣ постановленія, касающіяся и другихъ отраслей управленія, кромѣ судебной. Судныя грамоты представляютъ весьма важный матеріалъ для изученія исторіи процесса и отчасти гражданскаго права.

3) Губныя грамоты предоставляли общинамъ, такъ называемое „губное право“, т. е. право собственнаго земскаго предупрежденія, розыска, преслѣдованія, суда и наказанія извѣстнаго рода преступленій. Въ силу этого права волостямъ (при Іоаннѣ IV) предписано было избирать изъ своей среды людей грамотныхъ и способныхъ, губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, которые и обязаны были, помимо лицъ правительственныхъ, розыскивать, судить и казнить „лихихъ людей“. Впослѣдствіи въ кругъ губныхъ дѣлъ вошли преступленія противъ религіи, жизни, нравственности и проч., а со второй половины XVII вѣка всѣ вообще важные уголовные преступники подлежали губному суду, т. е. суду выборныхъ земскихъ.

4) Таможенныя грамоты, опредѣлявшія порядокъ таможенно-финансоваго управленія и способъ взиманія внут-

реннихъ таможенныхъ пошлинъ; грамоты эти раздѣлялись на два вида: а) таможенныя грамоты, опредѣлявшія порядокъ откупного таможенно-финансоваго управленія, субъектами котораго были частныя лица—откупщики и б) таможенныя грамоты, опредѣляющія порядокъ казеннаго таможенно-финансоваго управленія, субъектами котораго были приказные люди.

Таможенныя грамоты представляютъ весьма богатый матеріалъ при изученіи исторіи русскаго финансоваго права.

5) Уставныя грамоты дѣлились на двѣ группы: а) уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ казеннаго управленія областями; онѣ были вызваны къ жизни злоупотребленіями со стороны лицъ мѣстнаго областного управленія—намѣстниковъ и волостелей и имѣли своей цѣлью гарантировать населеніе отъ этихъ злоупотребленій; давались всегда самому населенію на его имя или на имя земскихъ выборныхъ старшинъ, притомъ не по собственной инціативѣ правительства, но всегда по просьбѣ отдѣльныхъ мѣстностей, областей, почему самый фактъ дачи имѣлъ особое наименованіе „пожалованіе". Что касается внутренняго содержанія грамотъ, то оно заключаетъ въ себѣ регламентаціи тѣхъ преимущественно только сторонъ управленія, въ которыхъ легче всего предвидится возможность столкновенія интересовъ правителей съ интересами управляемыхъ и обыкновенно раздѣляется на слѣдующія части: обозначеніе лица, дающаго грамоту, обозначеніе населенія, жалуемаго ею, и изложеніе причинъ выдачи грамоты; затѣмъ опредѣленіе способовъ и размѣровъ земскаго содержанія должностныхъ лицъ, опредѣленіе основъ организаціи мѣстнаго правительственнаго управленія, опредѣленіе размѣровъ пошлинъ и разнаго рода сборовъ—судебныхъ, полевыхъ, таможенныхъ и т. п., опредѣленія, касающіяся промышленности и торговли; наконецъ, обозначеніе времени и мѣста выдачи грамоты и утвержденіе ея надлежащими подписями. Чтобы подобныя грамоты въ рукахъ населенія не оставались мертвой буквой, жителямъ предоставлялось въ ней право обжаловать всякое злоупотребленіе должностного лица передъ самимъ Государемъ, и не только въ порядкѣ административномъ, но и въ порядкѣ частнаго обвиненія. б) Уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія, возникли въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія въ виду того обстоятельства, что уставныя грамоты перваго рода не достигали своей цѣли: правители всегда находили возможность обходить ихъ, злоупотребленія продолжались съ прежней силой и стали угрожать даже самой безопасности государства. И вотъ приговоромъ 1556 г. изданнымъ царемъ Іоанномъ IV по совмѣстному совѣщанію его съ „братіей и боярами", съ цѣлью пересѣченія злоупотребленій мѣстныхъ правителей, земщинамъ

было предоставлено право самоуправленія, должности намѣстниковъ и волостелей уничтожались, вмѣсто нихъ населеніе должно было выбирать изъ своей среды старостъ и цѣловальниковъ и управляться ими; вмѣсто же всѣхъ поборовъ, которые шли въ пользу намѣстниковъ и волостелей, общины должны были платить Москвѣ опредѣленный годичный оброкъ. Можно однако замѣтить, что попытка Іоанна IV распространить земское самоуправленіе на всѣ области русской земли не удалась, такъ какъ приговоръ 1556 г. не былъ безусловно обязательнымъ для всѣхъ областей и выборъ между порядкомъ старымъ и новымъ предоставлялся на волю самихъ земщинъ.

Первымъ законодательнымъ сборникомъ Московскаго государства является судебникъ великаго князя Іоанна III, изданный въ 1497 году. Подлинный текстъ судебника долго не былъ извѣстенъ, о немъ знали лишь по латинскому переводу, помѣщенному въ извѣстномъ сочиненіи Герберштейна: „Записи о Московіи“ (Rerum Moscoviticarum commentarii), изданномъ въ Вѣнѣ въ 1549 г. Русскій же списокъ, относящійся къ началу XVI вѣка, впервые былъ найденъ въ 1817 году, изданъ вмѣстѣ съ судебникомъ 1550 г. въ 1819 году. Судебникъ 1497 г. составленъ дьякомъ Владиміромъ Гусевымъ и представляетъ собой собраніе законодательныхъ нормъ, которыя до тѣхъ поръ были разбросаны по отдѣльнымъ грамотамъ и областнымъ законодательнымъ памятникамъ; новыхъ же правовыхъ опредѣленій судебникъ не создаетъ. Источниками его были: a) Русская Правда, b) Новгородская и Псковская судныя грамоты и c) судныя и уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Постановленія, содержавшіяся въ этихъ грамотахъ, а также опредѣленія первыхъ двухъ памятниковъ почти цѣликомъ вошли во вновь составленный законодательный сборникъ.

Внутреннее содержаніе судебника 1497 года, преимущественно процессуальное и распадается на 4 отдѣла: 1-ый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ постановленія о судѣ центральномъ, судѣ Московскомъ, органами котораго являются самъ князь великій, бояре и дьяки, въ серединѣ этого отдѣла помѣщаются опредѣленія относительно уголовныхъ наказаній и взысканій. 2-ой отдѣлъ содержитъ постановленія, касающіяся суда областного, отправляемаго намѣстниками и волостелями по различнымъ областямъ русской земли. 3-ій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ опредѣленія, относящіяся къ гражданскому процессу и къ гражданскому матеріальному праву; среди этихъ постановленій, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ Псковской Судной грамоты, помѣщается также, какъ и въ этой послѣдней, статьи о подсудности извѣстнаго рода дѣлъ суду митрополита. Наконецъ 4-ый от-

дѣлъ является какъ бы дополнительнымъ и заключаетъ въ себѣ двѣ статьи, изъ которыхъ первая запрещаетъ брать взятки и устанавливаетъ отвѣтственность свидѣтелей за ложное показаніе, а вторая опредѣляетъ обрядности судебнаго поединка (поля).

Что касается значенія судебника 1497 г., то, подобно тому, какъ Москва, объединивъ русскую землю, явилась центромъ территоріальнымъ, такъ и судебникъ былъ памятникомъ, объединяющимъ русское право. Судебникъ 1497 г. недолго могъ соотвѣтствовать требованіямъ времени, уже преемникъ Іоанна III, в. к. Василій Ивановичъ дополнилъ его новымъ постановленіемъ, а въ 1550 г., въ правленіи Іоанна IV, былъ изданъ второй, или Царскій Судебникъ. Этотъ послѣдній въ сущности есть ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе и дополненіе сообразно съ требованіями времени судебника 1497 г. Найденъ былъ судебникъ 1550 г. извѣстнымъ историкомъ Татищевымъ въ 1734 г. у одного частнаго лица; исторія редакціи этого памятника не извѣстна. Судебникъ Іоанна IV представляетъ сравнительно съ судебникомъ 1497 г. двѣ характерныя особенности: во 1-хъ, съ особенной строгостью относится къ лицамъ, отправлявшимъ правосудіе, угрожая имъ тѣлесными наказаніями, лишеніемъ свободы, денежными пенями за всякаго рода злоупотребленія, а во 2-хъ, стремится уничтожить всѣ частныя исключенія изъ общихъ нормъ права и суда, въ виду чего запрещаетъ на будущее время выдачу тарханныхъ грамотъ. Представляя дальнѣйшее развитіе судебника 1497 г., Царскій Судебникъ имѣетъ тѣ же источники, что и первый, т. е. Русскую Правду, памятники вѣчевого законодательства и грамоты судныя и уставныя, присоединяя еще къ нимъ памятники законодательной дѣятельности, изданные въ промежутокъ времени отъ 1497—1550 г.г.

Внутреннее содержаніе судебника 1550 г. распадается также на 4 отдѣла: 1) о судѣ центральномъ, 2) о судѣ областномъ, 3) опредѣленія, относящіяся къ гражданскому процессу и къ гражданскому матеріальному праву и 4) дополнительный отдѣлъ, содержащій, кромѣ прежнихъ, двѣ новыя статьи: а) о припискѣ на будущее время къ Судебнику всѣхъ новыхъ постановленій и в) о судѣ съ удѣльными князьями.

Вслѣдъ за изданіемъ Судебника 1550 г. начинается дальнѣйшее развитіе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, дополняющихъ или развивающихъ его опредѣленія. Эти законодательные акты образуютъ длинный рядъ, такъ называемыхъ, „дополнительныхъ къ суду указовъ“, непрерывно продолжающихся черезъ весь періодъ времени съ 1550 г. до изданія Уложенія Алексѣя Михайловича (1649 г.). Въ этихъ указахъ содержится весьма много опредѣленій изъ сферы вотчиннаго и помѣстныхъ

правъ, опредѣленій объ ограниченіи духовенства въ правѣ владѣнія и о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ и т. п. Въ видахъ систематизаціи накопляющагося такимъ образомъ матеріала принято было записывать въ каждомъ изъ Московскихъ приказовъ въ особую книгу всѣ тѣ узаконенія, которыя издавались въ сферѣ его вѣдомства; такимъ путемъ образовались „Указныя книги приказовъ“. Внутреннее содержаніе этихъ дополнительныхъ къ судебнику указовъ свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ сходствѣ съ опредѣленіями Русской Правды съ одной стороны, и Литовскаго статута—съ другой. Факта этого не слѣдуетъ объяснять простымъ заимствованіемъ, а нужно имѣть въ виду, что дополнительныя къ судебнику указы черпали свое содержаніе изъ обычнаго права.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

Періодъ смутнаго времени, не стотря на свою кратковременность, успѣлъ до основанія поколебать строй государственной русской жизни и довести Московское государство до края гибели. Воцарившейся династіи Романовыхъ предстояло возстановить расшатанное государство, доставить ему внутреннюю и внѣшнюю безопасность, пересмотрѣть и обновить русское законодательство. Послѣднее выпало на долю сына преемника перваго Романова, царя и в. кн. Алексѣя Михайловича. Къ созданію новаго законодательнаго сборника было приступлено Ал. Мих. уже въ 3-й годъ его царствованія, именно въ 1648 г. Редакціонныя работы по составленію новаго Уложенія были возложены въ силу указа 16 іюля 1648 г. на комиссію, составленную изъ 5 лицъ: 2-хъ бояръ, князей—Одоевскаго и Прозоровскаго, одного окольничаго кн. Волконскаго и 2-хъ дьяковъ—Леонтьева и Грибоѣдова. Предварительныя работы этой комиссіи на основаніи указа заключались въ слѣдующемъ: 1) выписать изъ правилъ св. апостоловъ и св. отцовъ Церкви, равно какъ изъ градскихъ законовъ, т. е. свѣтскихъ постановленій Византійскихъ императоровъ, всѣ тѣ статьи, которыя могли быть примѣнены для утвержденія внутренняго порядка въ русской землѣ; 2) собрать всѣ состоявшіеся послѣ изданіясудебника 1550 г. царскіе указы и боярскіе приговоры и сличить ихъ со старыми судебниками 1497 и 1550 г.г. и 3) собрать свѣдѣнія о различнаго рода законодательныхъ вопросахъ, созрѣвшихъ, но не нашедшихъ себѣ опредѣленій въ предшествовавшихъ законодательствахъ и съ государева указа разрѣшить ихъ „общимъ совѣтомъ“. Редакціонныя работы по составленію были закончены менѣе, чѣмъ черезъ 3 мѣсяца—именно 3-го октября 1649 г. (такъ какъ новый годъ начинался тогда съ 1-го сентября).

Алексѣй Михайловичъ не рѣшился однако собственной властью утвердить вновь составленный законодательный сборникъ, но счелъ нужнымъ дать ему санкцію при участіи всей русской земли. Для этой цѣли царь созываетъ земскій соборъ, созываетъ въ Москву выборныхъ отъ всѣхъ городовъ русскихъ. Въ составъ этого собора вошли представители отъ всѣхъ сословій и состояній русской земли, именно: отъ 4-хъ низшихъ чиновъ служилыхъ людей (стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ Московскихъ)—по два выборныхъ, отъ большихъ городовъ—по одному (отъ Новгорода—по одному отъ каждой пятины), отъ гостинной и суконной сотенъ—по два и отъ черныхъ сотенъ, слободскихъ и городскихъ посадовъ—по одному выборному изъ людей „добрыхъ и мышленыхъ". Всѣ выборные собрались въ Москву къ новому году (къ 1-му сентября), а 3-го Октября 1649 г. проэктъ вновь составленнаго уложенія слушался Земскимъ Соборомъ, причемъ послѣдній раздѣлился на двѣ половины или палаты: первую составляли лица, принимавшія участіе въ соборѣ по своему положенію служебному—члены Государственной думы и освященнаго собора (представителемъ высшаго духовенства); они слушали проэктъ Уложенія подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя и въ присутствіи Патріарха (Іосифа); 2-ую половину собора составляли представители Земщины—выборные люди; имъ уложеніе читалось отдѣльно въ такъ называемой „отвѣтной палатѣ" подъ предсѣдательствомъ кн. Долгорукова. Не нужно однако думать, что роль выборныхъ заключалась въ простомъ выслушиваніи вновь составленнаго законодательнаго сборника: изученіе внутренняго содержанія Уложенія въ связи съ изученіемъ всѣхъ остальныхъ современныхъ историческихъ памятниковъ, обнаруживаетъ, что Земскій соборъ принималъ активное участіе въ составленіи Уложенія, объ этомъ же свидѣтельствуетъ и царскій указъ, предписывающій рѣшить извѣстные законодательные вопросы „общимъ совѣтомъ", подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть ничто иное, какъ Земскій Соборъ. Дѣятельность представителей земщины выражалась въ подачѣ ими своихъ заявленій, обыкновенно въ формѣ челобитныхъ, которыя, получивъ утвержденіе, излагались въ видѣ статей Уложенія. Челобитныя земскихъ людей подавались въ теченіи всего октября и ноября мѣсяцевъ; многія изъ нихъ дошли даже до нашихъ дней, и благодаря этому, а также свидѣтельствамъ другихъ памятниковъ, доказано, что 58 новыхъ статей Уложенія составлены были по инціативѣ земскаго собора при непосредственномъ, ближайшемъ содѣйствіи „Общаго Совѣта" русской земли. Земскій Соборъ 1649 г. прекратилъ свою дѣятельность не ранѣе декабря, когда былъ составленъ „Уложенный столбецъ", закрѣпленный подписями патріарха и всего освященнаго собора, членовъ Го-

сударственной Думы и всѣхъ выборныхъ отъ русской земли. Всего подписалось подъ Уложеніемъ болѣе 1200 человѣкъ; если же принять во вниманіе, что нѣкоторыя лица подписывали свитокъ не только за себя, но и за другихъ депутатовъ, то число отдѣльныхъ подписей не превышаетъ 315 ч. Съ подлиннаго свитка Уложенія было переписано въ форму книги, съ которой уже приступлено къ печатанію его. Печатные экземпляры Уложенія были затѣмъ разосланы по всѣмъ приказамъ и городамъ для руководства; въ нашемъ отечествѣ это былъ первый примѣръ обнародованія закона путемъ печати.

Источниками „Сборнаго Уложенія 1649 г." были: 1) правила св. апостоловъ и св. отцовъ Церкви въ соединеніи съ свѣтскими постановленіями Византійскихъ императоровъ (градскіе законы), подъ которыми слѣдуетъ разумѣть ничто иное, какъ Номоканонъ (или Кормчую книгу); вліяніе Номоканона отразилось на Уложеніи главнымъ образомъ на правѣ уголовномъ, придавъ уголовнымъ наказаніямъ, узаконявшимся Уложеніемъ, необыкновенно суровый характеръ; 2) старые судебники и послѣдовавшіе за ними царскіе указы и боярскіе приговоры, не внесшіе, какъ и Номоканонъ, въ Уложеніе ничего новаго; 3) новые законодательные вопросы, стоявшіе на очереди и разрѣшенные „Общимъ Совѣтомъ" и 4) литовскій статутъ—памятникъ права, дѣйствовавшій въ Юго-западной Литовской Руси и возникшій въ XVI вѣкѣ на почвѣ Русской Правды, модифицированный подъ вліяніемъ Польско-Литовскаго и городового Магдебургскаго права—источникъ, о которомъ ничего не говоритъ царскій указъ 16 іюля, на незначительныя заимствованія, изъ котораго указываютъ многочисленные помѣтки, сдѣланныя на подлинномъ столбцѣ Уложенія. На основаніи этихъ источниковъ видно, что Уложеніе не создало новыхъ юридическихъ началъ и отношеній, оно лишь свело, сличило и очистило обширный законодательный матеріалъ, накопившійся въ половинѣ XVII столѣтія, извлекло изъ этого матеріала все то, что могло еще имѣть жизненное значеніе и органическое развитіе, отбросивъ все остальное, какъ отжившіе свой вѣкъ, остатки истекшихъ эпохъ развитія русской юридической жизни, короче—представляетъ собой сводъ правовыхъ началъ и отношеній, выработанныхъ, отчасти народнымъ юридическимъ сознаніемъ, отчасти практикой предшествовавшей ему жизни русскаго народа.

Внутреннее содержаніе Уложенія разбивается на 25 главъ и 967 статей, изъ которыхъ 287, составляющихъ 10-ю главу трактуютъ о судопроизводствѣ, слѣдовательно Уложеніе, подобно предшествовавшимъ ему законодательнымъ сборникамъ, есть памятникъ преимущественно процессуальный,

тѣмъ не менѣе онъ содержитъ въ себѣ уже довольно большое количество статей, относящихся къ праву государственному, финансовому, гражданскому и уголовному. Въ отношеніи системы расположенія главъ Уложеніе можетъ быть представлено въ 6 раздѣлахъ: 1-ый отдѣлъ включаетъ главы (5 главъ), касающіяся преступленій противъ Бога и Царя; 2-ой (10 гл.) содержитъ постановленія, обезпечивающія внутреннюю и внѣшнюю безопасность государства и внутреннее благосостояніе его; 3-ій (3 гл.) содержитъ постановленія, касающіяся обладанія и распоряженія извѣстнаго рода недвижимымъ имуществомъ; 4-й (2 гл.) содержитъ узаконенія, касающіяся организаціи городского и крестьянскаго сословій; 5-й (2 гл.) содержитъ постановленія изъ уголовнаго права и процесса о разбойничьихъ и тяжебныхъ дѣлахъ и смертной казни; 6-ой (3 гл.) излагаетъ исключенія изъ общихъ правилъ, изложенныхъ въ предшествовавшихъ главахъ („о стрѣльцахъ", указъ объ „атаманахъ", „о казакахъ", указъ о „кормчихъ"). Никакой законодательный сборникъ, какъ бы полонъ и обширенъ онъ ни былъ, какъ бы тщательно ни былъ онъ составленъ, никогда не можетъ быть послѣднимъ словомъ законодательства. Жизнь всякаго народа идетъ впередъ, развивается, порождаетъ новыя потребности, новые взгляды на вещи, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ потребность и въ новыхъ законодательныхъ опредѣленіяхъ. Въ исторической жизни всякаго народа бываютъ такія эпохи, когда въ эту жизнь врываются новыя стремленія, новыя идеи, когда появляется потребность въ конечныхъ измѣненіяхъ тѣхъ или другихъ началъ, отношеній и институтовъ ея. Исторія отмѣчаетъ такія эпохи народной жизни наименованіемъ реформъ.

Въ подобныя эпохи, а равнымъ образомъ и въ непосредственно предшествовавшія имъ, проявляется съ особенною силою законодательная дѣятельность народа, появляется масса новыхъ законныхъ опредѣленій, стремящихся улучшить существованіе, внести прогрессъ въ строй народной жизни и приблизить отношенія ея къ болѣе или менѣе ясно сознаваемому идеалу. Послѣ изданія Уложенія 1649 г. Московское Государство вступаетъ, именно въ одну изъ такихъ эпохъ, предшествовавшихъ эпохѣ реформъ. Многія отношенія дѣйствительной жизни признаются уже мало удовлетворяющими требованіямъ вѣка, появляется болѣе или менѣе сознательное стремленіе къ внесенію въ нихъ новыхъ началъ, словомъ, является потребность въ коренныхъ реформахъ. Изъ подобнаго значенія эпохи, послѣдовавшей за изданіемъ Уложенія 1649 г., не трудно уже предусмотрѣть, что законодательство Московское не могло оставаться въ эту эпоху въ бездѣйствіи. Дѣйствительно, несмотря на изданіе Уложенія, продолжаютъ издаваться въ большомъ количествѣ самаго различнаго рода указы, боярскіе приговоры, соборныя опре-

дѣленія, уставы и наказы. Всѣ эти памятники законодательства, издававшіеся въ промежутокъ времени отъ 1649 г., т. е. отъ года изданія Уложенія Алексѣя Михайловича, и вплоть до единодержавнаго царствованія Петра I (1696 г.), носятъ названія „новоуказныхъ статей“ (всего 4535 статей), большинство изъ которыхъ напечатаны въ первыхъ трехъ томахъ полнаго свода законовъ Россійской Имперіи вслѣдъ за Уложеніемъ 1649 года. Большая часть новоуказныхъ статей носитъ характеръ дополненій, измѣненій или дальнѣйшаго развитія опредѣленій, содержащихся въ уложеніи; наиболѣе важными изъ нихъ представляются слѣдующія:

1) „Наказъ о городскомъ благочиніи“ отъ 6 апр. 1649 г., въ которомъ излагаются мѣры для защиты Москвы отъ пожаровъ, а также мѣры для предупрежденія грабежей, корчемства, публичнаго разврата и всякихъ уличныхъ безпорядковъ.

2) Боярскій приговоръ „о взиманіи таможныхъ пошлинъ съ товаровъ въ Москвѣ и городахъ“ (отъ 1653 г.).

3) „Новоторговый уставъ“ (въ 1667 г.), устанавливающій правила для торговцевъ Новгородскихъ, Псковскихъ, Архангельскихъ съ иноземными государствами: Швеціей, Польшей, Литвой и Персіей. Новоторговый уставъ является не только самымъ важнымъ памятникомъ второй половины XVII в., но и замѣчательнымъ памятникомъ нашего финансоваго права вообще. Онъ былъ изданъ вслѣдствіи челобитья „Московскаго Государства гостей и гостинныхъ сотенъ и черныхъ сотенъ торговыхъ людей“, которые жаловались Царю на то, „что пріѣзжіе иноземцы безстрашно учали товары худые, поддѣльные... въ Москву и городы привозить и Русскимъ торговымъ людямъ въ заповѣдѣхъ и въ промыслѣхъ многіе убытки чинить“. Изданный въ удовлетвореніе временныхъ нуждъ, Новоторговый уставъ имѣетъ, однако, важное значеніе по тѣмъ общимъ мѣрамъ, которыя предпринимаются въ немъ для поднятія, какъ торговли, такъ и значенія торговаго класса.

„Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлѣхъ“ (1649 г.)—128 статей „о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлѣхъ“ являются дальнѣйшимъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ главъ XXI и XXII Уложенія и наравнѣ съ „Новоторговымъ уставомъ“ показываютъ намъ, какъ быстро шла жизнь, если уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія Уложенія понадобилось вновь пересмотрѣть уголовное право Уложенія. Интересно также, что заимствованіе изъ градскихъ законовъ здѣсь не уменьшается, хотя суровость наказанія смягчается.

5) Новоуказныя статьи „о помѣстьяхъ и вотчинахъ“ (1677 г.), созданныя главнымъ образомъ подъ вліяніемъ челобитій и весьма важныя для вопроса о землевладѣніи.

6) Соборный приговоръ объ уничтоженіи мѣстничества (1682 года).

На царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей (1682—96 г.г.) относится нѣсколько узаконеній по судоустройству и судопроизводству и особенно:

7) „Писцовый наказъ" (1684 г.) и добавленія къ нему (1688 г.), гдѣ даются подробныя правила по вопросу о межеваніи вотчинъ и помѣстій, лѣсовъ, и пустыхъ земель и пр.

8) „Новоуказныя статьи" „о чернослободскихъ дворахъ" (1686 г.), содержащія опредѣленія правъ владѣнія городскими дворами и порядокъ наслѣдованія въ этомъ родѣ имуществъ.

Новоуказными статьями заканчивается рядъ памятниковъ свѣтскаго законодательства Московскаго государства. Наше изложеніе было бы неполно, если бы при обзорѣ внѣшней исторіи русскаго права упустили изъ вида два важныхъ памятника церковнаго законодательства, тѣмъ болѣе, что эти памятники представляютъ тѣсную связь съ правомъ свѣтскимъ, дополняя ихъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ; многіе вопросы и отношенія права свѣтскаго регулировались на основаніи памятниковъ церковнаго права. Этими двумя памятниками являются Стоглавъ и Кормчая книга. Къ знакомству съ ними мы и перейдемъ.

Памятники церковнаго права.

I. Стоглавъ. Поводовъ къ составленію Стоглава было желаніе Іоанна IV поддержать религіозно-нравственный бытъ общества, который въ половинѣ XVI вѣка крайне расшатался. Съ этой цѣлью въ Февралѣ 1551 г. составился въ Москвѣ соборъ изъ всѣхъ представителей высшаго духовенства съ митрополитомъ Макаріемъ во главѣ и подъ предсѣдательствомъ самаго Государя; засѣданія собора были открыты рѣчью царя, который, указавъ на цѣль созванія собора, предложилъ ему 69 вопросовъ, прося сдѣлать по нимъ наставленія „разсудя по правиламъ св. Апостоловъ и св. Отецъ". Соборъ исполнилъ волю царя: по каждому изъ предложенныхъ имъ вопросовъ были сдѣланы постановленія, подкрѣпленными ссылками на правила св. Апостоловъ и св. Отцовъ Церкви, на градскіе законы Визант. Имп-ровъ, на опредѣленія вселенскихъ соборовъ, а также на церковные уставы русскихъ князей, изложенные въ письменной формѣ; постановленія эти составили книгу, раздѣленную на 100 главъ, откуда самый сборникъ получилъ названіе Стоглава, а соборъ Стоглаваго. Вслѣдъ за составленіемъ Стоглава были сдѣланы выписки изъ него, разосланныя для руководства по церквамъ и монастырямъ и извѣстныя подъ названіемъ „Наказныхъ списковъ Соборнаго Уложенія 1551 г." Дѣло однако въ томъ,

что митрополитъ Макарій и остальные члены собора 1551 г., вслѣдствіе заблужденія и испорченности рукописныхъ книгъ, находившихся въ ихъ рукахъ, допустили въ свои постановленія нѣкоторыя опредѣленія, несогласныя съ древнѣйшими правилами православной церкви (о перстосложеніи), почему опредѣленія Стоглаваго Собора были оффиціально отмѣнены соборомъ 1667 года, созваннымъ по дѣлу Никона. Въ настоящее время Стоглавъ считается важнымъ памятникомъ съ точки зрѣнія русскаго старобрядчества, какъ памятникъ, узаконяющій двухперстное сложеніе, поклоненіе старымъ иконамъ и т. д. Первое полное изданіе Стоглава было сдѣлано Казанской Духовной Академіей въ 1862 г.

II. Кормчая книга. Значеніе Кормчей книги для исторіи русскаго права коренится въ томъ, что постановленія этого памятника имѣли въ русской землѣ значеніе и силу дѣйствующаго права и не только въ сферѣ церковнаго суда, но и въ сферѣ судовъ гражданскихъ. Въ виду этого явилась необходимость издать Кормчую книгу въ печати взамѣнъ обращавшихся до этого времени многочисленныхъ ея списковъ. Въ 1650 г. по иниціативѣ патріарха Іосафа и было приступлено къ напечатанію Кормчей книги съ одного изъ списковъ Рязанской фамиліи. Экземпляры напечатанной въ томъ же году (1650 г.) Кормчей не успѣли еще разойтись, когда скончался патріархъ Іоасафъ. Преемники его, патріархъ Никонъ, найдя въ изданной Кормчей книгѣ много погрѣшностей и неисправностей, созвалъ въ 1652 году соборъ для пересмотра и исправленія. Экземпляры исправленной Кормчей книги были разосланы (1653 г.) по церквамъ для практическаго пользованія, экземпляры же Іосафскаго изданія попали въ свѣтъ лишь въ очень ограниченномъ количествѣ, почему и составляютъ въ наше время библіографическую рѣдкость, встрѣчаясь по преимуществу у раскольниковъ. Кормчая книга распадается на двѣ части, заключающія въ себѣ 70 главъ; сверхъ того помѣщено по нѣсколько статей въ началѣ книги съ характеромъ введенія и въ концѣ, въ видѣ послѣсловія или заключенія.

Введеніе составляетъ слѣдующія части: 1) исторію раздѣленія восточной и западной Церквей, исторію введенія христіанства на Руси и краткій очеркъ возникновенія русской церкви и учрежденія патріаршества; 2) краткій конспектъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ.

Первая часть Кормчей книги (глава 1-41) заключаетъ въ себѣ правила: а) св. Апостоловъ, б) св. Отцовъ Церкви и в) постановленія Вселенскихъ и мѣстныхъ соборовъ. Вторая часть (глава 41-70) заключаетъ въ себѣ: а) законы византійскихъ императоровъ (новелла Юстиніана и Алексѣя Комнена, законъ судный царя Константина, законы императоровъ Льва Исавра и Константина Копронима и законъ градскій,

или прохейронъ Василія Македонина); б) правила св. Отцовъ Церкви, не вошедшія въ первую часть и в) извлеченія изъ пятикнижія Моисеева. Послѣсловіе заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: а) описаніе Кормчей книги и исторія ея изданія въ 1650—1653 г.; б) жалованная книга Константина Великаго папѣ римскому Сильвестру; в) вторичное повѣствованіе и раздѣленіе восточной и западной церквей. Слѣдовательно, Кормчая книга заканчивается тѣмъ же, чѣмъ и начинается.

Въ такихъ чертахъ представляется намъ общая система содержанія печатной Кормчей книги.

Обзоромъ этого памятника мы и заканчиваемъ изложеніе внѣшней исторіи права Московскаго государства.

Раздѣлъ второй: Внутренняя исторія права Московскаго періода.

Государственное право. Существо и основы организаціи верховной власти въ Московскомъ государствѣ. Московское государство является единодержавнымъ, а государь самодержавнымъ, облеченнымъ полной неограниченной властью, онъ глава власти законодательной, административной и судебной, ему же, какъ избраннику Божію, принадлежитъ въ качествѣ верховнаго попечителя и главенство церковное; своей властью онъ дѣлится только съ тѣми органами, которые имъ же уполномочены для цѣлей управленія. Теперь же нѣтъ вѣча, нѣтъ дружины, первое исчезло совсѣмъ, вторая преобразовалась въ служилый классъ, организованный на совершенно новомъ началѣ, на началѣ обязательной службы. Сильный протестъ встрѣтила такая перемѣна со стороны дружины: въ продолженіи 3-хъ вѣковъ (XV, XVI и XVII) велась борьба между государями Московскими и бывшими дружинниками—боярами; ареной этой борьбы была дума боярская, составлявшая продолженіе прежней княжеской думы. Весьма рѣзкій характеръ принимаетъ борьба Московскихъ государей съ боярами въ царствованіе Іоанна IV, который, стремясь умѣрить аристократическій элементъ боярской думы, вводитъ въ составъ ея новыхъ совѣтниковъ подъ именемъ думскихъ бояръ—людей незнатныхъ, но вполнѣ приверженныхъ самодержавію. Но съ особенной силой проявляется стремленіе бояръ ограничить абсолютизмъ Московскихъ государей въ эпоху междуцарствія; извѣстны случаи проявленія боярами ограничительныхъ требованій Годунову, Василію Шуйскому, Владиславу, наконецъ, Михаилу Феодоровичу, а въ царствованіе Федора Алексѣевича бояре задумали даже раздѣлить между собою всю русскую землю на наслѣдственныя намѣстничества. Однако стремленіе бояръ ограничить самодержавную власть, несмотря

на свою настойчивость и продолжительность не имѣло успѣха потому, что съ одной стороны бояре, дѣйствуя исключительно въ своихъ узкосословныхъ интересахъ, прямо противоположныхъ интересамъ народа, никакъ не могли разсчитывать на его поддержку и содѣйствіе, съ другой—и само боярство не могло дать своимъ стремленіямъ стройнаго и постояннаго единства.

Порядокъ преемства верховной власти въ Московскомъ государствѣ представляется во всѣхъ трехъ формахъ его, т. е. во 1-хъ въ видѣ легальной наслѣдственности верховной власти въ извѣстной постепенности среди членовъ одного царствующаго дома, во 2-хъ, въ формѣ назначенія себѣ преемника самимъ умирающимъ государемъ, въ 3-хъ, въ формѣ избранія государя волею народа. Первая форма преемства престола по порядку нисходящаго первородства вырабатывается въ начальную эпоху усиленія Московскаго княжества и несмотря на неоднократную борьбу съ началомъ родового старшинства, устанавливается, такъ сказать естественнымъ и замѣтнымъ путемъ, благодаря въ весьма значительной степени духовному завѣщанію великихъ князей, въ которыхъ они оставляли старшимъ сыновьямъ сначала большіе уѣзды, чѣмъ младшимъ, а затѣмъ и самое великое княженіе. Вторая форма преемства верховной власти имѣла примѣненіе въ Московскомъ государствѣ только одинъ разъ, именно въ 1598 г., когда умирающій бездѣтный царь Федоръ Ивановичъ назначилъ своей преемницей свою супругу Ирину (изъ рода Годуновыхъ). Ирина, однако, какъ извѣстно, отъ престола отказалась и постриглась въ монастырь. Наконецъ, 3-я форма преемства престола верховной власти имѣла три случая примѣненія—въ лицѣ Бориса Годунова (1598 г.), Василія Шуйскаго (1606 г.) и Михаила Романова (1613 г.). Начало преемства въ Московскомъ государствѣ по порядку нисходящаго первородства не было гарантировано никакимъ государственнымъ актомъ, никакимъ основнымъ закономъ, но порядокъ этотъ какъ бы санкціонировался актомъ благословенія умирающимъ монархомъ на царствованіе старшаго сына своего. Вступленіе новаго государя на престолъ считалось съ момента смерти его предшественника. Немедленно послѣ кончины послѣдняго, наслѣдникъ престола вступаетъ во всѣ права свои, а подданные приводились къ присягѣ, прежде всего цѣловали крестъ новому государю въ вѣрности бояре и другіе высшіе государственные чины передъ лицомъ митрополита, а впослѣдствіи патріарха, при чемъ нерѣдко у самаго одра скончавшагося государя; затѣмъ приводились къ присягѣ Московскіе служилые люди и все вообще населеніе столицы, а потомъ разсылались по всѣмъ городамъ русскіе служилые люди для приведенія къ присягѣ населенія ихъ. Одновременно съ этимъ

по всѣмъ городамъ разсылались государемъ окружныя грамоты, въ которыхъ возвѣщалось о восшествіи его на престолъ; къ окружной грамотѣ присоединялась форма, имѣющаго совершиться крестнаго цѣлованія,—такъ назыв. подкрестная запись. Если новый государь вступалъ на престолъ въ силу избранія его волей народа, тогда актъ избранія закрѣплялся постановленіемъ такъ наз. утвержденной грамоты, въ которой подробно излагался самый актъ избранія и всѣ обстоятельства, сопровождавшія его; она подписывалась патріархомъ, митрополитомъ и всѣмъ священнымъ соборомъ, боярами и всѣми Московскими служилыми людьми и, наконецъ, выборными отъ городовъ. По вступленіи на престолъ Московскаго государя надъ нимъ совершался обрядъ вѣнчанія на царство. Лѣтописи свидѣтельствуютъ о вѣнчаніи въ Кіевскомъ соборѣ св. Софіи в. кн. Владиміра Мономаха, которому будто бы Византійскій императоръ Алексѣй Комненъ прислалъ въ даръ эмблемы царскаго достоинства: вѣнецъ, золотую цѣпь, бармы греческія, крестъ животворящаго древа и сердоликовую чашу Кесаря римскаго Августа. Со времени Владиміра Мономаха этотъ обрядъ и ведетъ свое начало на Руси. Въ случаѣ малолѣтства государя въ Московскомъ государствѣ допускалось назначеніе временнаго правительства, регенства, которое составлялось или изъ одного лица, родственнаго государю, или изъ совѣта бояръ, или, наконецъ, изъ того и другого вмѣстѣ. Въ эпоху междуцарствія верховная власть олицетворялась обыкновенно боярской думой или земскимъ соборомъ, коль скоро онъ собирался въ такую эпоху.

Права и преимущества верховной власти въ Московскомъ государствѣ:—1) Московскіе государи не подлежали дѣйствію ни общихъ, ни спеціальныхъ законовъ,—личная воля его выше всякихъ человѣческихъ законовъ; отсюда вытекаетъ: 2) полная безотвѣтственность его; 3) право полной неприкосновенности, и право на высочайшую степень уваженія и почета; за всякое злоумышленіе противъ особы государя Уложеніе грозитъ смертной казнью; полной неприкосновенностью и значеніемъ священнаго мѣста пользуется даже и жилище государя; 4) право на обладаніе извѣстнаго рода имуществами для содержанія себя, своего семейства и царскаго двора. Эти имущества носили названіе дворцовыхъ и состояли въ вѣдѣніи приказа Большого дворца. Внѣшніе аттрибуты власти, присвоенные Московскимъ государямъ:—1) царственныя регаліи: вѣнецъ или шапка Мономаха, бармы. скипетръ, держава, крестъ животворящаго древа, золотая царственная цѣпь и сердоликовая чаша кесаря Августа, изъ которой помазывались Государи на царство, 2) титулъ въ которомъ три части: а) указаніе источника власти государя,

такъ какъ власть Московскихъ государей коренится въ Божественной волѣ, то и самый титулъ ихъ начинается словами: „Божіей милостью азъ, государь и великій князь всея Руссіи“.... эта часть титула часто значительно видоизмѣнялась и распространялась такъ называемымъ государевымъ благословеніемъ“, что преимущественно было въ царствованіе Іоанна IV, отличавшагося крайне религіознымъ настроеніемъ; б) указаніе рода власти, которой облеченъ Государь; въ первоначальную эпоху существованія Московскаго Государства, эта часть титула формулировалась: „великій князь“, съ Ивана III—„Государь и великій князь“, съ Ивана IV—„Царь и Великій Князь“, или „великій Государь“, и „царь и великій князь“, и, наконецъ, со временъ Михаила Феодоровича въ титулъ Московскихъ Государей вводится въ постоянное употребленіе „Самодержавецъ“; в) территоріальная часть, указывающая на пространство территоріи, до которой простирается власть Государя. Уже весьма рано (со времени Ивана Калиты) Московскіе Государи стали называть себя „Великими князьями Московскими и всея Руси“, хотя на самомъ дѣлѣ они далеко не обладали всей русской землей, да впрочемъ и самая прибавка „всея Руси“ не имѣла постояннаго примѣненія. Со времени Ивана III Государи Московскіе вводятъ въ свой титулъ наименованіе всѣхъ областей и земель, вновь присоединенныхъ къ владѣніямъ ихъ, такъ что съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ становится обширнѣе и самый титулъ ихъ; въ виду этого въ Московскомъ Государствѣ употреблялась двоякая форма титула—полная (т. е. съ полной территоріальной частью) при внѣшнихъ сношеніяхъ или въ особенно важныхъ Государственныхъ актахъ, и краткая въ обыкновенныхъ случаяхъ. 3) Гербъ и 4) Печать. Исторія герба въ Московскомъ государствѣ стоитъ въ тѣсной связи съ исторіей печатей ихъ. Употребленіе же печатей въ Русской землѣ восходитъ до временъ весьма отдаленныхъ, до временъ договоровъ русскихъ съ греками. На печатяхъ, употреблявшихся древними великими князьями, изображались: ликъ Спасителя, Божіей Матери или особо чтимаго святого, имя котораго носилъ Государь; вообще до конца XV вѣка не было однообразія и постоянства въ изображеніяхъ, помѣщавшихся на печатяхъ и монетахъ великихъ князей, а, слѣдовательно, не было твердо установившейся формы государственнаго герба. Государственный гербъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, появился у насъ лишь въ концѣ XV вѣка, когда великій князь Иванъ III вступилъ въ бракъ съ Софіей Палеологъ, принялъ гербъ Византійской имперіи—чернаго двухглаваго орла съ распростертыми крыльями, присоединивъ къ нему изображеніе всадника, поражающаго копьемъ змѣя. Въ царствованіи Ивана IV изображеніе всадника единорога, въ которомъ нѣкоторые видятъ соб-

ственный гербъ Царя Ивана. Окончательную формулировку получаетъ гербъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда оба составные элементы его были соединены такъ, что всадникъ сталъ изображаться на груди орла. Изображеніе всадника, поражающаго змѣя выражаетъ собой идею торжества русскихъ князей въ борьбѣ съ татарами, а по отношенію къ Москвѣ—торжество ея надъ удѣльной системой; подъ самымъ же всадникомъ разумѣли сначало изображеніе Московскихъ государей, а со времени Екатерины II—Георгія Побѣдоносца. Что касается государственныхъ печатей, то значеніе ихъ въ древнѣйшей Руси сводилось къ тому, что онѣ замѣняли собой подписи княжескія (древніе князья не подписывали лично никакихъ актовъ и уставовъ), для чего существовала должность печатника, на котораго и возлагалось храненіе и приложеніе (привѣшиваніе), къ актамъ княжеской печати, а въ силу этого и отвѣтственность за законность самыхъ актовъ. Въ Московскомъ государствѣ съ развитіемъ системы правительственныхъ приказовъ вѣдѣніе государственныхъ печатей распредѣлялось между приказами посольскимъ и печатнымъ; въ первомъ вѣдались двѣ печати: большая государственная, которой печатались акты дипломатическіе, и другая, которой печатались жалованныя грамоты; во второмъ хранилась малая государственная печать, носившаяся думными дьяками на шеѣ; во 2-ой половинѣ XVII вѣка возникла новая важная должность „оберегателя большой государственной печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ“ (должность нынѣшняго канцлера), которую первымъ занялъ Ордынъ Нащекинъ. Государственная печать имѣла громадное значеніе въ политической и общественной жизни Московскаго государства, она освящала силу государственныхъ актовъ авторитетомъ воли верховной власти; безъ нея задерживался ходъ всего механизма государственной жизни Москвы; самое приложеніе печати было актомъ строго формальнымъ, а поддѣлка ея наказывалась смертью.

Земскіе соборы.

Въ Московскомъ государствѣ выработался особый типъ народныхъ представительныхъ собраній, извѣстныхъ подъ именемъ „земскихъ соборовъ“, „земскихъ совѣтовъ“ и образовавшихся путемъ созыва въ Москву представителей отъ всей русской земли. Земскіе соборы созывались обыкновенно въ тяжелыя критическія для государства эпохи для обсужденія „всей землей затруднительнаго положенія дѣлъ“; начало ихъ относится къ 1-ой половинѣ XVI вѣка. Первый земскій соборъ былъ созванъ Иваномъ IV въ 1548—1550 г. Поводомъ къ его созванію было сознаніе царемъ необходимости непосредственнаго общенія своего съ народомъ для

возстановленія и умиротворенія разстроеннаго государства, а причина его коренится въ исторіи доведшей царя до такого сознанія: ни прихотью, ни мимолетнымъ желаніемъ юнаго государя былъ созванъ соборъ 1548 г., онъ былъ потребностью времени, созрѣвшей на почвѣ исторіи жизни Московскаго государства, и заявившаго о себѣ въ тотъ моментъ, когда это послѣднее приближалось къ гибели. Объ исторіи перваго собора намъ извѣстно лишь то, что въ одинъ изъ воскресныхъ дней царь Иванъ созвалъ съѣхавшихся выборныхъ на Красной площади и съ лобнаго мѣста обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой указалъ недостатки существующаго порядка вещей, просилъ народъ оставить другъ другу вражды и „тяготы свои", обѣщалъ впредь для него быть „судьей и обороной"; что же касается ближайшихъ послѣдствій перваго собора, то онѣ выразились въ томъ, что: 1) соборъ отодвинулъ боярство, открылъ возможность непосредственнаго общенія царя съ землею; 2) призналъ полное и неограниченное самодержавіе 1-го Московскаго царя, перенеся его съ почвы факта на почву права, и 3) былъ важнымъ стимуломъ духовнаго единенія отдѣльныхъ областей, присоединенныхъ къ Москвѣ чисто механическимъ путемъ.

Второй Земскій соборъ былъ созванъ въ 1566 г. Иваномъ IV для обсужденія вопроса о заключеніи мира съ Польшей, въ борьбу съ которой онъ былъ вовлеченъ вслѣдствіи войны съ Ливонскимъ орденомъ, вступившимъ, ввиду успѣха русскихъ, въ союзъ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ. Яблокомъ раздора между Польшей и Москвой были занятые Московскими воеводами пограничные Ливонскіе города, которые Польскій король взялъ въ свое „обереганіе". Борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ тянулась до 1566 г. (съ 1558 г.), когда, наконецъ, Иванъ рѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ Земскому Собору 1566 г. Этотъ соборъ не былъ представительствомъ всей русской земщины: кромѣ духовенства, бояръ и служилыхъ людей, въ составъ его вошли лишь гости, представители Московскаго купечества и выборные Смоленской земли, какъ наиболѣе заинтересованные въ данномъ вопросѣ. Всѣ члены собора были раздѣлены на семь сословныхъ группъ, порознь совѣщавшихся и подававшихъ голоса или мнѣнія. (1-ю группу составляло духовенство, 2-ю—бояре, окольничьи и государственные дьяки, 3-ю—дворяне первой статьи, 4-ю—дворяне и дѣти боярскіе второй статьи, 5-ю—помѣщики Торопецкіе, 6-ю—помѣщики Луцкіе, и, 7-ю—гости Московскіе и Смоленскіе). Сущность мнѣній, поданныхъ каждой изъ этихъ группъ сводилась къ необходимости удержать за собой пограничные Ливонскіе города; служилые и земскіе чины даже прямо высказывались въ пользу войны съ Польшей, и изъявили пол-

ную готовность служить Государю. Московскія войска дѣйствительно выступили къ Ливонской границѣ, но, какъ извѣстно, рѣшительнаго возобновленія военныхъ дѣйствій не состоялось до 1569 г., когда было, наконецъ, заключено перемиріе. Приговорная грамота собора 1566 г. закрѣплена была печатями, рукоприкладствами и крестными цѣлованіями участниковъ собора.

Третій Земскій соборъ былъ созванъ въ 1584 г. Дѣло въ томъ, что въ первые же дни послѣ кончины Ивана Грознаго, при дворѣ образовалось двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за наслѣдника престола Феодора Ивановича, другая за царевича Дмитрія. Партійныя интриги разразились мятежомъ въ Москвѣ. Приверженцы Феодора, желая гарантировать за нимъ престолъ санкціей воли народной, рѣшили созвать земскій соборъ, который и состоялся въ маѣ 1584 г. Соборъ этотъ имѣлъ то значеніе, что на немъ кромѣ назначенія дня вѣнчанія государя, обсуждались и дѣла государственныя, и что поэтому послѣ него, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ современниковъ (Горсей), въ общественной жизни наступили миръ и тишина, и самое управленіе въ государствѣ совершенно измѣнилось.

Четвертый Земскій соборъ—былъ созванъ въ 1598 г. для избранія новаго государя, вслѣдствіи кончины царя Феодора Ивановича, съ которымъ пресѣкался родъ князей Московскихъ и вслѣдствіи отказа отъ престола вдовы его Ирины. Этотъ соборъ явился земскимъ только по формѣ, онъ не былъ выразителемъ воли народа, а только безмолвнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкаго патріарха Іова, горячаго приверженца будущаго царя—Боярина Бориса Годунова. Мысль объ избраніи Бориса была, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи и современники, заранѣе подготовлена его клевретами, въ противовѣсъ же боярству, намѣревающемуся предложить ему ограниченныя условія, искусною рукой того же патріарха Іова былъ организованъ земскій соборъ. Въ составъ этого собора преобладающимъ большинствомъ вошли низшіе придворные чины и дворяне Московскіе, а затѣмъ духовенство; собственно земскихъ же служилыхъ людей было очень немного; притомъ большая часть изъ нихъ были жители г. Москвы, и только три представителя другого города; такой составъ прямо указываетъ на весьма удачную подготовку, такъ какъ духовенство находилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ патріарха Іова, а изъ остальныхъ—часть давно была на сторонѣ Бориса, другую же привлечь было нетрудно. Соборные люди собрались въ палатахъ Патріарха и подъ его предсѣдательствомъ, сообщивъ народу объ отреченіи Ирины и о предложеніи послѣ того престола Годунову, а также и объ отказѣ послѣдняго, патріархъ просилъ собравшихся подумать и указать,—кого они желаютъ имѣть госу-

царемъ; но затѣмъ, не дожидаясь рѣшенія соборныхъ представителей, самъ вложилъ въ ихъ уста отвѣтъ, заявивъ, что какъ у него, такъ и у всего освященнаго собора, у бояръ, и у дворянъ, и у служилыхъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ христіанъ одна мысль и одно желаніе—видѣть на престолѣ Бориса Феодоровича. Соборъ, заранѣе приготовленный къ такой комедіи, не противорѣчилъ, и Борисъ Годуновъ изъ конюшаго боярина сдѣлался московскимъ царемъ.

Пятый соборъ состоялся въ 1610 г. за Москвой рѣкой у Серпуховскихъ воротъ для низложенія незадолго передъ тѣмъ избраннаго царя Василія Шуйскаго (Шуйскій былъ избранъ въ 1606 г.; народное собраніе, избравшее его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо земскимъ соборомъ, хотя бы даже по формѣ, такъ какъ оно представляло не болѣе, какъ безпорядочную толпу сторонниковъ Шуйскаго, послѣдній даже не избранъ, но выкрикнутъ толпой). Рѣшено было, несмотря на протестъ патріарха Гермогена, доказывавшаго несправедливость и беззаконность низложенія царя, бить Шуйскому челомъ, чтобы онъ оставилъ царство. Соборъ 1610 г. былъ весьма многолюденъ, такъ какъ по случаю осаднаго положенія столицы, въ ней сосредоточилось огромное количество людей, преимущественно же дворянъ и дѣтей боярскихъ, но онъ не можетъ быть названъ полнымъ, потому что на немъ не было строгаго представительства всей земли. На этомъ же соборѣ рѣшено было „выбрать Государя всей землей“, а до тѣхъ поръ править государствомъ боярамъ. Однако соборное рѣшеніе объ избраніи Государя могло быть приведено въ исполненіе только въ 1612 г., когда второму земскому ополченію удалось, наконецъ, очистить Москву отъ поляковъ, и тѣмъ самымъ, хотя на время устранить опасность отъ внѣшнихъ враговъ. Тотчасъ послѣ освобожденія столицы (27 ноября 1612 г.) разосланы были по всѣмъ городамъ земли русской окружныя грамоты, призывающія въ Москву выборныхъ для „земскаго совѣта и государственнаго обиранія“. Неизвѣстно, скоро ли съѣхались выборные, неизвѣстно также, скоро ли открылись соборныя засѣданія, извѣстно только, что 7 февраля 1613 г. уже предрѣшенъ былъ соборомъ вопросъ объ избраніи Михаила, и что окончательное рѣшеніе его отложено было до 20 февраля, когда должны были съѣхаться въ Москву бывшіе бояре—правители съ Мстиславскимъ во главѣ, а также запоздавшіе выборные. Засѣданіе 21 февраля 1613 г. было особенно торжественно и происходило въ Успенскомъ соборѣ. Оно открылось молебномъ, послѣ котораго единодушно, волею всего собора царемъ былъ избранъ Михаилъ Феодоровичъ Романовъ. Вслѣдъ за тѣмъ было отправлено въ Кострому посольство, которому послѣ долгихъ

просьбъ и моленій удалось убѣдить Михаила принять царскій вѣнецъ. Между тѣмъ земскій соборъ оставался въ Москвѣ и отправлялъ дѣла государственнаго управленія; онъ не былъ распущенъ и послѣ въѣзда въ столицу царя Михаила, хотя послѣдній и вступилъ въ непосредственное завѣдываніе государствомъ. Фактъ этотъ объясняется вполнѣ обстоятельствомъ того времени: соборъ долженъ былъ поддержать молодого и неопытнаго царя въ трудномъ дѣлѣ—возстановленія въ государствѣ безопасности и благоустройства. Соборъ прекратилъ свою дѣятельность только въ концѣ 1615 г. Однако, вслѣдъ за этимъ, въ томъ же 1615 г. послѣдовало распоряженіе о вызовѣ въ Москву новыхъ выборныхъ. Этой новой сессіи выборныхъ людей пришлось обсуждать вмѣстѣ съ царемъ обычный по тому времени вопросъ объ изысканіи денежныхъ средствъ на уплату служилымъ людямъ жалованія. Приговорили собрать пятую деньгу (5%) съ имущества всѣхъ жителей Московскаго государства, занимающихся торговлей и промышленностью, а съ землевладѣльцевъ по 120 р. съ каждой сохи; соха принятая поземельная единица, смотря по качеству земли отъ 600 до 1800 десятинъ. Этотъ соборъ въ 1618(7) вмѣстѣ съ царемъ обсуждалъ мѣры и дѣлалъ распоряженія о безопасности столицы въ видахъ распространившагося извѣстія о наступленіи польскаго королевича Владислава. Есть свидѣтельства о пребываніи въ Москвѣ собора въ 1619(8), неизвѣстно только состоялъ ли онъ изъ прежнихъ выборныхъ, т. е. созванныхъ еще въ концѣ 1615 г., или же изъ новыхъ. По желанію и настоянію этого собора Митрополитъ Филаретъ, возвратившійся изъ польскаго плѣна, принялъ санъ Московскаго патріарха. Затѣмъ этотъ же соборъ, вмѣстѣ съ царемъ, и новымъ патріархомъ обсуждалъ дѣла, касающіяся внутренняго строенія государства и принималъ энергическія мѣры къ устраненію всѣхъ недостатковъ и нестроеній; въ 1619 г. закончилось пребываніе въ Москвѣ постояннаго земскаго собора. Слѣдующій земскій соборъ состоялся въ 1621 г. (9-й) для обсужденія вопроса о войнѣ съ Польшей, возникшей вслѣдствіе предложенія турецкаго султана Османа, Шведскаго короля Густава—Адольфа и крымскаго хана о совокупномъ наступленіи на Польшу. Соборъ этотъ происходилъ въ Грановитой Палатѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ царя и патріарха. Хотя земскій соборъ и высказался за войну съ Польшей, ввиду вѣроломства польскаго короля Сигизмунда и сына его Владислава, но войнѣ не суждено было состояться, такъ какъ султанъ Османъ былъ убитъ янычарами, а съ Швеціей Польша заключила перемиріе, такъ что Россія осталась одна безъ союзниковъ. Война съ Польшей открылась лишь десять лѣтъ спустя въ 1632 г., вслѣдствіе чего въ этомъ году въ Москву былъ созванъ земскій соборъ (10-й),

который совѣтывался вмѣстѣ съ царемъ и патріархомъ о средствахъ пополненія государственной казны „для избавы православной христіанской вѣры“. Новый соборъ имѣлъ мѣсто осенью 1637 г. (11-й) причиною его было извѣстіе о намѣреніи Крымскаго хана двинуться войной на Московское государство, въ отмщеніе за взятіе Донскими казаками Азова. Дѣло однако обошлось благополучно, такъ какъ ханъ намѣренія своего не исполнилъ. Азовскій вопросъ осложнился въ 1641 г., когда султанъ Ибрагимъ I-й отправилъ къ Азову, занятому казаками, многочисленную армію. Не надѣясь собственными силами удержать за собой городъ, казаки обратились за помощью къ Московскому Государю, а послѣдній, ввиду важности вопроса, рѣшилъ спросить совѣта земли. Вслѣдствіе этого въ январѣ 1642 г. (12-й) въ Москвѣ состоялся земскій соборъ. Соборъ 1642 г. былъ весьма неполонъ: на немъ отсутствовали городскіе, посадскіе и уѣздные люди, а города представлялись одними лишь дворянами и дѣтьми боярскими (притомъ не было сдѣлано распоряженія о вызовѣ выборныхъ изъ городовъ: призваны были для участія въ соборѣ, тѣ городовые люди, которые находились въ это время въ Москвѣ). Засѣданія собора происходили въ государевой столовой избѣ и открылись чтеніемъ докладной записки (письма), въ которой подробно излагались всѣ обстоятельства, касающіяся Азовскаго вопроса; въ концѣ доклада намѣчены были вопросы, подлежащие обсужденію соборныхъ людей, которые сводились къ слѣдующему: 1) принять ли отъ казаковъ Азовъ, и разорвать ли ради этого миръ съ Турціей и Крымомъ и 2) если принять, то какимъ образомъ сформировать войска и откуда взять средства для войны, которую придется въ этомъ случаѣ вести съ Турціей. Соборные люди раздѣлены были на нѣсколько основныхъ группъ, каждой изъ нихъ, за исключеніемъ высшихъ служилыхъ чиновъ (эти принадлежали къ составу боярской думы: бояре, окольничьи, думные дьяки и пр., а слѣдовательно, взглядъ ихъ на Азовское дѣло долженъ быть извѣстенъ государю, поэтому они были избавлены отъ подачи письменныхъ мнѣній), вручена была копія съ доклада, соотвѣтственно которой и должны были даваться письменные отвѣты. Подача соборными представителями ихъ мнѣній продолжалась нѣсколько дней. Мнѣнія эти по большей части представляли уклончивые отвѣты, представляя все на волю Государя, чѣмъ ясно свидѣтельствовали о своемъ несочувствіи къ Азовскому дѣлу и намекали на реорганизацію внутренней жизни Московскаго государства. Михаилъ Феодоровичъ понялъ это и приказалъ казакамъ очистить Азовъ. Соборъ 1642 г. былъ послѣдній въ царствованіи этого царя; этимъ соборомъ закончился „золотой вѣкъ“ въ жизни земскихъ соборовъ: достигшіе при Михаилѣ Феодоровичѣ высшей сте-

пени своего значенія и сдѣлавшіеся одно время даже постояннымъ явленіемъ политической жизни Московскаго государства, земскіе соборы начинаютъ теперь клониться къ упадку и постепенно вымираютъ наряду съ возрастаніемъ могущества государства. Немедленно послѣ кончины Михаила Феодоровича состоялся земскій соборъ въ 1645 г. (13-й). Современникъ той эпохи Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что соборъ этотъ былъ созванъ для всенароднаго утвержденія на престолъ сына и наслѣдника перваго Романова—Алексѣя, и для торжественнаго вѣнчанія его на царство. Въ 1649 г. (14-й) въ Москвѣ былъ созванъ земскій соборъ для всенароднаго утвержденія Уложенія. Слѣдующій земскій соборъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича имѣлъ мѣсто въ 1650 г. (15-й) по поводу Псковскаго мятежа, возникшаго вслѣдствіе подозрѣнія Псковскихъ людей, будто бы бояре (главнымъ образомъ Морозовъ) сносятся съ нѣмцами, снабжая ихъ хлѣбомъ и деньгами въ ущербъ русской землѣ. Посланные для разслѣдованія дѣла и усмиренія мятежа сначала окольничій Волконскій, и затѣмъ съ небольшимъ войскомъ бояринъ князь Хованскій встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны Псковичей. Тогда Государь отправилъ туда депутацію съ епископомъ Коломенскимъ во главѣ, вручивъ ей для передачи Псковичамъ царскую грамоту, а самъ созвалъ въ Москвѣ земскій соборъ, съ которымъ и совѣщался, какъ поступить, если мятежники не примутъ увѣщаній депутатства. Приговоръ этого собора до насъ не дошелъ, да ему и не суждено было осуществиться, такъ какъ Псковичи, торжественно встрѣтивъ депутацію, принесли повинную и цѣловали крестъ въ вѣрности Государю. Четвертый земскій соборъ состоялся въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 165³/₄ г. (16-й) для обсужденія вопроса объ объявленіи войны Польшѣ, въ виду нарушенія ею договорныхъ условій съ Московскими государями, и объ отвѣтѣ на челобитныя гетмана Богдана Хмѣльницкаго и всего войска Запорожскаго, которое, тѣснимое Польшей, неоднократно засылало въ Москву пословъ съ просьбами къ царю о принятіи Малороссіи подъ его „высокую руку“. Засѣданія происходили въ Грановитой Палатѣ въ личномъ присутствіи государя и открылись чтеніемъ доклада, въ которомъ излагалась сущность дѣлъ, подлежащихъ обсужденію. Соборъ высказался за принятіе Малороссіи и за войну съ Польшей, при чемъ служилые люди обѣщали биться за государеву честь не щадя головъ своихъ, а торговые—дать вспоможеніе деньгами. Соборъ 1653 г. былъ послѣднимъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и въ то-же время послѣднимъ земскимъ соборомъ Московскаго государства; послѣдующія собранія выборныхъ представляли собой не болѣе, какъ временныя комиссіи изъ свѣдующихъ людей, созываемыя при Думѣ Боярской,

подъ предсѣдательствомъ одного изъ бояръ и могутъ быть причислены къ земскимъ соборамъ съ величайшими натяжками. Такъ въ 1660 г. происходило въ Москвѣ совѣщанiе бояръ съ Московскими гостями, торговцами (гостинной и суконной сотенъ), сотскими черныхъ слободъ и сотенъ, со всѣми торговыми тяглыми людьми Московскими о причинахъ дороговизны въ Москвѣ хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, а также объ установленiи нормальныхъ цѣнъ на хлѣба. Подобныя комиссiи имѣли мѣсто въ 1667 г. и 1672 г.— первая въ видахъ изданiя торговаго устава, вторая по вопросамъ о торговомъ договорѣ, заключенномъ Московскимъ правительствомъ съ армянскими купцами. Затѣмъ двѣ комиссiи были составлены въ Москвѣ въ 1662 году, одна изъ нихъ представляла собранiе служилыхъ людей и имѣла своей цѣлью пересмотръ ратнаго устава; главная же заслуга этой комиссiи выразилась въ томъ, что по ея инициативѣ уничтожено было мѣстничество; вторая комиссiя состояла изъ думныхъ людей, выборныхъ отъ гостей, отъ посадскихъ людей всѣхъ городовъ и отъ дворцовыхъ селъ и волостей, и своей задачей имѣла уравненiе службъ и податей. Съ кончиной бездѣтнаго царя Феодора Алексѣевича при дворѣ образовались двѣ партiи: одна изъ нихъ приняла сторону брата умершаго государя Ивана, другая—духовенство и бояре—стояла всетаки за младшаго брата Петра I. Рѣшено было для устраненiя замѣшательства въ престолонаслѣдiи обратиться, по примѣру прежняго времени, за помощью къ избирательному земскому собору. Но земскаго собора въ истинномъ значенiи этого слова, не было созвано: наскоро были созваны члены освященнаго собора, думные люди, служилые чины, жители Москвы и тѣ изъ городовыхъ людей, которые случайно находились въ это время въ Москвѣ. Самое собранiе происходило на площади передъ крыльцомъ Передней Палаты, откуда и обратился съ рѣчью къ народу патрiархъ Iоакимъ, прося назвать преемника покойному царю. Соборъ вручилъ правленiе царевичу Петру. Этотъ фиктивный земскiй соборъ имѣлъ мѣсто въ апрѣлѣ, а черезъ мѣсяцъ, т. е. въ маѣ 1682 г. послѣ стрѣлецкаго бунта состоялся точно такой же соборъ, который долженъ былъ санкцiонировать („волей всенародной") возведенiе на престолъ и другого брата, и подъ угрозой мятежниковъ стрѣльцовъ, признать, невиданную до тѣхъ поръ, правительственную комбинацiю—совмѣстное царствованiе обоихъ братьевъ подъ опекой ихъ сестры, царевны правительницы Софiи.

Виды земскихъ соборовъ. Земскiе соборы распадаются: 1) по характеру ихъ дѣятельности на: соборы избирательные и соборы совѣщательные. Первые собирались въ эпохи безгосударственныя, когда на престолѣ не оказывалось государя, когда, слѣдовательно, приходилось

избирать новаго государя волей всей земли; органомъ выраженія этой народной воли и явился земскій соборъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ до избранія государя, олицетворялъ собой идею верховной власти, самостоятельно завѣдуя всѣми дѣлами государственнаго управленія. Вторые такой самостоятельной властью не обладали: будучи созываемы самими государями, они только подавали свое мнѣніе, свои совѣты по тѣмъ или другимъ вопросамъ, относительно которыхъ правительство желало знать мысль земли. Затѣмъ 2) по большей или меньшей полнотѣ представительства, земскіе соборы дѣлятся на полные, неполные и фиктивные. Первые вмѣщаютъ въ себѣ дѣйствительно представительство населенія Московскаго государства, вторые лишь представительство болѣе или менѣе значительной части его, наконецъ, третьи вовсе не заключающіе въ себѣ сколько нибудь правильно организованнаго представительства земли, но прикрываясь внѣшними формальностями земскаго собора, они въ сущности представляютъ наскоро и безъ разбора собранную народную толпу; если же подобнаго рода собранія и носили имя собора, то только потому, что сами лица, созывавшія его, придаютъ ему характеръ земскаго собора, вымышляя для него предположеніе всенароднаго представительства. Фиктивныя земскія собранія служили обыкновенно пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ лицъ, желающихъ провести политическій замыселъ свой. Характерными признаками земскаго собора, являются: 1) идея всенародности его, т. е. требованіе того, чтобы земскій соборъ вмѣщалъ въ себѣ идею представительства всего государства, всей жизни, при чемъ для понятія земскаго собора не имѣетъ вообще особеннаго значенія то обстоятельство, является ли онъ въ дѣйствительности представительствомъ всей земли или только части его; 2) присутствіе на соборѣ царя (на совѣщательномъ собраніи) или патріарха (на избирательномъ собраніи) и 3) присутствіе трехъ составныхъ элементовъ: освященнаго собора, государственной думы и выборныхъ представителей отъ земщины. Благодаря этимъ признакамъ представляется возможность признать или не признать извѣстное собраніе за соборъ и, слѣдовательно, опредѣлить число соборовъ. Именно, въ настоящее время насчитывается 18 земскихъ соборовъ, о которыхъ дошло до насъ извѣстіе и изъ которыхъ 6 избирательныхъ—1584 г. (Феодора), 1598 г. (Б. Годунова), 1613 г. (Михаила), 1645 г. (Алексѣя) и два собора 1682 г. (Петра); одинъ для низложенія царя—1610 г. (В. Шуйскій) и остальные соборы 11—совѣщательные, при чемъ изъ избирательныхъ три собора (1610 г. и 2 собора 1682 г.) фиктивные.

Составъ земскихъ соборовъ. По идеѣ земскіе соборы есть собраніе всего народа—„всей земли“; но очевид-

ная невозможность дѣйствительнаго созванія на соборъ всего русскаго народа, поголовно послужило причиной организаціи земскихъ соборовъ по началу представительства. Представительство организовалось на земскихъ соборахъ по сословію: каждое сословіе извѣстнаго избирательнаго округа должно было имѣть на соборѣ своихъ представителей. Предписаніе о выборахъ въ городахъ представителей на соборъ дѣлалось на имя воеводы или губного старосты, который получалъ указъ—собирать жителей въ одномъ мѣстѣ (напр. въ церкви), прочитывать имъ его и затѣмъ сдѣлать распоряженіе о производствѣ самихъ выборовъ. Протоколы этихъ выборовъ, подписанные избирателями, воевода отправлялъ съ выборными въ Москву. Руководящимъ началомъ при производствѣ выборовъ было требованіе правительства избирать людей „лучшихъ, обстоятельныхъ и разумныхъ". Всякій совершеннолѣтній могъ быть избирателемъ и избираемымъ. Число представителей присылаемыхъ отъ различныхъ городовъ и классовъ населенія Московскаго государства не было постояннымъ для всѣхъ земскихъ соборовъ. Отправляясь на соборъ, выборные получали отъ своихъ избирателей извѣстныя полномочія, инструкціи, опредѣлявшія характеръ ихъ дѣятельности на соборѣ, и по прибытіи въ Москву являлись на посольскій приказъ. Что же касается издержекъ по отправкѣ и содержанію выборныхъ, то, вѣроятно, эти издержки падали въ качествѣ повинностей на ихъ избирателей. Весь личный составъ земскаго собора распадается на двѣ части—на членовъ поголовныхъ и членовъ выборныхъ. Къ поголовному участію въ земскомъ соборѣ призывались: 1) члены освященнаго собора (патріархи, митрополиты, епископы и др. духовныя лица), 2) члены боярской думы (бояре, окольничьи, думные дворяне и думные дьяки), 3) высшіе придворные чины; къ участію по выбору: 1) низшее бѣлое и черное духовенство, 2) низшіе придворные чины (стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и жильцы), 3) стрѣльцы, казаки и служилые инородцы, 4) городовые служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе, 5) высшіе разряды торговыхъ людей государства и торговцы гостинной и суконной сотенъ, 6) посадскіе люди черныхъ сотенъ и слободъ, т. е. городское населеніе въ собственномъ смыслѣ и 7) уѣздные тяглые крестьяне, не успѣвшіе войти въ крѣпостную зависимость. Уѣздные крестьяне участвовали лишь въ соборѣ 1613 г.

Мѣсто, время, порядокъ засѣданій и постановленія земскихъ соборовъ. Обычнымъ мѣстомъ совѣщательныхъ соборовъ служили царскія палаты (Гарновитая, Отвѣтная, Столовая изба); нѣкоторые земскіе соборы (избирательные) имѣли свои засѣданія и внѣ царскихъ палатъ. Что касается времени соборныхъ засѣданій, а также продолжитель-

ности ихъ, то въ этомъ отношенiи не было чего либо опредѣленнаго,—все зависѣло отъ большей или меньшей сложности дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнiю собора. Засѣданiе собора открывалось рѣчью царя или чтенiемъ доклада (письма), *) въ которомъ подробно излагалась сущность предметовъ, подлежащихъ обсужденiю собора и формулировались вопросы, предлагавшiеся на рѣшенiе соборныхъ людей. Послѣ чтенiя доклада слѣдовало совѣщанiе соборныхъ людей между собой, при чемъ основою для совѣщанiя служила докладная рѣчь. Самыя совѣщанiя происходили или коллективно или же по сословнымъ группамъ; результатомъ совѣщанiй соборныхъ людей являлось представленiе Государю выработаннаго ими мнѣнiя, или же составленнаго ими приговора (напримѣръ о сборѣ денегъ), но какъ вырабатывалось это мнѣнiе, или приговоръ-это неизвѣстно. Въ случаѣ дѣленiя соборныхъ людей на сословныя группы, каждая изъ нихъ представляла свое отдѣльное мнѣнiе, свой приговоръ. Рѣшенiе собора сообщалось Государю или устно, или же письменно. Допускалось также предъявленiе отдѣльныхъ мнѣнiй однимъ „или нѣсколькими членами собора. Случалось также, что иногда соборные люди представляя Государю отвѣтъ на предложенные имъ вопросы, вмѣстѣ съ тѣмъ указывали ему на такiе, которые хотя и не были представлены на обсужденiе собора, но имѣли весьма важное значенiе.

Соборное производство закрѣплялось составленiемъ соборнаго акта, т. е. болѣе или менѣе подробнаго протокола всего происходившаго на земскомъ соборѣ. Въ соборахъ избирательныхъ актъ принималъ названiе: „утвердительной грамоты“. Соборный актъ подписывался соборными людьми, при чемъ митрополиты, архiепископы и епископы прикладывали къ нему свои печати, а прочiе цѣловали крестъ.

Значенiе Земскихъ Соборовъ съ точки зрѣнiя Права. Земскiе Соборы Московскаго государства не были учрежденiемъ ограничительнымъ, они напротивъ укрѣпляли въ русской землѣ самодержавiе и помогали ему одержать полную побѣду надъ аристократическими стремленiями бояръ. Не были земскiе соборы и политическимъ правомъ для народа; въ основѣ этого явленiя русской жизни лежалъ фактъ, а не право. „На земскомъ соборѣ признаются двѣ силы, согласно движущiя Россiю—власть Государственная и мысль народная, самыя же отношенiя Царя и народа, опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнiя“. Поэтому, если мнѣнiе земскаго собора и могло имѣть иногда принудительность по отношенiю къ Государевой власти, то эта принудительность была чисто нравственная, но никакъ не юридическая.

---

*) Читалъ обыкновенно думный дьякъ.

Историческое значеніе Земскихъ Соборовъ. Завѣнчавъ собой дѣло внѣшняго объединенія русской земли, земскіе соборы: 1) объединили собой и внутреннюю жизнь ея; сблизили и сплотили между собой областныя земщины, дали имъ ясно сознать взаимную связь ихъ, дали имъ ясно увидѣть, что они составляютъ органическую часть одного великаго цѣлаго. Дали понять имъ, что всякое отдѣленіе ихъ отъ объединившей ихъ Москвы, должно равняться для нихъ самоубійству. 2) Земскіе соборы дали возможность непосредственному единенію царя съ землей, давъ возможность правительству собственными глазами видѣть истинное положеніе своего государства, слышать изъ устъ представителей самого народа заявленіе о нуждахъ и желаніяхъ своихъ, которыя не всегда совпадали съ интересами лицъ, непосредственно стоявшихъ вокругъ Московскаго престола; это непосредственное общеніе царя съ народомъ, средствомъ къ которому послужили земскіе соборы, было вѣрнѣйшимъ залогомъ неприкосновенности самодержавія и имущества государства. Земскіе соборы постепенно сошли со сцены вслѣдствіе укрѣпленія могущества государевой власти.

Центральное Управленіе Московскаго государства.

Центральное управленіе въ Московскомъ государствѣ слагалось изъ высшаго совѣщательнаго правительственнаго учрежденія Боярской государевой Думы состоявшей при особѣ великихъ Московскихъ князей, а потомъ царей, и изъ цѣлой системы приказовъ—высшихъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій, вѣдавшихъ или опредѣленную часть государственной территоріи (извѣстн. область) или извѣстный родъ дѣлъ.

Боярская Дума. Начало Боярской Думы слѣдуетъ видѣть въ княжеской дружинѣ, хотя основы организацій ихъ далеко неодинаковы. Княжеская дружина и дума имѣла въ основѣ своей организаціи договорное начало; въ періодъ Московской централизаціи это начало исчезаетъ и дума княжеская мало по-малу преобразовывается въ думу Боярскую, состоявшую только изъ однихъ высшихъ чиновъ служилыхъ людей—бояръ и окольничьихъ, становится совѣщательнымъ учрежденіемъ чисто аристократическаго замкнутаго характера. Въ эпоху наибольшаго развитія самодержавія открывается борьба верховной власти съ боярствомъ; Московскіе государи поэтому стараются постепенно умалить значеніе боярской Думы и умѣрить ея аристократическій характеръ. Слѣдуя этой цѣли, Иванъ IV вводитъ въ составъ думы новый элементъ не рода, происхожденія, а личной заслуги; такимъ элементомъ является новый придворный чинъ—думнаго дворянина. Съ конца XVI вѣка въ думѣ появляется еще но-

вый разрядъ членовъ—думные дьяки, которымъ ввѣрялось управленіе существующими тогда приказами; съ этихъ поръ и слагается уже окончательно личный составъ Боярской Думы. Но кромѣ бояръ, окольничьихъ, думныхъ дворянъ, думныхъ дьяковъ, въ думѣ засѣдали еще лица—одни, пользовавшіяся этимъ правомъ по своему рожденію (званію), другіе, какъ почтенные; къ 1-мъ относились члены царскаго рода, къ 2-ымъ представители высшаго духовенства. Боярская Дума не имѣла никакихъ отдѣленій, исключая Расправной Палаты, состоявшей при думѣ для судебнаго разбирательства тѣхъ дѣлъ, которыя восходили до разсмотрѣнія бояръ; на время выѣзда Государя изъ Москвы она правилась особой комиссіей изъ нѣсколькихъ бояръ. Назначались также общія комиссіи для пріема иностранныхъ пословъ и дипломатическихъ переговоровъ. Образовались особыя комиссіи для разбирательства дѣлъ политическихъ, или общегосударственнаго характера (комиссія, разсматривавшая дѣло патріарха Никона во 2-ой половинѣ XVII вѣка, комиссія, разсматривавшая вопросъ объ уничтоженіи мѣстничества въ 1692 г.) Мѣстомъ засѣданія Боярской Думы служили обыкновенно царскія палаты (Столовая, Грановитая, Отвѣтная). Временемъ засѣданія Думы было раннее утро или вечеръ. Что касается порядка засѣданій, то объ этомъ мало сохранилось извѣстій: предсѣдательствовалъ въ Думѣ самъ Государь, хотя невсегда—напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматривались обыкновенныя, текущія дѣла, онъ большею частію не присутствовалъ и его замѣнялъ старшій честью бояринъ. Члены думы разсаживались въ извѣстномъ порядкѣ: бояре, окольничьи, думные дворяне и думные дьяки, послѣдніе въ присутствіи Государя должны были стоять. О порядкѣ самаго обсужденія дѣлъ и составленія рѣшеній, ничего положительнаго неизвѣстно. Предметы вѣдомства боярской Думы не были точно опредѣлены,—будучи сощательнымъ органомъ царя, Дума разсматривала всякое дѣло, о которомъ желалъ съ ней совѣщаться Государь. Въ частности въ думѣ обсуждались: 1) Вопросы внѣшней политики, внутреннее управленіе, 2) вопросы законодательные: а) по личному усмотрѣнію Государя, б) челобитныя частныхъ отдѣльныхъ лицъ, общинъ, классовъ населенія в) указаніе приказной практики (дополнительные указы и новоуказныя статьи) и 3) дѣла судебныя, при чемъ по отношенію къ однимъ изъ нихъ Дума являлась первой инстанціей (преступленія политическія, по должности и судъ по дѣламъ мѣстническимъ), по отношенію къ другимъ, высшей судебной инстанціей; какъ въ высшую инстанцію, въ Думу переносились дѣла изъ приказовъ или по иниціативѣ ихъ самихъ, путемъ доклада приказными судьями, или же въ порядкѣ апелляціонномъ, по челобитью сторонъ на неправильное рѣшеніе

дѣлъ въ приказѣ. Такимъ образомъ приказы находились въ подчиненномъ къ Думѣ положеніи.

Приказы были посредственнымъ звеномъ въ отношеніяхъ Думы къ областному управленію (система приказовъ не была создана единовременно, возникая постепенно вслѣдствіе приказанія даваемаго лицу вѣдать то, или другое дѣло). Начало приказовъ относится къ эпохѣ присоединенія русскихъ земель къ Москвѣ. Присоединяя какую либо область къ Москвѣ, Государь поручалъ довѣренному лицу вѣдать дѣло этой области, давая ему на помощь двухъ помощниковъ и нѣсколько дьяковъ. Если въ началѣ существовали приказы, вѣдавшіе спеціальный родъ дѣлъ по всему государству, то въ Московскомъ Государствѣ сначало было 3 приказа: посольскій, разрядный и помѣстный, различавшіеся не только по роду дѣлъ, но и по территоріальному значенію. Посольскій приказъ вѣдалъ Сѣверо-Западный край, важнѣйшій для посольскихъ дѣлъ. Разрядный вѣдалъ Южную и Юго-Западную часть Россіи, т. е. пограничныя мѣстности, гдѣ надо было имѣть войско и содержать крѣпости. Наконецъ, помѣстный приказъ вѣдалъ среднія полосы Московскаго государства, потому что въ нихъ находилась масса земель, раздававшихся на помѣстномъ правѣ, т. е. подъ условіемъ обязательной службы государству. Когда приказовъ было три, они назывались третями; когда-же къ указаннымъ присоединился четвертый Казанскій, они стали называться четями или четвертями, послѣднее названіе осталось за приказами, когда даже приказовъ было болѣе 4-хъ. Личный составъ приказовъ состоялъ изъ дьяковъ, лицъ незнатнаго происхожденія, начавшихъ возвышаться съ эпохи Ивана III къ великому неудовольствію аристократическихъ партій. Каждый приказъ находился въ вѣдѣніи одного дьяка. При Иванѣ IV дьяки, предсѣдатели приказовъ были, какъ извѣстно, допущены въ Боярскую Думу подъ именемъ думныхъ дьяковъ; сначало ихъ было 4, но съ половины XVII в., число ихъ стало возрастать. Разсматривая личный составъ приказовъ въ эпоху ихъ окончательнаго развитія, мы встрѣчаемъ въ каждомъ приказѣ нѣсколько судей (старшихъ судей и ихъ товарищей). На должность судьи въ приказѣ назначалось одно лицо изъ высшихъ 4-хъ чиновъ, на должность его товарища низшіе чиновники. При каждомъ приказѣ была канцелярія, состоявшая изъ простыхъ дьяковъ съ подъячими. Приказы по роду дѣлъ дѣлились на столы (соотвѣтствуютъ теперешнимъ департаментамъ) подъ управленіемъ дьяковъ, а столы—на повыти, ввѣрявшіяся подъячимъ. При приказѣ состояло немало исполнительныхъ должностныхъ лицъ, какъ то приставовъ, исполнявшихъ постановленія и вызывавшихъ тяжущихся, недѣльщиковъ— приставовъ, дежурившихъ по недѣлямъ. Были еще бирючи или глашатаи, обнародовавшіе

законы, аптекаря и часовые мастера при аптекарскомъ приказѣ; конюхи при конюшенномъ приказѣ,—толмачи и переводчики при посольскомъ приказѣ. Всѣ приказы дѣйствовали именемъ государя; доказательство же того, что извѣстный указъ исходилъ не отъ самого государя, а отъ приказа, служитъ подпись дьяка и подъячаго. Классифицируя приказы по ихъ вѣдомству, можно раздѣлить ихъ на двѣ группы: I—на приказы, вѣдавшіе дѣла по роду, характеру ихъ на всемъ протяженіи Московскаго государства, II—приказы, вѣдавшіе всѣ дѣла одной извѣстной области, т. е. по территоріи. Кромѣ того существовалъ III родъ приказовъ, смѣшанныхъ по характеру, вѣдавшихъ судебныя дѣла на извѣстномъ протяженіи государства. Приказы I-го рода, подраздѣлялись на 1) приказы непосредственно подчиненные государю: а) разрядный—высшее управленіе государственной службы и въ частности приказъ, завѣдующій дѣлами служилаго класса и дѣлами мѣстничества; здѣсь были списки служилыхъ людей; распредѣленіе по полкамъ и разрядныя книги; в) приказы тайныхъ дѣлъ—вѣдавшіе политическія важныя дѣла; составленъ изъ близкихъ къ государю лицъ при Алексѣ Михайловичѣ; с) приказъ челобитный—принимавшій для разсмотрѣнія и рѣшенія челобитни самимъ государемъ отъ частныхъ лицъ. 2) Приказъ дворцоваго управленія: а) приказъ большого дворца—важнѣйшія дѣла по дворцовому управленію, б) судный дворцовый приказъ, в) хлѣбный—заготовка и царскія земли, г) казенный—казна и другія цѣнности, д) приказъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ съ мастерской палатой, вѣдавшій—одежду царя, е) ловчій—ловля звѣрей, ж) окольничій и з) конюшенный. 3) Военные приказы: a) стрѣлецкій, b) рейтерскій—соборъ разныхъ людей, c) иноземный, d) оружейный (оружейная палата для производства огнестрѣльнаго оружія), e) пушкарскій (артиллерія), f) бронный (холостое оружіе), g) приказъ ратныхъ и даточныхъ людей. 4) Приказы финансовые: a) приказъ Большой казны—доходы государства и чеканка монеты, b) приказъ Большого прихода—торговыя пошлины, c) приказъ новой чети—питейные сборы, d) счетный контроль, и e) помѣстный—государственныя земли, раздававшіяся служилымъ людямъ въ помѣстья и вотчины. 5) Полицейскіе приказы: a) каменный, b) богадѣльный, c) печатныхъ дѣлъ, учрежденный при Иванѣ IV, тогда же и типографія, d) житный—выдача хлѣба при голодѣ, e) аптекарскій—2 аптеки и врачей иностранныхъ, f) печатный—нотаріальное учрежденіе, g) колоній, i) ямской—(почта въ 1666 г.), к) разбойный или сыскной—предупрежденіе и пресѣченіе преступленій. 6) Приказы иностранныхъ дѣлъ: а) посольскій—отношенія между иностранными государствами, б) полоняничный, заботившійся о выкупѣ рус-

скихъ военноплѣнныхъ, в) панскій, возникшій вслѣдствіе сношеній съ Польшей. Ко 2-ой категоріи приказовъ, къ приказамъ территоріальнымъ относятся: приказъ Казанскаго дворца (Казань и Астрахань); Сибирскій въ XVII вѣкѣ (подати мѣхами, соболиная казна); Новгородскій (Псковъ, Новгородъ, Олонецкая и Волынская г.); Литовскій, Новороссійскій и другіе приказы; сюда же относятся земскіе приказы, старый и новый, занимавшіеся собственно полицейской дѣятельностью въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Къ смѣшаннымъ приказамъ относятся 4 судебныхъ приказа—Московскій, Владимірскій, Дмитріевскій и Рязанскій. Всего въ Московскомъ государствѣ было болѣе 60 приказовъ, они весьма часто соединялись, разъединялись; существовали они до учрежденія коллегій, хотя, впрочемъ, отдѣльные приказы пережили коллегіи и существовали до половины XVIII вѣка.

Мѣстное Управленіе Московскаго Государства.

Мѣстное Управленіе въ Московскомъ Государствѣ проявляется или въ формѣ правительственнаго, казеннаго, приказнаго управленія черезъ посредство чиновниковъ, назначаемыхъ центральнымъ правительствомъ, или въ формѣ земскаго самоуправленія, черезъ посредство лицъ, избранныхъ самой земщиной. На этихъ началахъ наше мѣстное управленіе зиждится до XVIII столѣтія, когда Петръ I ввелъ искусственный бюрократическій строй. Высшее территоріальное дѣленіе, выразившееся въ организаціи приказовъ было областное; основною единицею дѣленія являются уѣзды. Для областного дѣленія первые наши князья воспользовались уже готовымъ естественнымъ дѣленіемъ русской земли на племенныя волости, т. е. волости, заселенныя извѣстнымъ племенемъ. Каждая племенная волость получаетъ княжескаго управителя—посадника. Но подобная система управленія черезъ посадниковъ не могла долго удержаться. Извѣстно, что 1) вслѣдствіе постоянно увеличивавшихся предметовъ княжескаго управленія, 2) вслѣдствіе обширности протяженія племенныхъ волостей, 3) вслѣдствіе желаній князей дать своимъ приближеннымъ „кормленіе“, посадники начинаютъ назначаться и по пригородамъ, получая въ свое управленіе цѣлый городской округъ. Изъ стремленія подобныхъ округовъ образовать изъ себя самостоятельныя правительственныя единицы подъ управленіемъ особыхъ посадниковъ, и выработалось—дѣленіе Московскаго Государства на уѣзды. Такимъ образомъ, уѣздъ—это округъ съ тяготѣвшими къ нему окрестными землями, съ образованіемъ уѣздовъ (XIV) появляются и административныя подраздѣленія ихъ на станы и волости. По своему составу городскіе уѣзды рѣзко распадаются на 2 части: 1) на самый городъ съ непосредственно

приписанными къ нему землями, съ землей городской, и 2) на всѣ остальныя земли городского уѣзда, земли не приписанныя къ самому городу; послѣднія называются уѣздными землями, волостными и становыми. Отсюда вытекаетъ противоположеніе города съ одной стороны и уѣзда въ тѣсномъ смыслѣ (стана, волости) съ другой. Названіе „волость" имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, указаніе на территоріальное значеніе правительственной единицы, на ея отношеніе къ городу, тогда какъ, „станъ" стремится выставить впередъ административное значеніе волости, какъ округа, подчиненнаго извѣстному должностному лицу „волостелю", имѣющему въ немъ свой станъ, т. е. мѣстоприбываніе. Станъ и волость включаютъ въ себѣ еще болѣе мелкія единицы—общины, управлявшіяся выборными общинными властями, и называемыя посадами, слободами, сотнями, селами и др. Земли, входящія въ составъ волости дѣлятся на: 1) земли черныя (общинныя) принадлежащія общинѣ, какъ юридическому лицу; 2) земли помѣстныя, предоставленныя государствомъ служилымъ людямъ во владѣніе съ обязательствомъ нести съ этой земли службу въ пользу государства; 3) земли вотчинныя—предметъ частной собственности. Послѣднія по субъекту собственности дѣлятся: 1) земли дворцовыя (принадлежащія государю), 2) духовному вѣдомству, монастырскому, церковному, митрополиту, 3) земли, находящіяся во владѣніи служилыхъ, посадскихъ, уѣздныхъ крестьянъ, вообще лицъ различныхъ классовъ. За единицу мѣстнаго управленія первоначально въ Московскомъ государствѣ принималась волость, или станъ, потомъ же были групповыя единицы—городскіе уѣзды.

Управленіе чрезъ посредство намѣстниковъ и волостелей.

Выше было указано, что въ древней Руси областное управленіе организовалось по системѣ посаднической, основаніе которой положилъ Рюрикъ. Эта система держалась до XIV вѣка, когда на смѣну ея явилось управленіе чрезъ посредство намѣстниковъ и волостелей.

Отличіе послѣдней системы отъ посаднической заключалось въ томъ, что при посаднической системѣ весь уѣздъ былъ подчиненъ посаднику, а при управленіи намѣстниковъ и волостей намѣстникъ назначался только въ городъ, и вѣдалъ одинъ только городъ съ непосредственно прилежащими къ нему землями, а станы и волости этого уѣзда вѣдали волостели. Какъ намѣстникъ, такъ и волостели назначались на должности самимъ государемъ. Низшія же правительственныя лица мѣстнаго управленія были подчинены намѣстникамъ и волостелямъ. Нерѣдко въ одинъ и тотъ же городъ назначались нѣсколько намѣстниковъ; въ такихъ случаяхъ

они или сообща управляли городомъ или же каждый изъ нихъ завѣдывалъ опредѣленной частью города. При назначеніи на должность намѣстниковъ и волостелей выдавалось обыкновенно двѣ грамоты: одна на имя будущаго управителя, въ ней отдавался приказъ вступить ему въ исполненіе служебныхъ обязанностей; другая же на имя жителей города или волости, куда назначался правитель, въ ней объявлялось жителямъ о назначеніи къ нимъ извѣстнаго лица и наказывалось повиноваться ему. Должность намѣстника и должность волостеля были вполнѣ самостоятельны и независимы другъ отъ друга, но были равны между собой по степени предоставленной имъ власти: компетенція намѣстника была значительно шире компетенціи волостеля. Намѣстники обладали военной властью, отчего въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ присваивалось названіе воеводъ ратныхъ, бывшихъ исключительно предводителями войскъ.

Волостели же являются чисто гражданскими управителями. Нѣкоторыя уголовныя дѣла подлежали преимущественно суду намѣстниковъ (напр., о душегубствѣ); нахожденіе „головы“ (трупа убитаго) является основаніемъ для преслѣдованія душегубства порядкомъ слѣдственнымъ, т. е. преслѣдованіе его по иниціативѣ правительственной власти. Если же „голова“ не находится на лицо, то дѣло о душегубствѣ идетъ уже въ порядкѣ частнаго обвиненія, и является подсуднымъ волостелю, въ предѣлахъ котораго возникъ процессъ.

По отношенію ко всѣмъ прочимъ уголовнымъ дѣламъ слѣдуетъ признать полную компетентность волостелей. Только въ этихъ двухъ разсмотрѣнныхъ нами отношеніяхъ и предоставляется власть намѣстниковъ нѣсколько болѣе обширною сравнительно съ властью волостелей. Во всѣхъ остальныхъ сферахъ управленія вѣдомства, какъ намѣстниковъ, такъ и волостелей являются совершенно одинаковыми; поэтому мы и станемъ одновременно разсматривать предметы вѣдомства какъ первыхъ, такъ и вторыхъ.

Предметы вѣдомства ихъ были слѣдующіе:

1) Намѣстники и волостели вмѣстѣ съ лицами финансоваго управленія (таможники, даньщики и др.) вѣдали отправленіе жителями разнаго рода денежныхъ и натуральныхъ повинностей въ пользу государства, при чемъ роль первыхъ сводилась лишь къ содѣйствію лицамъ финансоваго управленія при отправленіи ими своихъ обязанностей и къ надзору за неуклоненіемъ мѣстнаго населенія отъ ихъ повинности.

2) Намѣстники и волостели имѣли попеченіе объ общественной безопасности и о предметахъ государственнаго благоустроенія во ввѣренныхъ имъ округахъ (дѣла полицейскіе въ обширномъ значеніи этого слова).

3) Самымъ обширнымъ предметомъ дѣятельности на-

мѣстниковъ и волостелей является отправленіе суда какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго. Не всѣ областные правители обладали одинаковой степенью судебной компетентности: судебники различаютъ намѣстниковъ съ „боярскимъ судомъ“ и намѣстниковъ безъ „боярскаго суда“; первые безъ доклада государю могли рѣшать всякія дѣла, вторые же были лишены этого права. Въ цѣляхъ правильнаго и безпристрастнаго рѣшенія дѣлъ, на судѣ должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія должны были присутствовать выборные отъ земщины: дворьскіе, старосты и лучшіе люди. Въ видѣ вознагражденія намѣстникамъ и волостелямъ за отправленіе ими судебныхъ функцій была установлена особая судная пошлина, въ размѣрѣ одной гривны съ рубля, называвшаяся „противнемъ“ (въ 1555 году была отмѣнена).

4) Кромѣ указанныхъ нами постоянныхъ предметовъ вѣдомства на намѣстниковъ и волостелей возлагались иногда и частныя порученія; напр., при Іоаннѣ IV (1546 г.) Новгородскіе намѣстники обязаны были произвести смотръ дѣвушкамъ, чтобы послать въ Москву наиболѣе красивыхъ, изъ которыхъ царь выбралъ бы себѣ невѣсту.

Разсмотрѣвъ компетенцію намѣстниковъ и волостелей перейдемъ къ ознакомленію съ второстепенными должностными лицами мѣстнаго управленія, непосредственно подчиненными намѣстникамъ и волостелямъ.

Таковыми являются во-первыхъ, тіуны,—ближайшіе помощники намѣстниковъ и волостелей, всецѣло замѣнявшіе ихъ въ случаѣ ихъ отсутствія; тіуны, находившіеся при управителяхъ „съ боярскимъ судомъ“ не пользовались правомъ „боярскаго суда“. Во-вторыхъ, праветчики и доводчики, назначавшіеся, какъ и тіуны, самими намѣстниками и волостелями, являвшіеся исполнительнымъ органомъ при послѣднихъ. Назначеніе праветчика заключалось въ производствѣ денежныхъ взысканій по опредѣленію высшихъ должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія, назначеніе же доводчиковъ—(наши судебные пристава)—въ вызовѣ тяжущихся и свидѣтелей; въ иныхъ случаяхъ они выполняли судебныя функціи.

Для письмоводства при намѣстникахъ состояли дьякъ и подъячіе. Содержаніе всѣхъ должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія было земское. Съ этой цѣлью съ населенія были установлены различные поборы и пошлины въ пользу лицъ мѣстнаго управленія. Сборъ натуральныхъ припасовъ или же взамѣнъ ихъ извѣстнаго количества денегъ производился три раза въ годъ: въ Рождество, Пасху и Петровъ день; въ число натуральныхъ припасовъ входитъ мясо, хлѣбъ, сыръ, овесъ и сѣно. Сборъ этого рода, даваемый намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ тіунамъ, назывался „кормомъ“, а даваемый прочимъ лицамъ мѣстнаго управленія назывался „поборомъ“. Намѣстники и волостели получали еще, такъ называемый,

„въѣзжій кормъ“, даваемый при вступленіи ихъ къ отправленію должности, при „въѣздѣ“ ихъ въ округъ. Размѣръ „въѣзжаго корма“ вполнѣ зависѣлъ отъ личной воли приносящаго. Правительство строго запрещало мѣстнымъ управителямъ притѣснять мѣстное населеніе. Уставныя грамоты грозятъ имъ „гнѣвомъ государя и наказаніемъ“ за совершенныя ими злоупотребленія.

Наконецъ, уставныя грамоты предоставляютъ жителямъ право обжаловать предъ государемъ злоупотребленія мѣстныхъ управителей въ порядкѣ частнаго обвиненія.

Вотчины церковныя, монастырскія и высшихъ лицъ духовенства освобождались отъ подчиненія мѣстнымъ должностнымъ лицамъ. Первоначально система мѣстнаго управленія Московскаго государства есть ничто иное, какъ остатокъ предшествовавшаго удѣльнаго періода. Но жизнь Московскаго государства получила развитіе на совершенно новыхъ началахъ, противоположныхъ тѣмъ, которыя лежали въ основѣ жизни удѣльной Руси. Слѣдовательно, далеко не все то могло быть пригоднымъ и цѣлесообразнымъ въ Московскомъ государствѣ, что могло быть такимъ въ русскихъ удѣльныхъ княжествахъ. Къ числу подобныхъ явленій, представляющихся анахронизмами по отношенію къ Московскому государству, является и система мѣстнаго управленія чрезъ посредство намѣстниковъ и волостелей.

Главной причиной недостатка этой системы было отсутствіе посредствующихъ инстанцій между намѣстниками и волостелями, съ одной стороны, и центральнымъ Московскимъ правительствомъ, съ другой стороны. Въ половинѣ XVI вѣка, въ царствованіе Іоанна IV, нестроенія въ сферѣ областного управленія достигли крайнихъ предѣловъ, и царь, желая положить имъ конецъ, рѣшилъ окончательно отмѣнить казенное правительственное управленіе, выдвинувъ на его мѣсто земское самоуправленіе.

Земское самоуправленіе.

Вслѣдствіе злоупотребленія чиновниковъ, приказное управленіе отмѣняется, и предписывается жителямъ выбрать изъ своей среды излюбленныхъ головъ, сотскихъ и пятидесятскихъ, а при нихъ для письмоводства назначить особыхъ дьяковъ. Этимъ выборнымъ даны были вмѣстѣ съ тѣмъ и права намѣстниковъ и волостелей и полный областной судъ. Первоначально земское самоуправленіе распространялось на Вельскую и Шенкурскую волости, впослѣдствіи же, по приговору 1556 г., самоуправленіе было распространено на всю Русскую землю. Но Іоаннъ IV не сдѣлалъ самоуправленіе обязательнымъ, поэтому оно и не было общимъ для всей Русской земли. Причиной неудачи самоуправленія былъ съ

одной стороны предшествующій періодъ, а съ другой—система правительственной опеки и централизаціи, которая въ теченіи трехъ вѣковъ совершенно преобразовала земскую жизнь. Такимъ образомъ, не увѣнчалась успѣхомъ и эта вторая попытка Московскаго правительства улучшить состояніе мѣстнаго управленія.

Управленіе воеводское.

1) Воеводы первоначально назначались въ пограничные или только что присоединенные города, гдѣ необходимо было содержать войско. Съ XVII вѣка воеводское управленіе было сдѣлано повсемѣстнымъ насколько оно не ограничивалось земскимъ самостоятельнымъ управленіемъ. Подъ воеводами должны понимать областныхъ управляющихъ, для всесторонняго управленія цѣлымъ уѣздомъ, и облеченныхъ правами военной власти. Лицо, желавшее получить извѣстную область въ воеводство, должно было представить на имя Государя челобитье въ приказъ, въ вѣдомствѣ котораго находился данный уѣздъ. Воеводства давались преимущественно въ видѣ пенсій престарѣлымъ людямъ „за раны“ или „за полонное терпѣніе“.

Бить челомъ можно было не позже, какъ за 6 мѣсяцевъ до того времени, когда воеводство могло быть вакантнымъ. Это ограниченіе имѣетъ своей цѣлью избавить инстанціи назначенія воеводъ отъ чрезмѣрнаго накопленія этого рода челобитій. Въ 1672 г. запрещено было давать воеводства мѣстнымъ помѣщикамъ. Хотя по общему правилу въ каждомъ уѣздѣ назначался одинъ воевода, однако иногда и въ пригороды уѣзда посылались воеводы, т. е. въ одномъ уѣздѣ сосредоточивалось нѣсколько воеводъ. Эти воеводы (воеводы приписанныхъ городовъ) становились въ зависимость отъ воеводъ главныхъ городовъ: зависимость эта проявлялась только въ военной дѣятельности (въ гражданской дѣятельности этой зависимости не было).

2) Срокъ воеводства первоначально былъ ограниченъ однимъ годомъ, потомъ онъ продолжался до 2 и 3 лѣтъ.

Впрочемъ воевода могъ быть оставленъ на должности дольше, если онъ выказывалъ особенно радивую и честную службу, или же если объ этомъ просило само населеніе (подобныя просьбы всегда уважались). Назначеніе воеводъ на короткіе сроки преслѣдовало три цѣли: а) дать возможность большему числу достойныхъ людей получить воеводство, б) не давать возможности одному и тому же лицу засиживаться на воеводствѣ и, пользуясь безсрочной службой, злоупотреблять ею, и в) желаніе подвергать болѣе частой отчетности (воевода, оставляющій должность долженъ сдавать отчетъ своему преемнику). Въ отдаленныхъ уѣздахъ срокъ

службы былъ продолжительнѣе: въ Сибири 3 года, а съ 1695 г. 4—6 лѣтъ, смотря по человѣку, во всѣхъ сибирскихъ городахъ за исключеніемъ Тобольска.

3) Что касается состава воеводскаго управленія, то въ самыхъ незначительныхъ городахъ было по одному; въ большіе же города воеводы назначались всегда съ 2-мя или 3-мя товарищами. При этомъ соблюдалась строгая постепенность въ чинахъ главнаго, 2-го и пр. воеводъ (его товарищей). Всѣ члены въ управленіи обсуждали дѣла иногда сообща, иногда же дѣлили между собой предметы вѣдомства. Главнаго воеводу въ случаѣ его болѣзни или отсутствія замѣнялъ его старшій товарищъ. При воеводствѣ встрѣчается всегда канцелярія изъ дьяковъ и подъячихъ. Центромъ воеводскаго управленія въ каждомъ городѣ служитъ Приказная изба или Палата (въ большихъ и среднихъ городахъ) или съѣзжая изба (въ меньшихъ). Палаты или избы дѣлились на столы: денежный, судный, помѣстный и т. п. Воеводамъ подчинялся штатъ „приказныхъ“ людей: 1) письменныя головы, встрѣчающіяся только въ Сибири и въ Астрахани и стоящія по власти тотчасъ послѣ воеводъ. Они исполняли всякаго рода военныя и административныя порученія (при воеводствѣ, слѣдовательно, были какъ бы чиновниками особыхъ порученій); 2) Городничіе, наблюдавшіе за укрѣпленіями и нарядами, т. е. за вооруженіемъ укрѣпленій (наши коменданты); 3) осадныя головы, вѣдавшія въ военное время устройство осадъ, въ мирное время ихъ должность совпадала съ должностью городничихъ; (въ послѣднюю четверть XVII вѣка, они были упразднены); 4) стрѣлецкія, пушкарскія и казачьи головы—начальники отдѣльныхъ частей войскъ; 5) засѣчныя головы, слѣдившія за устройствомъ „засѣкъ“ въ лѣсахъ для затрудненія движенія непріятелей; 6) острожные приказчики (небольшіе крѣпости, остроги); 7) становые приказчики; 8) объѣзжія головы, вѣдавшія полицію города; 9) ямскіе приказчики, вѣдавшіе дѣла ямскаго управленія; 10) житницкія головы, вѣдавшія хлѣбные запасы города; 11) слободскіе приказчики, назначенные Сибирскими воеводами для хозяйственнаго управленія слободъ казенныхъ крестьянъ; 12) приказчики при соленыхъ озерахъ (въ нѣкоторыхъ воеводствахъ).

4) Что касается порядка вступленія воеводъ къ отравленію должности, то прежде всего новый воевода получалъ изъ приказа новый наказъ, гдѣ исчислялись его права и обязанности. При пріѣздѣ воеводъ на мѣсто назначенія, составлялся особый протоколъ. Новый воевода долженъ былъ повѣрить по описямъ и книгамъ, весь ли въ городѣ нарядъ, всѣ ли запасы, деньги и т. п. Если не было недочета, воеводы давали другъ другу росписки въ сдачѣ и принятіи воеводства; въ случаѣ же недочета, новый воевода доносилъ

о томъ въ Москву и назначалось слѣдствіе при посредствѣ подъячихъ приказовъ, въ вѣдомствѣ котораго были воеводства. Желая искоренить лихоимство воеводъ, Уложеніе предписываетъ взыскивать съ воеводъ не только взятое послѣднимъ неправдою съ населенія, но и еще денежную пеню по усмотрѣнію Государя. Кромѣ сдачи воеводства средствами для возбужденія отвѣтственности были: 1) ежемѣсячныя донесенія воеводъ о состояніи всѣхъ частей ввѣреннаго имъ управленія, и 2) жалобы со стороны населенія.

Обзоръ предметовъ вѣдомства воеводскаго управленія. Дѣятельность воеводъ была дипломатическая, военная, финансовая, полицейская и судебная. Право дипломатическихъ сношеній предоставлялась только пограничнымъ воеводамъ и то лишь въ дѣлахъ небольшой важности, притомъ когда замедленіе сношенія могло быть вреднымъ, въ противномъ случаѣ въ дипломатическихъ дѣлахъ воеводы должны были списываться съ Москвой. Пермскій, Уфимскій, Казанскій и Сибирскій воеводы имѣли право самостоятельнаго сношенія съ инородцами, не вошедшими въ составъ Московскаго государства. Воеводы обязаны были встрѣчать и провожать иноземныя посольства съ почетомъ, давъ имъ пристава до встрѣчи въ предѣлахъ уѣзда слѣдующаго воеводства. Воеводы должны были наблюдать за всѣми событіями, происходящими за рубежомъ государства: обязаны были посылать лазутчиковъ въ сосѣднія государства, для разслѣдованія, не заключается ли тамъ что нибудь противное Московскому государству и наблюдать, чтобы не было иностранныхъ лазутчиковъ въ предѣлахъ собственнаго государства. Поэтому воеводы должны были принимать мѣры предосторожности относительно неизвѣстныхъ иностранцевъ. Наконецъ, они обязаны были заботиться о водвореніи и содержаніи присылаемыхъ въ ихъ области военноплѣнныхъ и наблюдать за ними. Воевода былъ главнымъ начальникомъ военной части въ своемъ городѣ, вѣдалъ регулярныя войска и всѣхъ служилыхъ людей. Онъ производилъ смотры по слободамъ и каралъ „нѣтчиковъ“ за неисполненіе служебныхъ обязанностей. Во время войны онъ является предводителемъ войска; онъ же созывалъ „охочихъ людей“, обязанныхъ явиться по первому зову. Онъ завѣдывалъ сборомъ даточныхъ людей, выставляемыхъ вотчинниками, помѣщиками, общинами. Онъ наблюдалъ за острогами, засѣками и смотрѣлъ, чтобы въ воеводствѣ довольно было оружія, пороху, свинца. Отвѣчалъ передъ царемъ за неисправность оборонительныхъ средствъ города. Въ случаѣ внезапной опасности со стороны сосѣдняго государства или со стороны вспыхнувшаго возстанія, онъ имѣетъ право немедленно принять мѣры,—извѣстить и требовать подкрѣпленія отъ сосѣдняго воеводства и дать знать о случившемся въ Москву.

Отвѣчая за вредъ, причиненный непріятелемъ въ его области, онъ имѣлъ право самостоятельнаго наступленія. Воеводы Якутскій, Ленскій, Енисейскій Нерчинскій и др. обязаны были подчинять Москвѣ инородцевъ смежныхъ областей. Въ сферѣ финансовой дѣятельности воеводства надо различать: 1) финансовые сборы, 2) наблюденіе за казеннымъ имуществомъ.

I.—Финансовыми сборами въ Московскомъ государствѣ были подати и пошлины. Подати собирались по троякой системѣ: 1) присылкой сборщиковъ изъ Москвы, 2) собираніемъ ихъ воеводами и подчиненными людьми, 3) земской властью подъ надзоромъ воеводъ (собранныя земскими выборными выплачивались воеводамъ въ приказной избѣ). Третій способъ былъ нормальный. Податной единицей была земля или дворъ:—1-ая для уѣздныхъ, волостныхъ пространствъ, 2-ая для городовъ. Участокъ земли, являющійся податной единицей, назывался сохой, которая дѣлилась на четверти или чети. Размѣръ сохи соразмѣрялся съ качествомъ земли (смотря по удобренію):—соха доброй земли заключала въ себѣ 400 десятинъ, средняя—500 десятинъ, а худая—600 десятинъ. Какъ исключеніе, въ Новгородской землѣ податной единицей была обжа (пространство, которое можно было обжать въ день одной рабочей силой) и выть (равна 10 четямъ); что же касается дворовъ, то извѣстное ихъ количество приравнивалось сохѣ. Для выясненія платежной самостоятельности той или другой мѣстности, время отъ времени практиковалась перепись, производимая писцами, дозорщиками и переписчиками, составлявшими подворную перепись и сошное письмо. На основаніи послѣднихъ составлялись писцовыя книги, гдѣ исчислялись отдѣльныя платежныя единицы и подати, получаемыя съ нихъ. При сборѣ податей община обыкновенно сама опредѣляла тяглы, т. е. отдѣльныхъ плательщиковъ. Государство обыкновенно опредѣляло количество сбора, который должна была уплатить извѣстная область, при чемъ разверстка ея между отдѣльными членами по тягламъ была уже дѣломъ общины. Воеводы имѣли только высшій надзоръ за правильностью раскладки, наблюдая, чтобы богатые члены общества не возлагали платежа подати на бѣдныя тягла. Съ восточныхъ и сибирскихъ инородцевъ собиралась особая подать, (ясакъ—натуральная повинность мѣхами). Сборъ этихъ податей былъ предоставленъ воеводѣ, который посылалъ за ней сборщиковъ, имѣвшихъ, между прочимъ, судебную юрисдикцію для исковъ не свыше 5 рублей. Ясакъ отсылался воеводой въ Москву въ Сибирскій приказъ, гдѣ и сохранялся въ соболиной казнѣ. Пошлины собирались въ Московскомъ государствѣ по тремъ системамъ: 1) посредствомъ присыльныхъ изъ Москвы, 2) откупная система и 3) сборы „на вѣрѣ“. Сущность послѣдней системы заключается въ томъ,

что пошлины собираются посредствомъ выборныхъ вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ подъ наблюденiемъ воеводъ. Срокъ службы вѣрныхъ головъ былъ годовой, избирались лица грамотныя и состоятельныя, чтобы правительство имѣло гарантiю противъ растраты. Правительство опредѣляло величину сбора, на основанiи сборовъ въ предыдущiе годы; если сборъ въ настоящемъ году былъ меньше этого, то недостатокъ взыскивался съ вѣрныхъ головъ или ихъ избирателей, въ случаѣ ихъ несостоятельности.

II. Подъ непосредственнымъ вѣдѣнiемъ воеводъ находились казенныя имѣнiя. Воеводы должны были привлекать на казенныя земли крестьянъ, заботиться о томъ чтобы хозяйство велось правильно, разсматривать отчетныя книги и давать отчеты въ Москву. Кромѣ того Сибирскому воеводѣ, гдѣ приходилось держать много войска, а населенiе было крайне незначительно, предписывалось заводить казенныя имѣнiя и предоставлять поселившимся на нихъ крестьянамъ различныя льготы и даже матерiальную помощь. Кромѣ того, Астраханскiй и Тверской воеводы вѣдали разведенiе винограда и тутовыхъ деревьевъ, доставляли полученное вино и шелкъ къ царскому двору. Воеводы завѣдывали казенными оброчными статьями, пашнями, сѣнокосами, рыбной ловлей, пчеловодствомъ, ловлей бобровъ, перевозами, мельницами, сдавая ихъ въ аренду на срокъ не болѣе 5 лѣтъ. Воеводы имѣли наблюденiе за казенными промыслами, къ которымъ относились: рыбныя ловли, соляныя и селитренныя варницы, метал. руды и продажа вина и табаку. Воеводы же наблюдали за монетнымъ дѣломъ и преслѣдовали поддѣлку монетъ. Такова крайне распространенная дѣятельность воеводъ по финансовому управленiю Московскаго государства.

Переходя къ полицейской дѣятельности воеводъ, разсмотримъ ихъ дѣятельность въ сферѣ полицiи и благосостоянiя. Въ сферѣ полицейской безопасности воеводы имѣли своей задачей: 1) предупрежденiе и пресѣченiе опасностей, могущихъ грозить, какъ для всего общества, такъ и для отдѣльныхъ его членовъ, отъ проявленiя злой воли человѣка. Чтобы въ областяхъ не жили люди неизвѣстные и подозрительные, былъ учрежденъ контроль относительно всѣхъ лицъ, пребывавшихъ въ предѣлахъ воеводства. Каждый проѣзжiй долженъ былъ въ приказной избѣ представить проѣзжую грамоту; въ случаѣ подозрительности онъ подвергался аресту, о чемъ извѣщалось въ Москву. Воеводы должны были слѣдить, чтобы въ ихъ областяхъ не скрывались бѣглые люди, особенно военные дезертиры; ихъ предписывалось водворять на прежнiя мѣста жительства. Воеводы должны были принимать мѣры къ безопасности воеводства отъ „лихихъ людей“, содержа въ городахъ „денные и нощные караулы“, а на границахъ—„дозоры“. Воеводы наблюдали за общественной ти-

шиной и нравственностью, чтобы въ городахъ не было „корчемства, азартныхъ игръ и пьянства", и публичнаго разврата. 2) Затѣмъ воеводы имѣли задачей предупрежденіе опасностей, могущихъ грозить обществу и отдѣльнымъ его членамъ отъ разрушающихъ дѣйствій природы; сюда относятся:— мѣры къ предупрежденію пожаровъ; для этого были учреждены объѣзжіе головы, ѣздившіе по улицамъ и наблюдавшіе за топкой печей въ домахъ и баняхъ, а вечеромъ, чтобы жители не держали поздно огня въ домахъ, вообще принимали бы мѣры предосторожности въ обращеніи съ огнемъ. Для этой цѣли лѣтомъ было разрѣшено варить пищу только въ особыхъ зданіяхъ, близъ воды; допускалось исключеніе только для бояръ и гостей, да и то не всегда. Кромѣ того, со второй половины XVII вѣка велѣно было держать около дымовыхъ трубъ кадки съ водой и вѣники, привязанные къ шестамъ. Радикальной мѣрой противъ пожаровъ было облегченіе въ постройкѣ каменныхъ домовъ путемъ удешевленія камня. Въ случаѣ вспыхнувшаго пожара съ объѣзжими гоголовами и ихъ людьми, для тушенія пожара должны были явиться и мѣстные обыватели, что составляло одну изъ натуральныхъ повинностей населенія. По окончаніи пожара объѣзжимъ головамъ поручалось развѣдать причину пожара для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности. 3) Воеводы принимали затѣмъ мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія. Во всѣхъ городахъ на случай голода содержали казенные хлѣбные магазины съ запасами хлѣба на 3 года, а со времени Бориса Годунова на 4 года; отсюда въ голодный годъ хлѣбъ продавался по дешевой цѣнѣ или раздавался даромъ. Далѣе воеводы слѣдили, чтобы на торгахъ и рынкахъ не было скупщиковъ большихъ партій хлѣба. Уличенные въ умышленной перекупкѣ подвергались тюремному заключенію. Воеводы должны были заботиться о водоснабженіи населенія (извѣстно, напр., устройство водопровода Тверскимъ воеводой въ 1629 г.). 4) Воеводы принимали, наконецъ, мѣры медицинской помощи, мѣры противъ эпидемій, повѣтрій и моровой язвы. Въ случаѣ эпидеміи воеводы оцѣпляли мѣста кордонами, разводили по границамъ костры, сжигая имущество умершихъ и вымораживая ихъ дома. Затѣмъ воеводы наблюдали, чтобы нечистоты не свозились въ недозволенныя мѣста, заботились о доброкачественности съѣстныхъ припасовъ. Воеводамъ, наконецъ, особенно въ Сибирскихъ городахъ, поручали собирать лекарственныя травы и коренья и отсылать ихъ въ аптекарскій приказъ. Переходя къ дѣятельности воеводъ въ сферѣ полицейскаго благосостоянія, во-первыхъ, обратимъ вниманіе на ихъ заботы о народонаселеніи. Воеводы заботились о населеніи пустыхъ и малонаселенныхъ земель (особенно у Сибирскихъ воеводъ); отъ воеводъ зависѣло разрѣшеніе заводить слободы, т. е. засе-

леніе крестьянъ на льготныхъ условіяхъ. До прикрѣпленія крестьянъ воеводы наблюдали, чтобы крестьяне не собственники не отказывались отъ земель, предоставленныхъ имъ въ пользованіе общинами или частными владѣльцами въ незаконное время; законнымъ временемъ крестьянскаго отказа былъ промежутокъ времени за недѣлю и недѣлю спустя до и послѣ Юрьева дня. По прикрѣпленіи же крестьянъ къ землѣ, воеводы должны были наблюдать, чтобы крестьяне не выходили изъ крѣпостной земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ они слѣдили, чтобы посадные люди не выходили изъ своихъ общинъ и изъ своихъ дворовыхъ тяглъ, чтобы ихъ податные платежи, падавшіе въ силу круговой поруки на общину, не раззоряли послѣдней. Воеводамъ вмѣнялось въ обязанность разыскивать людей, вышедшихъ изъ своихъ общинъ и водворять ихъ на прежнія мѣста жительства. 2) Воеводы наблюдали за торговлей и промышленностью, за устройствомъ лавокъ, за строгимъ соблюденіемъ всѣхъ условій торговыхъ договоровъ съ иноземными государями, за безпрепятственностью торговли въ Московскомъ государствѣ иностранныхъ купцовъ, за правильностью мѣръ и вѣсовъ (въ приказной избѣ хранились клейменные образцы вѣсовъ, образцовъ и т. п.), а съ 1666 г. за почтами и ямской гоньбой. 3) Воеводы должны были заботиться объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей населенія; должны были принимать мѣры для распространенія христіанскаго ученія въ средѣ инородцевъ „кротко безъ насилія“. Воеводы наблюдали, чтобы безъ царской воли не основывалось монастырей и церквей. Воеводы должны были оказывать содѣйствіе духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ, въ случаѣ надобности послѣднихъ.

Судебная дѣятельность воеводъ выражалась, во-первыхъ, въ гражданской юрисдикціи, во 2-ыхъ, въ уголовной, и въ 3-хъ въ судебно-нотаріальной. 1) Изъ Уложенія 1649 г. мы узнаемъ, что компетентность воеводъ въ гражданскихъ дѣлахъ различалась смотря потому, были ли при воеводахъ дьяки или нѣтъ. Первые не были ограничены въ гражданской юрисдикціи, вторые же не могли судить по искамъ свыше 20 рублей по дѣламъ вотчиннымъ, помѣстнымъ и холопнымъ. 2) Въ уголовной юрисдикціи воеводы были ограничены (по Уложенію) лишь тѣмъ, что не могли собственной властью постановлять приговоры по преступленіямъ государственнымъ, имѣя по нимъ лишь право „сыска“ (разслѣдованіе дѣла и докладъ Государю). Воеводы не могли затѣмъ безъ доклада Государю никого приговаривать къ смертной казни. Уголовная юрисдикція воеводъ часто ограничивалась дѣятельностью губныхъ учрежденій. Наказы, даваемые воеводамъ, иногда расширяютъ, иногда ограничиваютъ ихъ судебную власть: однимъ воеводамъ предоставляется собственной властью рѣшать всѣ вообще уголовныя дѣла

и даже приговаривать къ смертной казни, другимъ, напротивъ, вмѣнялось въ обязанность докладывать всѣ вообще уголовныя дѣла въ Москву. Это различіе власти воеводъ не совпадало съ ихъ административнымъ значеніемъ. Нормальная компетентность воеводъ видоизмѣнялась въ отдѣльныхъ случаяхъ, что объясняется требованіями мѣста, времени и личностью воеводъ, ихъ нравственными и умственными понятіями и довѣріемъ къ нимъ Государя.

3) Судебно-нотаріальная дѣятельность воеводъ состоитъ въ совершеніи крѣпостныхъ актовъ всякаго рода: каждый крѣпостной актъ по утвержденіи воеводой заносится въ крѣпостную книгу приказной избы со взысканіемъ за это опредѣленной пошлины. Судебно-нотаріальная дѣятельность нѣкоторыхъ воеводъ была ограничена: такъ одни не могли скрѣплять вотчины и помѣстья, а другіе могли. Особенно воеводы должны были наблюдать, чтобы никто не отдавался въ кабальное холопство безъ совершенія у воеводы крѣпостной записи. Послѣднія же записи (служилыя кабалы) по Уложенію 1649 г. могли давать лишь грамотные воеводы. Воеводы имѣли право на совершеніе разнаго рода исполнительныхъ дѣйствій: вызывать стороны—свидѣтелей, отвѣтчика, отдавать послѣдняго на поруки, исполнять рѣшенія и пр. Наконецъ, воеводы обязаны были оказывать содѣйствіе Московскому приставу, прибывшему въ его воеводство для вызова извѣстнаго лица къ суду; воеводѣ же нерѣдко поручалось произвести допросъ и разслѣдованіе по дѣлу, разбиравшемуся въ Москвѣ.

Губной институтъ.

Къ судебной дѣятельности воеводъ имѣетъ близкое отношеніе вопросъ объ отношеніи воеводъ къ земскому губному управленію. Возникшее въ половинѣ XVI вѣка губное право, ограничивалось первоначально лишь поимкой— „судомъ и караніемъ“ разбойниковъ; въ эпоху Уложенія вѣдомство губныхъ учрежденій расширилось дѣлами убійства, татьбы, зажигательства, совращенія изъ православныхъ, и преступленій противъ общественной нравственности и цѣломудрія женщины. Такимъ образомъ, ко 2-ой половинѣ XVII вѣка вѣдомству губныхъ учрежденій подлежали почти всѣ уголовныя дѣла. Кругъ дѣятельности отдѣльнаго губного управленія ограничивался губой, обыкновенно совпадавшей съ уѣздомъ воеводскаго управленія, иногда же меньшимъ сравнительно съ нимъ округомъ (каждая, напр., пятина Новгородской земли заключала въ себѣ два губныхъ управленія). Управленіе губы составлялись изъ 1) губного старосты, 2) цѣловальниковъ и дьяковъ, палачей, бирючей, приставовъ и др. Губное управленіе по общему правилу было выбор-

нымъ. Получивъ предписаніе царя, приступали къ выборамъ: въ опредѣленный день всѣ уѣздныя сословія, служилые люди, духовенство, посадскіе люди, крестьяне, всѣ собирались для выборовъ въ городъ. Избранный вмѣстѣ съ выборными списками отправлялся въ разбойный приказъ, гдѣ чрезъ посредство разспросовъ старались удостовѣриться въ способности избраннаго къ должности. Если избранный оказывался способнымъ, приводили къ присягѣ, давали ему грамоту на должность и руководительный наказъ; въ противномъ случаѣ назначались новые выборы. Губной староста долженъ былъ быть избираемъ изъ добрыхъ, зажиточныхъ, притомъ грамотныхъ дворянъ или дѣтей боярскихъ, уволенныхъ уже изъ военной службы по старости или за раны Губные цѣловальники избирались по приказанію губного старосты, притомъ только низшими сословіями. Не отсылаясь въ разбойный приказъ, избранный утверждался и приводился къ присягѣ самимъ старостой; въ разбойный приказъ отсылались лишь выборные списки. Также избирались и низшіе должностные лица губного управленія. Иногда губные цѣловальники и другіе низшіе лица не избирались, а просто назначались земскими людьми для отправленія соотвѣтствующихъ обязанностей. Обыкновенно во главѣ каждой губы состоялъ одинъ губной староста, иногда же отъ 2-хъ до 3-хъ. Также было неодинаково и число членовъ губного управленія. Что касается срока, на который избирается губной староста, и другія лица губного управленія, то, по мнѣнію Чичерина, врядъ ли существовалъ какой-либо опредѣленный срокъ; лишь вслѣдствіе злоупотребленій или несбособности губныхъ старостъ, Центральное Московское Правительство назначало новые выборы; срокъ же службы прочихъ должностныхъ лицъ всецѣло зависѣлъ отъ усмотрѣнія губного старосты. Центральнымъ мѣстомъ губного управленія былъ губной столъ, или губная изба, находящаяся въ уѣздномъ городѣ. Предметы вѣдомства губного управленія распадались на дѣла собственно губныя и дѣла приказныя. 1) Губными дѣлами являются всѣ дѣла губного управленія, вытекавшія изъ предоставленія земщинѣ губного права; не всѣ уголовныя подлежали губнымъ учрежденіямъ, послѣднія вѣдали лишь тѣ дѣла, по которымъ преслѣдованіе возникало не на основаніи частнаго обвиненія, а по инціативѣ государственной власти, т. е. въ случаѣ преслѣдованія преступленія порядкомъ слѣдственнымъ. Послѣднее же было возможно лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) вслѣдствіе поимки вора съ поличнымъ, 2) на основаніи оговора, и вслѣдствіе обличенія на повальномъ обыскѣ. Если же дѣло возникало путемъ частнаго обвиненія, то оно, производясь порядкомъ обвинительнаго процесса, подлежало воеводскому суду. Къ приказному вѣдомству губныхъ властей относятся различные предметы административной дѣятельно-

сти (не вытекавшіе изъ самаго понятія губного дѣла). Если гдѣ почему либо не было въ данное время воеводскаго Управленія, если воевода, напримѣръ, находился въ отсутствіи, то на губного старосту возлагались всѣ вообще дѣла, составлявшія обыкновенно предметъ вѣдомства воеводъ. Вообще же, губные старосты, получивъ первоначально вполнѣ земскій характеръ, мало-по-малу утрачиваютъ его, пріобрѣтая значеніе приказныхъ людей, но только доставляемыхъ правительству земщиной.

Губное право, получившее въ началѣ XVII вѣка характеръ повсемѣстнаго института, было вызвано недостатками современнаго ему правительственнаго управленія. Воеводское управленіе было далеко не чуждо злоупотребленіямъ разнаго рода, особенно въ средѣ уголовнаго суда, производившагося по началамъ слѣдственнаго процесса. Поручая губному управленію различные предметы административнаго вѣдомства и придавая ему характеръ повсемѣстнаго и вполнѣ самостоятельнаго института, правительство думаетъ положить этимъ противодѣйствіе недостаткамъ воеводскаго управленія. Но съ другой стороны жалобы населенія на злоупотребленія со стороны губныхъ старостъ, заставляютъ правительство усиливать власть воеводскаго управленія, какъ противодѣйствіе недостаткамъ губного управленія. Несовершенствомъ, какъ воеводскаго, такъ и губного управленія объясняются колебанія Московскаго правительства между тѣмъ и другимъ управленіемъ. Найти средство противодѣйствія недостаткамъ мѣстнаго управленія Московское правительство думало въ учрежденіи должности сыщиковъ.

Еще въ первой половинѣ XVI вѣка учреждена эта должность для искорененія и поимки разбойниковъ, но она вскорѣ была упразднена, вслѣдствіе злоупотребленія сыщиковъ своей властью. Снова эти должности были открыты для розыска бѣглыхъ крестьянъ, холоповъ, для возвращенія ихъ на прежнія мѣста жительства и для суда надъ мелкими людьми. Будучи аналогичны съ должностью губныхъ старостъ, должность сыщиковъ отличается тѣмъ, что она является правительственной отъ центральнаго Московскаго Управленія. Сдѣлавшись въ XVIII вѣкѣ постоянною, должность сыщиковъ организовалась слѣдующимъ образомъ: одинъ сыщикъ назначался обыкновенно надъ нѣсколькими губами, принимая характеръ по существующей инстанціи между низшими органами губнаго управленія, губными старостами и высшимъ его органомъ Разбойнымъ приказомъ. Изучая исторію этой организаціи въ теченіи 18-го вѣка, мы замѣтимъ, что въ эту эпоху особенно колебалась политика Московскаго правительства, ввѣряя губное дѣло, то воеводамъ, то сыщикамъ, то губнымъ старостамъ. Въ 1627-мъ г. предписано было не посылать по областямъ сыщиковъ, а для завѣдованія губными

дѣлами учредить по всѣмъ городамъ губныхъ старостъ. Уложеніе 1649 г. указало воеводамъ вѣдать всѣ губныя дѣла въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ не существуетъ губныхъ старостъ. Указомъ 1669 года была возстановлена должность сыщиковъ, которымъ вмѣстѣ съ губными старостами и ввѣрено было все управленіе губными дѣлами, при чемъ губные старосты были подчинены сыщикамъ, они сдѣлались посредствующей инстанціей между губными старостами и Разбойнымъ приказомъ; они стали утверждать губныхъ старостъ на должности, приводить къ присягѣ ихъ и выдавать имъ наказы; къ нимъ отъ Разбойнаго приказа перешло право суда надъ губными старостами по жалобамъ населенія. Въ 1679 г. правительство оказываетъ окончательно недовѣріе къ губнымъ учрежденіямъ; уничтожаетъ должности сыщиковъ и губныхъ старостъ, передавъ губное дѣло во всемъ ихъ объемѣ воеводскому завѣдыванію. Но по уложенію 1683 г. правительство снова начинаетъ посылать по областямъ сыщиковъ для вѣдѣнія губныхъ дѣлъ, въ слѣдующемъ 1684 г. возстановляетъ на прежнихъ основаніяхъ и должность губныхъ старостъ. Въ 1702 г. (при Петрѣ I) окончательно и навсегда уничтожается должность губныхъ старостъ. За годъ до этого былъ уничтоженъ и самый Разбойный приказъ; его дѣла по розыску и суду уголовныхъ преступленій были распредѣлены впослѣдствіи между приказами: Преображенскимъ, Тайной канцеляріей и Юстицъ Коллегіей. Изъ этого очерка исторіи видно, что Московское правительство колебалось въ выборѣ того или другого управленія для завѣдыванія губными дѣлами, то и дѣло смѣшиваетъ вѣдомство губныхъ властей съ вѣдомствомъ воеводскаго управленія; иногда даже подчиняетъ (хотя впрочемъ рѣдко) губное управленіе управленію воеводскому. Принципіально же губное управленіе должно быть признаваемо отраслью мѣстнаго управленія совершенно независимою отъ управленія воеводскаго, приказнаго. Всякое уклоненіе отъ этого выработаннаго историческимъ путемъ положенія является результатомъ несовершенства Московскаго мѣстнаго управленія 18-го вѣка.

Исторія сословій въ Московскомъ Государствѣ.

Служилое сословіе. Излагая исторію служилаго сословія, мы должны замѣтить, что основнымъ принципомъ въ эпоху развитія государственной централизаціи Московскаго государства было постепенное освобожденіе русской государственной жизни отъ свободныхъ договорныхъ началъ, проникавшихъ древне-русскую жизнь, и стремленіе закрѣпостить всѣ государственные элементы подъ верховной властью Московскаго государства. Закрѣпленіе государственныхъ элементовъ съ полной силой проявляется прежде

всего въ стремленіи правительства къ новой организаціи служебнаго класса. Извѣстно, что въ до-татарскую эпоху всякому свободному члену русскаго населенія предоставлялось право служить или не служить, полное право выбора службы тому или другому князю и даже предоставлялось „полное и неограниченное право“ отъѣзда служилаго человѣка со службы одного русскаго князя на службу къ другому. Обязательныхъ служебныхъ отношеній въ ту эпоху не существовало, служба зиждилась на чисто договорномъ началѣ, обусловливаясь личнымъ интересомъ самого служилаго лица, его выгодами и нравственной связью съ тѣмъ или другимъ княземъ. Помимо службы договорной въ удѣльный періодъ встрѣчается также и служба князю вслѣдствіе приговора вѣчевого собранія, служба, находившая себѣ выраженіе въ формѣ земскаго ополченія. Извѣстно, что вѣче постановляло своимъ приговоромъ земское народное ополченіе въ случаѣ согласія даннаго военнаго предпріятія съ волей народа и въ случаѣ недостатка при этомъ силъ княжеской дружины. Но такъ какъ самое отношеніе князя къ народу зиждилось на договорномъ началѣ, то и эта послѣдняя форма княжеской службы въ сущности вытекаетъ изъ договорнаго начала: князь не могъ располагать силами земскаго ополченія, когда на то не было воли вѣча. Такъ какъ усилившееся Московское государство не могло идти къ достиженію цѣлей централизаціи безъ правильно устроеннаго и постояннаго класса служилыхъ людей, такъ какъ съ паденіемъ вѣча нельзя было искать опоры даже въ земскомъ ополченіи, то для Московскаго государства явилась насущная потребность реорганизовать служилый классъ на основаніяхъ болѣе прочныхъ и постоянныхъ, нежели на простомъ договорѣ. Путь къ реорганизаціи Московскіе великіе князья нашли въ томъ, что повинность нести обязательную службу на пользу государства стоитъ въ тѣсной связи съ правомъ землевладѣнія. Эта связь должна была явиться естественнымъ послѣдствіемъ развивающагося сознанія государственныхъ людей: каждый, владѣющій землей заинтересованъ въ безопасности государственной территоріи, и такимъ образомъ долженъ быть заинтересованъ и въ ея защитѣ. Отсюда вытекаетъ право и обязанность службы съ вотчинъ, т. е. съ земель, состоящихъ у лица на вотчинномъ правѣ—на полномъ правѣ собственности. На ряду съ вотчинной службой существовала еще служба съ помѣстныхъ, т. е. недвижимыхъ имуществъ, предоставленныхъ съ условіемъ обязательнаго несенія службы. Служба съ помѣстій могла носить характеръ или тождественный съ характеромъ службы съ вотчины, т. е. обязательность службы могла являться послѣдствіемъ владѣнія землей, или же особый характеръ, когда служба съ помѣстій является не только результатомъ сознанія необходимости участвовать

въ защитѣ государственныхъ интересовъ, но и результатомъ самой дачи помѣстій, когда помѣстье для того, именно, и дается, чтобы предоставить извѣстному лицу возможность несенія государственной службы. Другой путь реорганизаціи служилаго класса великіе князья Московскіе нашли въ ограниченіи, а затѣмъ въ окончательномъ уничтоженіи весьма обширнаго въ прежнее время права отъѣзда служилыхъ людей со службы одного князя на службу другого. Итакъ, служилое сословіе было реорганизовано: 1) путемъ установленія государственной службы чрезъ посредство землевладѣнія, 2) посредствомъ ограниченія и постепеннаго уничтоженія права отъѣзда служилыхъ людей. Разсмотримъ оба эти начала. Съ развитіемъ Московскаго государства взглядъ на право собственности отдѣльной части государственной территоріи влечетъ къ обязанности собственника содѣйствовать личными силами безопасности этой территоріи. Съ возникновеніемъ этого понятія обязательной службы съ вотчинъ, земля получаетъ служебный характеръ: земля какъ бы служитъ государству; вотчинникъ же является лишь лицомъ, въ которомъ выражается служебная сила земли. Связь службы вотчинной съ самими вотчинами особенно рѣзко проявляется при многочисленныхъ случаяхъ перехода южно-русскихъ князей на службу великихъ Московскихъ князей изъ подъ власти Литвы. Передаваясь на сторону Московскую, всѣ эти князья передаютъ ей и землю и вотчины свои. Московскіе князья обыкновенно жаловали переходившимъ къ нимъ южнорусскимъ князьямъ тѣ же вотчины, приказывая служить себѣ. Если же южный князь не успѣвалъ „отсѣсти" къ Москвѣ вмѣстѣ съ вотчиной, Московскій князь давалъ ему вотчину отъ себя или же доставлялъ ему военную силу для насильственнаго отнятія отъ Литвы родовой его вотчины. Изъ служебнаго значенія земли естественно вытекаетъ забота Московскихъ князей о томъ, чтобы земля не выходила изъ службы. Эта забота Московскаго государства выразилась во 1-хъ, въ ограниченіи для князей и ихъ бояръ права покупки земли другъ отъ друга въ уѣздахъ. Затѣмъ 2) забота Московскихъ князей о не выходѣ земли изъ службы выражалась въ обоюдномъ обязательствѣ со стороны князя не принимать на службу служилыхъ князей съ вотчинами ихъ, находящимися въ предѣлахъ территоріи прежняго ихъ князя. Здѣсь подъ служилыми князьями надо разумѣть захудѣвшіе роды русскихъ удѣльныхъ князей, князей инородческихъ, служившихъ русскимъ князьямъ, и князей южно-русскихъ, передавшихся Москвѣ изъ подъ подданства Литвѣ. Право перехода подобныхъ служебныхъ князей ограничивалось тѣмъ, что переходившій князь терялъ право собственности на вотчину, находившуюся въ предѣлахъ прежняго князя.

Если право отъѣзда для служилаго князя сопряжено

было съ потерей поземельной и вообще недвижимой собственности, то для обыкновенныхъ служилыхъ людей право отъѣзда было свободно отъ всякаго рода ограниченій. Подобное различіе можно было объяснить новизной служилаго князя, которая побудила великихъ князей Московскихъ, принимая на службу князей, требовать отъ нихъ клятвенныя обѣщанія вѣчной вѣрности. Если послѣ такой дачи клятвы служилый князь отъѣзжалъ, то конфискація его недвижимости и собственности являлась мѣрой вполнѣ справедливой и понятной. Къ обыкновеннымъ служилымъ людямъ такую конфискацію примѣнять было неудобно, потому что право свободнаго и добровольнаго отправленія и выборъ службы было однимъ изъ важнѣйшихъ правъ древне-русскаго служилаго человѣка. При такомъ свободномъ характерѣ княжеской службы не могло быть и рѣчи о потерѣ дружинникомъ права собственности при переходѣ его на службу новаго князя. Этотъ принципъ свободы служилыхъ людей болѣе, чѣмъ на два столѣтія пережилъ паденіе древне-договорнаго строя государственной жизни. И вотъ мы видимъ, что Московскіе великіе князья, видя невозможность нанести рѣшительный ударъ, освященной обычаемъ, свободѣ служилыхъ людей, предоставляютъ имъ право отъѣзда со службы безъ потери недвижимой собственности, узаконяютъ эту свободу въ своихъ договорахъ съ русскими князьями. Лишь въ началѣ XVI вѣка Іоаннъ III въ своей духовной грамотѣ (1504 г.) рѣшается завѣщать своему наслѣднику открытое признаніе ограниченія свободы отъѣзда служилыхъ людей, въ смыслѣ утраты вмѣстѣ съ отъѣздомъ права владѣнія недвижимой собственностью. Такимъ образомъ зародилась въ Московскомъ государствѣ обязательная служба съ вотчинъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу, какъ и когда установилась въ Москвѣ обязательная служба съ помѣстій. Помѣстьемъ въ древней русской жизни назывался извѣстный участокъ земли или вообще всякаго рода недвижимое имущество, предоставленное государствомъ частному лицу во владѣніе подъ условіемъ обязательной службы съ этого имущества. Стремясь воспользоваться службой лицъ, не обладавшихъ землей на вотчинномъ правѣ, государство предоставляетъ имъ для отправленія службы средство, заключающееся въ обладаніи помѣстьемъ, т. е. владѣніе землей подъ условіемъ обязательной службы. Помѣстная система возникла на Руси послѣ татарскаго погрома, когда усилилась потребность въ постоянномъ и правильно организованномъ служиломъ классѣ и когда въ рукахъ Московскаго князя сосредоточивалась значительная масса недвижимой собственности. Прежде встрѣчались лишь отдѣльные случаи пожалованія помѣстьями служилыхъ людей, теперь же съ усиленіемъ Москвы, раздача

помѣстій получаетъ опредѣленное состояніе и самостоятельное государственное значеніе. Изученіе современныхъ актовъ показываетъ, что помѣстныя дачи состояли нерѣдко во дворахъ или въ дворцовыхъ мѣстахъ, въ пожалованіи угодій и оброчныхъ статей, бобровыхъ или рыбныхъ ловлей и т. д. Изъ государственнаго значенія помѣстій и вотчинъ, дѣлается понятнымъ стремленіе Московскаго правительства регламентировать, какъ вотчинныя, такъ и помѣстныя отношенія.

Переходимъ къ изученію исторіи ограниченія и постепеннаго уничтоженія права отъѣзда служилыхъ людей, ко 2-му пути реорганизаціи служилаго сословія. Мы уже видѣли, что Московское правительство старается въ началѣ еще XIV вѣка ограничивать договорный характеръ службы. Желая уничтожить право отъѣзда служилыхъ людей, Московское правительство прибѣгаетъ къ помѣстной системѣ, предоставляя служилымъ людямъ въ замѣнъ натуральнаго вознагражденія, вознагражденіе посредствомъ дачи земли въ пользованіе. Путемъ помѣстной системы ограниченіе права отъѣзда достигалось запрещеніемъ служилому человѣку вступать въ службу другихъ князей; помѣщику надо было сперва выйти изъ помѣстнаго отношенія къ государству. Въ противоположность помѣщикамъ, лицо, не связавшее себя съ правительствомъ поземельнымъ отношеніемъ или владѣющее землей на вотчинномъ правѣ, никакихъ ограниченій въ правѣ отъѣзда не имѣло. Право отъѣзда съ указаннымъ ограниченіемъ для помѣщиковъ продолжало признаваться до второй половины XV вѣка, „а боярамъ и слугамъ между ними вольная воля“, а которые слуги „потегли къ дворскому, тѣхъ на службу не принимати, а кто изъ тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ, онъ земли лишенъ“. Здѣсь подъ „дворскими“ въ противоположность „вольнымъ“ надо разумѣть, именно, лицъ получившихъ помѣстья и чрезъ это попавшихъ въ зависимое положеніе отъ правительства. Кромѣ ограниченія въ правѣ отъѣзда для служилыхъ людей, ставшихъ въ помѣстныя отношенія къ правительству (что влекло за собой отнятіе помѣстій), ограниченіе въ правѣ отъѣзда существовало еще для служилыхъ князей, лишавшихся при отъѣздѣ даже вотчинъ. Кромѣ этихъ юридическихъ ограниченій права отъѣзда, существовали ограниченія чисто фактическаго характера, коль скоро болѣе сильному князю предоставлялся интересъ нарушить право отъѣзда слабыхъ служилыхъ князей. Пользуясь правомъ отъѣзда служилые люди удалялись изъ Москвы или къ оставшимся удѣльнымъ князьямъ или въ наиболѣе близкую къ Россіи страну—Литву, гдѣ жило значительное количество западно-русскаго населенія, къ Литовскимъ королямъ, питавшимъ враждебное чувство къ Московскимъ государямъ и потому охотно и радушно принимавшихъ къ себѣ русскихъ выходцевъ. Вотъ почему, если просматривать лѣтописи и ро-

дословные списки, мы встрѣчаемъ много лицъ, приходящихъ на службу Московскую, и въ то же время поражаемся наплывомъ огромной массы служилыхъ лицъ, отъѣзжавшихъ изъ Москвы въ Литву. Какія же мѣры принимало Московское правительство для прекращенія этого права отъѣзда? Что касается отъѣзда удѣльныхъ князей, то предупрежденіемъ ихъ служили договоры, заключавшіеся съ ними Московскими князьями, гдѣ запрещается удѣльнымъ князьямъ „ссылати и кончати“ съ кѣмъ бы то ни было помимо Великихъ князей; гдѣ приказывается имѣть общихъ съ Великими князьями друзей и недруговъ, желать ему во всемъ добра и служить ему безъ ослушанія. Что же касается мѣръ къ предупрежденію отъѣзда обыкновенныхъ служилыхъ людей, то первыми мѣрами были: 1) раздача помѣстій; 2) насильное возвращеніе отъѣзжавшихъ. Чтобы рѣшить вопросъ, когда было окончательно уничтожено право отъѣзда, надо имѣть въ виду различіе между правомъ отъѣзда въ чужія земли и правомъ отъѣзда отъ одного русскаго князя къ другому. Отъѣздъ въ чужія земли уже во второй половинѣ XV вѣка получилъ характеръ государственной измѣны относительно всей русской земли вообще. Право же отъѣзда къ русскимъ же князьямъ, если не фактически, то по крайней мѣрѣ юридически продолжало признаваться довольно долго; напримѣръ, право отъѣзда въ Тверское и Рязанское княжество юридически продолжало признаваться до самаго присоединенія этихъ княжествъ къ Москвѣ. Право отъѣзда вольныхъ служилыхъ людей отъ удѣльныхъ князей къ великимъ князьямъ Московскимъ существуетъ до смерти Василія Ивановича, со времени же Іоанна IV договорныя грамоты съ удѣльными князьями исчезаютъ окончательно и взамѣнъ ихъ требуется отъ удѣльныхъ князей, сошедшихъ на степень значительныхъ служилыхъ людей, обыкновенное крестное цѣлованіе въ вѣрности великому князю и даже дача клятвенныхъ записей. Такимъ образомъ съ кончиной Василія Ивановича уничтожилось юридически давно уже исчезнувшее въ практической жизни право свободнаго отъѣзда служилыхъ людей.

Энергичной мѣрой къ прикрѣпленію служилыхъ людей являются клятвенныя записи, появившіяся въ концѣ XV вѣка, такъ въ 1474 г. была взята подобная запись съ князя Даніила Холмскаго; за желаніе отъѣхать отъ Москвы, онъ былъ заключенъ подъ стражу, но по просьбѣ митрополита Герантія и епископа его освободили, взявъ съ него клятвенную запись во 1-хъ, служить великому князю и дѣтямъ его до смерти; во 2-хъ, ни къ кому не отъѣзжать, въ 3-хъ, желать ему добра и доносить о всякомъ слышанномъ „добрѣ или лихѣ“, въ 4-хъ, подвергаться наказаніямъ, какія въ случаѣ вины возложены будутъ на него великимъ

княземъ. Обычай брать клятвенныя записи особенно распространился во второй половинѣ царствованія Іоанна IV, когда усилилось неудовольствіе бояръ московскими порядками и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе ихъ въ Литву.

Организація служилаго сословія. Съ уничтоженіемъ права отъѣзда служилыхъ людей и съ соединеніемъ обязательной службы съ правомъ обладанія недвижимымъ имуществомъ образовалось замкнутое служилое сословіе, въ составъ котораго вошли прежде всего лица, обладавшіе недвижимой собственностью на правѣ вотчинномъ, а затѣмъ и на правѣ помѣстномъ. Всѣ эти лица должны были по первому требованію государственной власти явиться на службу или въ сопровожденіи извѣстнаго количества слугъ, съ извѣстнымъ числомъ коней и въ болѣе или менѣе хорошемъ вооруженіи, смотря по своему имущественному достатку. Впрочемъ каждое служилое лицо могло выставить вмѣсто личной службы извѣстное число лицъ—даточныхъ людей—или же уплатить государству извѣстную сумму денегъ за даточныхъ людей. Называя служилое сословіе Московскаго государства замкнутымъ, мы употребляемъ этотъ терминъ лишь для противоположенія дружинѣ удѣльно-вѣчевого періода. Во всякомъ случаѣ служилое сословіе не походило по своей замкнутости на касту. Каждый членъ Московскаго населенія, хотя бы онъ и не обладалъ недвижимой собственностью, могъ вступать на службу къ государю и со временемъ за свои заслуги получить помѣстье или вотчину.

Замкнутость Московскаго служилаго класса выражалась лишь въ томъ, что извѣстное лицо признавалось государствомъ служилымъ съ рожденія. Служилымъ становится всякій, отецъ котораго числится служилымъ человѣкомъ; подобное лицо всегда имѣло право записаться въ число служилыхъ людей и получить отъ государства помѣстье, не доказывая даже своихъ служебныхъ способностей. При подобной постановкѣ дѣла служба становится наслѣдственнымъ достояніемъ извѣстныхъ родовъ. Количество этихъ родовъ постоянно увеличивается—во 1-хъ, выдѣленіемъ изъ нихъ путемъ естественнаго нарожденія новыхъ родовъ, и во 2-хъ, пріобрѣтеніемъ служилаго характера другими родами, до тѣхъ поръ неслужилыми.

Служба вотчинная и помѣстная не была срочной; фактическая невозможность личной службы замѣнялась выставкой даточныхъ людей или уплатой даточныхъ денегъ. Чтобы служилые люди не уклонялись отъ службы, время отъ времени производились смотры служилымъ людямъ чрезъ воеводъ или нарочно присланныхъ для того Московскихъ людей. На смотрахъ правительство убѣждалось, не поправились-ли служилые люди, временно уволенные отъ службы за раны или болѣзни, не подросли-ли малолѣтніе служилые люди; на

смотрахъ же происходилъ процессъ „верстанія“ новичковъ помѣстьями. Въ сферѣ служилаго класса Московскаго государства не существовало рѣзкаго различія между лицами, отправлявшими или военную или гражданскую службу. Съ болѣе или менѣе исключительнымъ характеромъ военнымъ являлись лишь низшіе виды служилыхъ людей, составлявшіе регулярное войско—стрѣльцы, рейторы, солдаты и др. Служба служилаго сословія вообще болѣе носила военный характеръ, чѣмъ административный. Дѣятельность административная представлялась служилымъ людямъ въ видѣ временнаго отдохновенія отъ тягости военной службы, въ видѣ награды за старостью лѣтъ, вслѣдствіе ранъ, увѣчья, болѣзни и т. п.

Большое развитіе въ Московскомъ государствѣ получила служба придворная, дававшая отправлявшимъ ее высокое политическое и соціальное положеніе. Со времени Іоанна III, т. е. съ эпохи возвышенія самодержавія Московскихъ государей, увеличивается при Московскомъ дворѣ количество разнородныхъ придворныхъ должностей (должность казначея, постельнаго, конюшаго, окольничаго при Іоаннѣ IV). Ко двору стремятся именитѣйшіе роды служилыхъ людей Московскихъ и знатнѣйшіе изъ иноземныхъ выходцевъ, пріобрѣтая вмѣстѣ съ придворной должностью право засѣданія въ Боярской Думѣ, т. е. политическое значеніе въ государствѣ. Градація придворныхъ чиновъ является причиной борьбы честолюбія въ средѣ придворныхъ. Дѣло въ томъ, что наиболѣе знаменитые русскіе роды искали исходную точку политическаго своего значенія „въ родѣ отечества“, въ своемъ происхожденіи, а не въ благоволеніи, не въ милости къ нимъ верховной власти. Такъ какъ этотъ принципъ рода шелъ въ разрѣзъ съ политическими тенденціями Московскихъ государей, то вполнѣ понятно ихъ стараніе заслонить эти принципы рода принципомъ чина. Пожалованіе лица придворнымъ служебнымъ чиномъ и возведеніе его изъ низшаго чина въ высшій вполнѣ принадлежитъ личному усмотрѣнію самого государя или лицъ, дѣйствующихъ подъ его авторитетомъ. Благодаря замѣнѣ принципа рода принципомъ чина знатный потомокъ Рюрика могъ служить въ числѣ обыкновенныхъ служилыхъ городовыхъ людей, тогда какъ въ числѣ окольничихъ (2-ой придворный чинъ) могло быть лицо, извлеченное царемъ, „изъ самыхъ низшихъ и молодыхъ людей“, напримѣръ, Алексѣй Адашевъ. Впрочемъ Московскимъ государямъ лишь отчасти удалось убить принципъ рода. Это видно изъ того во 1-хъ, что наиболѣе значительные аристократическіе служилые люди сумѣли сдѣлать высшіе служилые чины наслѣдственнымъ своимъ достояніемъ. Извѣстно, напримѣръ, что въ эпоху отъ Іоанна III до Петра I представители 31 служилыхъ родовъ служили исключительно въ высшемъ чинѣ боярина, не проходя притомъ предварительную

службу въ низшихъ чинахъ; во 2-хъ, изъ того обстоятельства, что живучесть въ принципѣ рода сохранилась (мѣстничество), выходя изъ господствовавщаго въ средѣ Московскаго служилаго класса съ полной и постоянно возрастающей силой обычая мѣстничества, противъ котораго долго и тщетно боролось Московское правительство.

Сущность мѣстничества заключалась въ строгомъ наблюденіи со стороны служилаго человѣка за тѣмъ, чтобы возложенныя на него обязанности и жалуемые ему чины находились въ соотвѣтствіи съ достоинствомъ его отечества (рода), съ честью переданной ему его отцемъ. Если служилаго человѣка подчиняли въ служебномъ отношеніи лицу мѣстничества „честнаго рода" или даже, если ставили его съ послѣднимъ на одну параллель, то онъ считалъ это „поруганіемъ отечества" и „оскорбленіемъ родовой чести". „Поруха отечества" давала обиженному поводъ бить челомъ о томъ, что ему совѣстно быть „въ одну версту" или подъ началомъ, такъ какъ его предки были выше предковъ послѣдняго. Мѣстническіе споры возникали весьма часто, даже при назначеніи извѣстнаго лица къ исполненію какой-либо временной обязанности или даже при пожалованіи кого-либо подарками. Цѣль мѣстническаго спора вела къ уравновѣшенію служебнаго положенія лицъ съ служебной честью ихъ предковъ, чтобы служебное положеніе лица А къ служебному положенію Б приравнивалась служебная честь рода Б. Мѣстническіе споры имѣли мѣсто не только между чужеродцами, но и между членами одного и того же рода, въ послѣднемъ случаѣ они предоставлялись, какъ кажется, разбирательству старшихъ членовъ рода. Мѣстническіе споры между членами одного рода возникали въ тѣхъ случаяхъ, когда младшій членъ рода получалъ служебное преимущество въ сравненіи со старшимъ членомъ того же рода.

Начало мѣстничества скрывается еще въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ. Подражая постояннымъ спорамъ удѣльныхъ князей о старшинствѣ, ихъ дружинники зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы князь жаловалъ ихъ „по отечеству". Желая привязать къ себѣ дружинниковъ, князья не только допускали въ ихъ средѣ мѣстническіе споры, но даже поощряли ихъ, разбирая эти споры, и старались жаловать дружинниковъ сообразно съ ихъ родовой честью. Видя упорную силу мѣстничества, какъ древняго обычая, Московскіе государи признаютъ и терпятъ его, ведя въ то же время постоянную борьбу съ нимъ. Поводомъ къ принятію мѣръ къ искорененію мѣстничества Московскими государями послужилъ вредъ, причиняемый мѣстничествомъ, проистекавшимъ: 1) во время военныхъ дѣйствій при распредѣленіи служилыхъ людей для начальствованія войсками, когда ввиду непріятеля лица считавшія себя обиженными, бездѣйствовали,

предпочитая опалу государя „порухѣ своего отечества“ и 2) изъ его несовмѣстимости съ самодержавнымъ значенiемъ Московскихъ государей вообще, такъ какъ мѣстничество фактически ограничивало государей въ свободномъ распоряженiи силами служилыхъ людей. Мѣрой къ ограниченiю мѣстничества было объявленiе Московскими государями служилымъ людямъ о томъ, что въ данномъ случаѣ нарушенiе мѣстничества не считается „порухой чести“. Подобныя объявленiя дѣлались во время военныхъ дѣйствiй, при отправленiи служилыхъ людей въ посольство, при приглашенiи къ придворному празднеству и т. п. Однако эта мѣра вела по большей части къ неблагопрiятнымъ результатамъ. На соборѣ 1682 г. мѣстничество было окончательно отмѣнено и разрядныя книги, служившiя основанiемъ для мѣстническихъ споровъ, сожжены.

Вотчинная и помѣстная системы.

Вотчинная система. Разсматривая законодательство Московскаго государства, направленное къ регламентацiи вотчинныхъ правъ, мы не можемъ не замѣтить, что оно проводитъ весьма послѣдовательное различiе между четырьмя видами—„старинными“ или родовыми вотчинами, выслуженными или жалованными и, наконецъ, вотчинами купленными. Княжескiя вотчины—это родовыя вотчины служилыхъ князей. Подъ старинными или родовыми—разумѣлись вотчины, прiобрѣтенныя извѣстнымъ лицомъ по наслѣдству отъ другого лица, принадлежащаго къ одному съ нимъ роду.

Выслуженной или жалованной называется вотчина, дарованная государствомъ служилому человѣку въ награду за службу. Наконецъ, подъ купленной разумѣлась вотчина, прiобрѣтенная извѣстнымъ лицомъ на основанiи одной изъ сдѣлокъ гражданскаго права или отъ другого частнаго лица, или отъ казны.

Разсмотримъ основанiя законовъ Московскаго государства по отношенiю къ каждому изъ указанныхъ видовъ вотчинъ въ частности. Княжескiя вотчины еще при Iоаннѣ III были сильно ограничены въ своемъ гражданскомъ оборотѣ; напримѣръ, Iоаннъ III запретилъ потомкамъ удѣльныхъ князей Суздальскихъ, Ярославскихъ и Стародубскихъ продавать безъ вѣдома государя кому бы то ни было вотчины свои „мимо вотчинъ“, т. е. помимо родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдовать въ этихъ вотчинахъ. Iоаннъ IV, подтвердивъ это запрещенiе, угрожаетъ недѣйствительностью сдѣлки, заключенной вопреки ему, причемъ покупщикъ теряетъ право на возвращенiе ему уплаченной имъ цѣны, а продавецъ лишается своей вотчины, которая отбирается отъ него „на государя“. Болѣе подробныя опредѣленiя относительно

княжескихъ вотчинъ даны въ приговорѣ 1562 года—царя Іоанна IV съ боярами о вотчинахъ. Въ вотчинахъ умершаго князя наслѣдуютъ только сыновья его; дочери же и сестры могутъ наслѣдовать лишь изъ животовъ, т. е. изъ движимаго имущества его. Съ конца XVI вѣка мы не встрѣчаемъ болѣе особыхъ постановленій относительно права распоряженія княжескими вотчинами; съ этого времени онѣ, по всей вѣроятности, стали обсуждаться наравнѣ съ вотчинами обыкновенныхъ служилыхъ людей. Разсмотрѣвъ отношенія Московскаго законодательства къ княжескимъ вотчинамъ, мы перейдемъ къ обозрѣнію отношеній его къ другимъ видамъ вотчинъ, къ вотчинамъ родовымъ и выслуженнымъ, при чемъ должно замѣтить, что оба эти вида вотчинъ противополагались вотчинамъ купленнымъ, при этомъ и самое право въ наслѣдованіи ихъ является несравненно болѣе ограниченнымъ, сравнительно съ правомъ наслѣдованія послѣднихъ. Въ царствованіе Михаила Феодоровича, именно, въ дополнительныхъ къ судебнику статьяхъ, изданныхъ имъ въ 1628—1629 г., постановлены были слѣдующія правила относительно порядка наслѣдованія въ вотчинахъ родовыхъ и выслуженныхъ: если послѣ смерти вотчинника оставалась бездѣтная жена его и родственники въ боковыхъ линіяхъ, то вотчина переходила къ послѣднимъ, вдова же безусловно отстранялась отъ наслѣдованія его; она получала лишь четвертую часть движимаго имущества, оставшагося послѣ мужа, и свое приданое. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что если послѣ умершаго вотчинника оставались сыновья, то они считались прямыми преемниками въ вотчинахъ своего отца. Дочери при братьяхъ безусловно отстранялись отъ наслѣдованія въ вотчинахъ родовыхъ и выслуженныхъ, получая на прожитокъ указанную часть лишь изъ оставшагося послѣ отца ихъ помѣстья; впрочемъ, въ случаѣ смерти всѣхъ братьевъ право наслѣдованія въ вотчинахъ переходило и къ сестрамъ. Итакъ, непосредственными наслѣдниками родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ являются сыновья умершаго вотчинника, за отсутствіемъ сыновей, дочери его, въ случаѣ совершеннаго отсутствія у умершаго дѣтей, къ праву наслѣдованія призывались уже ближайшіе по степени родственники умершаго съ обязательствомъ внести въ казну за вотчину деньги на вѣчное поминовеніе умершаго. Самой характерной чертой родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ было право выкупа ихъ членами рода, вслѣдствіе отчужденія ихъ вотчинникомъ въ чужой родъ. Но право выпупа родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ не было неограничено, прежде всего оно ограничивалось извѣстнымъ кругомъ лицъ; такъ нисходящіе по прямой линіи родственники лица, произведшаго отчужденіе (дѣти, внуки и т. д.), не имѣли права выкупа отчужденной этимъ лицомъ вотчины; въ лицѣ ихъ какъ бы осуществляется и продол-

жается воля его. Право это принадлежало лишь боковымъ родственникамъ отчуждателя (братья, племянники) и то при томъ условіи, если они не были въ числѣ свидѣтелей акта отчужденія, если, напримѣръ, не прикладывали рукъ къ куплѣ или закладной записи. Далѣе, право выкупа отчужденной родовой или выслуженной вотчины ограничивалось опредѣленнымъ давностнымъ срокомъ, именно, сорокалѣтнимъ. Наконецъ, ограниченіе права выкупа родовыхъ или выслуженныхъ вотчинъ заключалось въ томъ, что не допускался выкупъ отчужденной вотчины по частямъ; она могла быть выкуплена не иначе, какъ въ цѣлости. Теперь перейдемъ къ обзору общихъ положеній Московскаго законодательства относительно права распоряженія купленными вотчинами. Продажа правительствомъ служилымъ людямъ земель въ вотчину была явленіемъ довольно обыкновеннымъ въ Московскомъ государствѣ, но для подобнаго рода продажи необходимымъ условіемъ считалось соизволеніе государя, выраженное въ формѣ именного указа. Обращаясь къ разсмотрѣнію правъ вотчинниковъ по отношенію къ вотчинамъ купленнымъ, мы замѣчаемъ, что здѣсь, въ противоположность вотчинникамъ родовымъ и выслуженнымъ, предоставляется собственнику полная свобода. Со смертью вотчинника купленая вотчина переходитъ къ вдовѣ его на полномъ и неограниченномъ правѣ собственности, „и вольно ей, какъ говорятъ источники, какъ похочетъ, нѣтъ до нея никому дѣла“. По отношенію къ вотчинамъ купленнымъ не допускалось права выкупа членами рода; отчужденіе купленной вотчины является полнымъ и безповоротнымъ.

Государственное значеніе вотчинъ заключалось въ томъ, что владѣльцы ихъ обязаны были нести съ нихъ службу, такъ что каждый вотчинникъ, владѣя вотчиной тѣмъ самымъ обязывался отбывать съ нея службу государю; такимъ образомъ, по отношенію къ обязанности службы съ нихъ, вотчины обслуживались наравнѣ съ помѣстьями; предполагалось, что каждый вотчинникъ обязанъ былъ лично отбывать служебную повинность; если же вотчинникомъ было лицо женскаго пола, или лицо юридическое, или если вотчинникъ не могъ лично отбывать служебную повинность за старостью, за ранами или за болѣзнью, то онъ обязанъ былъ выставлять съ вотчины своей извѣстное количество даточныхъ людей, или натурой, или уплачивалъ за даточныхъ деньги. Изъ подобнаго служебнаго значенія вотчинъ дѣлается понятнымъ стремленіе Московскаго правительства къ постоянной регламентаціи вотчинныхъ отношеній, такъ какъ твердая регламентація ихъ стояла въ тѣсной связи съ правильной организаціей самыхъ служебныхъ отношеній. Такъ какъ главный интересъ вотчиннаго владѣнія сводится къ вопросу о преемствѣ, то вслѣдствіе этого сущность регламентаціи вотчин-

ныхъ отношеній состояла для Московскаго государства въ опредѣленіи правъ наслѣдованія въ вотчинахъ. Въ видахъ правильнаго отправленія служебными людьми службы съ вотчинъ, Московскимъ правительствомъ по временамъ издавались различнаго рода мѣры, имѣвшія своей цѣлью поднять уровень матеріальнаго благосостоянія служилыхъ людей. Къ такимъ мѣрамъ относится, напримѣръ, указъ 1558 г. Нерѣдко случалось, что служилый человѣкъ, нуждаясь въ деньгахъ, закладывалъ извѣстному лицу вотчину, съ предоставленіемъ кредитору взамѣнъ процентовъ права хозяйственнаго пользованія вотчиной. Но указомъ 1558 г. запрещено было служилымъ людямъ закладывать подобнымъ образомъ свои вотчины. Укажемъ теперь на нѣкоторыя ограниченія въ правѣ пріобрѣтенія и отчужденія вотчинъ, и въ правѣ распоряженія ими. Всѣ эти ограниченія, рядъ которыхъ тянется съ половины XVI вѣка, въ результатѣ сводятся къ тому, чтобы воспрепятствовать землѣ выходить изъ службы. Сюда относится, напримѣръ, запрещеніе подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія злостнаго (умышленнаго) отчужденія вотчинъ съ цѣлью избѣжанія государственной службы. Далѣе, сюда относится запрещеніе пріобрѣтать вотчины лицамъ, не пользующимся полною правоспособностью въ сферѣ государственнаго права, напримѣръ, боярскимъ, или монастырскимъ слугамъ, такъ какъ лица подобнаго рода не имѣютъ возможности отправлять службу съ пріобрѣтенныхъ ими вотчинъ. Вотчины можно было давать въ бѣдные и малоземельные монастыри, но опять же не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія на то государя; въ монастыри же богатые землями совершенно запрещается вотчинникамъ давать свои вотчины. Такимъ образомъ, указанныя ограниченія мотивируются стремленіемъ правительства тѣсно связать вотчинное владѣніе съ повинностью обязательной государственной службы.

Помѣстная система. Разсмотрѣвъ общія основы вотчинной системы въ Московскомъ государствѣ, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію помѣстной системы. Въ XVI вѣкѣ помѣстье по смерти помѣщика могло переходить къ сыну его, но только при условіи способности послѣдняго къ опредѣленной съ помѣстья службѣ, въ противномъ случаѣ было опредѣлено „въ то мѣсто прибрати иного“; это опредѣленіе постановлено было въ приговорѣ 1550 г. Къ концу XVI вѣка помѣстныя отношенія служилыхъ лицъ къ государству получили вполнѣ правильное государственное значеніе,—послужили средствомъ организаціи постояннаго служилаго класса въ Московскомъ государствѣ. Затѣмъ, въ теченіи всего XVII вѣка организація помѣстныхъ отношеній не переставала служить предметомъ попеченій Московскаго правительства, вызывая множество законодательныхъ опредѣленій. Въ XVII вѣкѣ надѣлъ служилыхъ людей помѣстьями становится об-

ширнѣе и примѣняется повсемѣстно въ предѣлахъ Московскаго царства. Каждый молодой человѣкъ, такъ называемый новикъ, достигшій служебной зрѣлости, при томъ условіи, если отецъ его былъ служилымъ, получаетъ право, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность быть зачисленнымъ въ царскую службу съ полученіемъ помѣстнаго и вотчиннаго оклада. Зачетъ новиковъ въ службу и надѣлъ ихъ помѣстными и денежными окладами, или, выражаясь технически, верстаніе помѣстьями и денежными окладами, производились въ Москвѣ чрезъ посредство особыхъ присяжныхъ окладчиковъ подъ высшимъ наблюденіемъ лицъ, назначенныхъ къ тому правительствомъ. Въ присяжные окладчики выбирались служилые люди тѣхъ самыхъ городовъ, къ которымъ приписаны были верстаемые новики, при чемъ выборъ ихъ былъ дѣломъ земскимъ. Окладчикамъ запрещалось верстать дѣтей не служилыхъ отцовъ, но дозволялось верстать лишь такихъ, отцы которыхъ сами числились на службѣ, притомъ верстать новиковъ дозволялось лишь окладами меньшими сравнительно съ окладами отцовъ и старшихъ ихъ братьевъ. Верстаніе дѣтей не служилыхъ отцовъ угрожало окладчикамъ великою опалою государя. Новикамъ служилымъ назначены оклады по четыремъ статьямъ: для первой статьи 354 четв. помѣстнаго оклада при 12 рубляхъ денежнаго оклада, для второй статьи 300 четв. помѣстнаго при 10 рубляхъ денежнаго оклада, для третьей статьи 250 четв. помѣстнаго при 9 рубляхъ денежнаго оклада, для четвертой статьи 200 четв. помѣстнаго при 7 рубляхъ денежнаго оклада. Новикамъ неслужилымъ назначены нѣсколько меньшіе оклады, именно: по первой статьѣ 300 четв. помѣстнаго и 10 рублей денежнаго оклада, по второй статьѣ 250 четв. помѣстнаго и 8 рублей денежнаго оклада, по третьей статьѣ 200 четв. помѣстнаго и 7 рублей денежнаго оклада, по четвертой статьѣ 150 четв. помѣстнаго и 5 рублей денежнаго оклада. Переходя къ дальнѣйшему разсмотрѣнію помѣстной системы Московскаго государства, прежде всего должно замѣтить, что въ Московскомъ государствѣ принято было за правило давать каждому служилому человѣку извѣстную часть земли. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ производилась наддача служилымъ людямъ помѣстныхъ окладовъ, то въ другихъ случаяхъ оклады эти убавлялись и даже вовсе отбирались у нихъ. Служебная годность служилаго человѣка должна была съ лѣтами окончиться. Но это обстоятельство не влекло за собой отнятія отъ устарѣвшаго или отставленнаго за ранами и увѣчьемъ служилаго человѣка помѣстій его. Помѣстья оставлялись за помѣщикомъ, устарѣвшимъ для службы или выбывшимъ изъ нея вслѣдствіе полученныхъ ранъ или увѣчій, при чемъ оно получало техническое названіе прожитка или прожиточнаго помѣстья, въ смыслѣ средства, предоставляемаго служилому

человѣку для существованія до живота, т. е. до смерти его. При этомъ правительство бережно оберегаетъ эти прожиточныя помѣстья отъ всякаго сторонняго притязанія на нихъ. Но предоставляя отставленнымъ служилымъ людямъ въ прожитокъ помѣстья ихъ, правительство заботится вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы прожиточныя помѣстья эти не выходили изъ службы, что было бы очевидно, не выгодно для него. Разсмотримъ способы, которыми Московское правительство достигало послѣдней цѣли.

Во-первыхъ, оно достигало этой цѣли тѣмъ, что городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ назначало къ отправленію городовой осадной службы, т. е. гарнизонной, какъ службы болѣе легкой и покойной. Во-вторыхъ, достигало этой цѣли предоставленіемъ права служилымъ людямъ, бьющимъ челомъ о неспособности своей къ службѣ царской, посылать вмѣсто себя безпомѣстныхъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ и внучатъ своихъ. Въ третьихъ, правительство предоставляло помѣщикамъ выставлять со своихъ помѣстій опредѣленное число даточныхъ людей или уплачивать взамѣнъ ихъ опредѣленное количество такъ называемыхъ задаточныхъ денегъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, правительство дозволяло отставленному служилому человѣку сдавать свое прожиточное помѣстье родственнику; сдача помѣстья совершалась посредствомъ составленія особаго рода крѣпостного акта—сдаточной записи.

Въ теченіи разсматриваемаго нами періода, помѣстья все болѣе и болѣе сближаются съ вотчинами.

Вотъ въ общихъ чертахъ основы помѣстной системы, дѣйствовавшей въ теченіи всего Московскаго періода русской государственной жизни.

Городское сословіе въ Московскомъ государствѣ.

Если въ удѣльно-вѣчевой періодъ не было вовсе сословій, то не было въ немъ также и того городского сословія съ своеобразными и ему одному лишь принадлежащими правами и обязанностями. Въ первую половину удѣльнаго періода между городскими и уѣздными (волостными) жителями не было никакой разницы: какъ горожане, такъ и жители деревень (волостей) назывались общимъ именемъ—крестьяне. Но такъ какъ городъ былъ центромъ тяготѣнія окрестныхъ земель, такъ какъ здѣсь жилъ князь съ дружиной или его посадникъ и высшіе представители духовенства, то городъ не могъ не пріобрѣсти на Руси преимущественнаго значенія передъ волостными землями. Развитіе въ городѣ торговли и промышленности способствуетъ также концентраціи въ немъ значительнаго богатства, развивающейся потребности удобства и роскоши. Первое отличіе города отъ волости

въ сферѣ права выражается въ различіи способа несенія тягла въ пользу государства. Въ волостяхъ подъ единицей тягловой извѣстна поземельная единица—соха, обжа или выть, тогда какъ въ городѣ—дворъ, т. е. извѣстный участокъ земли съ находящимися въ немъ, какъ жилыми строеніями, такъ и службами и съ приписанными къ нему угодьями и пустырями. Систематизаціи юридическаго различія правъ городского и волостного населенія не замѣчаемъ мы не только въ удѣльную эпоху, но и въ первоначальномъ Московскомъ государствѣ, гдѣ предоставлялось каждому вольному человѣку полное право сдѣлаться городскимъ посадскимъ человѣкомъ и обратно—городскому человѣку—волостнымъ, гдѣ не было ограниченій и выбора занятій; городской человѣкъ могъ заниматься землedѣліемъ, также какъ волостной торговлей и промышленностью. Лишь въ 17-мъ вѣкѣ замѣчается стремленіе Московскаго правительства закрѣпить городское населеніе, дать ему замкнутую организацію съ особой, ему лишь предоставленной, сферой правъ и обязанностей.

Право владѣнія городскими дворами. Городскіе дворы различались: 1) по различію связанныхъ съ ихъ обладаніемъ финансовыхъ повинностей и 2) по различію самыхъ основаній правъ владѣнія ими.

I. Въ первомъ отношеніи дворы раздѣляются на тяглые или черные и дворы бѣлые. Подъ тяглыми дворами понимается дворъ, не освобожденный отъ несенія финансоваго тягла, дворъ, съ котораго въ полной мѣрѣ взимались всѣ государственныя повинности. Бѣлымъ назывался дворъ, освобожденный отъ платежа государственныхъ податей и отправленія государственной повинности—дворъ обѣленный, т. е. изъятый изъ числа тяглыхъ дворовъ. На обѣленномъ дворѣ, освобожденномъ отъ государственнаго тягла, наравнѣ съ черными лежало улицкое тягло, т. е. земская общинная повинность въ пользу городского хозяйства. По различію дворовъ и ихъ владѣльцы различались, какъ тяглые или черные посадскіе люди отъ бѣломѣстцевъ. Право бѣломѣстное было освобождено отъ государственнаго тягла и обусловливалось принадлежностью владѣльца двора къ одному изъ привиллегированныхъ въ финансовомъ отношеніи классовъ населенія—1) духовенству, 2) служилому классу, 3) гостямъ, 4) торговцамъ гостинной и суконной сотенъ и 5) иноземнымъ купцамъ. Извѣстно, что уѣздное вотчинное духовенство освобождалось отъ финансоваго тягла въ пользу государства; отсюда можно допустить обѣленіе имущества духовенства. Обѣленіе дворовъ служилыхъ людей объясняется несеніемъ послѣдними особаго служилаго тягла въ пользу государства. Кромѣ того обѣленіе дворовъ служилыхъ людей можно мотивировать устройствомъ послѣдними такъ называемыхъ „осадныхъ дворовъ“ на случай непріятельскаго нашествія;

поощряя устройство подобныхъ дворовъ, правительство освобождало такихъ людей отъ всѣхъ финансовыхъ повинностей. Обѣленіе дворовъ гостей и торговыхъ людей объясняется ихъ служебнымъ значеніемъ въ Московскомъ государствѣ, потому что они избирались волей государевой изъ лучшихъ посадскихъ людей для завѣдыванія государевой торговлей, государевыми промыслами. Обѣленіе дворовъ могло происходить не только отъ принадлежности ихъ владѣльцевъ къ привиллегированному классу, но и отъ того, что дворъ былъ расположенъ „на бѣломъ мѣстѣ", „на бѣлой землѣ", въ большой части города.

II. По различію основаній владѣнія городскіе дворы раздѣляются на 1) дворы, состоящіе въ вотчинномъ владѣніи, 2) дворы, находящіеся въ помѣстномъ владѣніи, и 3) во владѣніи на правѣ тягломъ. Такъ какъ вотчинное владѣніе пріобрѣталось только служилыми людьми, церквами, монастырями и высшимъ классомъ торговыхъ людей, то оно является вмѣстѣ съ тѣмъ и владѣніемъ обѣленнымъ. Владѣніе на правѣ помѣстномъ также является обѣленнымъ, такъ какъ правомъ получать помѣстья пользовались тѣ же привиллегированныя лица, которымъ было предоставлено и право владѣнія вотчиной. Городскіе дворы, находящіеся во владѣніи на правѣ тягломъ, составляютъ собственность городской общины, городскихъ сотенъ, называемыхъ вообще тяглыми. Подобные дворы съ приписанными къ нимъ угодьями отдавались въ оброчное содержаніе тяглъ посадскихъ людей. Тяглое владѣніе почти совпадаетъ съ правомъ собственности. Тяглый владѣлецъ могъ перестраивать свой дворовый участокъ, дарить его, отдавать въ приданое, передавать по наслѣдству, отдавать въ наемъ, закладывать,— община не вступалась во все это, лишь бы только юридическая сдѣлка по тяглому имуществу не наносила общинѣ ущерба.

История закрѣпленія городского сословія. Закрѣпленіе городского населенія является болѣе позднимъ сравнительно съ закрѣпленіемъ служилаго и крестьянскаго сословій. Интересно, что иниціатива закрѣпленія городского сословія принадлежитъ самимъ городскимъ общинамъ. Когда въ концѣ XVI вѣка прикрѣплено было крестьянское сословіе, приливъ въ города уѣзднаго тяглаго населенія значительно уменьшился. Уменьшеніе же прилива населенія въ связи съ бѣдствіями смутнаго времени, съ разореніемъ отъ непріятелей, повели къ крайнему увеличенію податей и повинностей, окончательно разстраивая матеріальное благосостояніе городскихъ общинъ. Масса посадскихъ людей, избѣгая конечнаго разоренія, разбѣгались изъ городовъ по селамъ и деревнямъ и закладывалась за служилыхъ людей и за монастыри. Подобныя переселенія изъ города продолжали увеличиваться прогрессивно. Затѣмъ, избѣгая финансоваго тягла,

посадскіе люди повсемѣстно выказываютъ стремленіе отчуждать, конечно, за большія деньги свой дворъ лицамъ привиллегированнаго сословія, освобождаясь, такимъ образомъ, отъ финансовой тягости. Финансовыя тягости, снятыя съ этихъ обѣленныхъ дворовъ всей тяжестью обрушились на остальныхъ членовъ общины; приходилось тянуть тягло: 1) со своихъ тяглыхъ дворовъ, 2) съ покинутыхъ разбѣжавшимися горожанами пустыхъ дворовъ и 3) съ умышленно отчужденныхъ дворовъ городскими людьми бѣломѣстцамъ, за все это платила община, потому что правительство имѣло дѣло съ цѣлой общиной, игнорируя, личности отдѣльныхъ плательщиковъ. Тяжелое положеніе вынуждало общину безпрерывно отправлять въ Москву челобитныя съ указаніемъ на то, что посадскіе люди совершенно разорились, побросавъ дома свои, что многіе тяглые люди отчуждаютъ дворы свои бѣломѣстцамъ. Противъ разсѣянія городскаго населенія, ради удержанія въ городахъ тяглыхъ посадскихъ людей, правительство принимало слѣдующія мѣры: по боярскому приговору 1613 г. предписывалось розыскивать и возвращать въ мѣсто жительства разбѣжавшихся въ предшествующую эпоху посадскихъ людей. На соборѣ въ 1619 г. опредѣлено было послать по украйнымъ городамъ, особенно пострадавшимъ въ смутное время, дозорщиковъ и писцовъ для точной переписки городского тяглаго населенія, притомъ было приказано разыскивать разбѣжавшихся тяглыхъ городскихъ людей по волостямъ и другимъ городамъ, разыскивать также заложившихся за служилыхъ людей и монастыри. Уложеніе окончательно закрѣпляетъ городское населеніе, организуя замкнутое городское сословіе съ кругомъ особыхъ правъ и обязанностей и запретивъ тяглымъ городскимъ людямъ переходить въ волости и даже изъ одного города въ другой. Уложеніе вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ возвращать въ города разошедшихся изъ нихъ тяглыхъ людей, а также и заложившихся, угрожая закладчикамъ казнью, кнутомъ и ссылкой въ Сибирь, на рѣку Лену. Уложеніе предписываетъ при этомъ возвращать въ города изъ волости и тѣхъ лицъ, отцы которыхъ эмигрировали изъ города, будучи тяглыми посадскими людьми. Такимъ образомъ, въ половинѣ XVII вѣка образуется замкнутое городское сословіе, являющееся наслѣдственнымъ. Въ 1621 году вышелъ указъ которымъ строго воспрещено тяглымъ людямъ не только отчуждать дворы свои бѣломѣстцамъ, но даже закладывать ихъ послѣднимъ. Замкнутое городское сословіе получаетъ исключительное, отдѣляющее его отъ другихъ сословій право торговли и промышленности съ полученіемъ тяглъ отличія отъ волостного населенія, исключительно земледѣльческаго; состояніе тяглаго человѣка дѣлается наслѣдственнымъ.

Организація городского сословія. Изучая организацію городского сословія, мы замѣчаемъ въ средѣ его высшіе разряды людей: 1) гости, 2) торговцы гостинной и суконной сотенъ. Эти разряды лицъ были образованы самимъ Московскимъ правительствомъ для цѣлей чисто финансовыхъ: для завѣдыванія царской торговлей и промышленностью, въ томъ числѣ и кружечными сборами. Эти разряды составляли нѣчто среднее между обыкновенными посадскими людьми и служилыми людьми.

I. Гости являются высшимъ изъ этихъ разрядовъ. Въ удѣльный періодъ гостемъ назывался просто богатый купецъ, имѣвшій обширные торговые обороты. Въ Москвѣ подобное званіе гостя становится уже государственнымъ чиномъ, жалуемымъ государствомъ торговому человѣку за извѣстныя услуги. Пожалованный „гостествомъ" торговый человѣкъ пріобрѣтаетъ значеніе служилаго человѣка и получаетъ право и обязанность быть избираемымъ къ отправленію разнаго рода финансовыхъ порученій. Пожалованіе „гостествомъ" производилось черезъ посредство выдачи торговому человѣку на это званіе царской грамоты, въ которой излагались всѣ его права и прерогативы: 1) право вести заграничную торговлю, для чего ѣздить въ мирныя съ Москвой страны; 2) гость былъ судимъ или самимъ царемъ или его ближнимъ бояриномъ; 3) гость освобождался отъ всякаго рода податей и повинностей, отправляемыхъ городскими черными сотнями, а дома его освобождались отъ постоя; онъ былъ освобожденъ отъ платежа таможенныхъ и проѣздныхъ пошлинъ; 4) гость имѣлъ право владѣть вотчиной. Людямъ всякихъ чиновъ предписывается относиться къ гостю почтительно и ничѣмъ не обижать его. Обида гостя вклекла царскую опалу и штрафъ въ пользу гостя въ размѣрѣ 50 рублей (за обиду его дѣтей—20 рублей). Число гостей въ эпоху Котошихина было не болѣе 30 человѣкъ.

II. Второй разрядъ—лица, принадлежащія къ гостинной и суконной сотнямъ, составляли слѣдующіе высшіе классы торговыхъ людей, предназначавшіеся правительствомъ къ участію въ финансовомъ государственномъ управленіи. Владѣя почти тѣми же правами, какъ и гости, они лишены были правъ на вотчины. Дѣлились они на статьи,—большую, среднюю и меньшую, различавшіяся неодинаковыми размѣрами штрафа за „безчестіе." Гости и лучшія торговыя гостинныя и суконныя сотни вызываются правительствомъ въ Москву для выполненія разныхъ финансовыхъ порученій.

III. Вся остальная масса городского населенія пользуется однимъ общимъ наименованіемъ посадскихъ людей, организуясь городскими общинами, называемыми сотнями и слободами. Этими общинами руководятъ выборные начальники—старосты; ихъ дѣятельность заключается: 1) въ рас-

кладкѣ между отдѣльными членами финансовыхъ платежей и повинностей, падающихъ на всю общину; 2) въ заботахъ о внутреннемъ благосостояніи общины; 3) въ участіи въ выборѣ губныхъ старостъ, кабацкихъ и таможенныхъ вѣрныхъ головъ и др. По степени зажиточности и по роду занятій посадскіе люди дѣлятся на статьи: лучшую, среднюю и меньшую, которымъ соотвѣтствуетъ и различіе въ количествѣ штрафа за безчестье.

Исторія крестьянскаго сословія.

Въ древней Руси крестьянами называется весь низшій свободный классъ населенія, безъ различія людей города и волости. Крестьяниномъ былъ всякій человѣкъ, не бывшій ни духовнымъ лицомъ, ни служилымъ человѣкомъ, ни купцомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни холопомъ — обыкновенный христіанинъ. Съ начала XVI вѣка терминъ—крестьянинъ—начинаетъ употребляться исключительно для обозначенія волостного, сельскаго тяглаго населенія.

Въ концѣ XVI вѣка крестьяне (въ послѣднемъ смыслѣ) признавались полноправными и свободными членами населенія, ничѣмъ не связанными съ землей, на которой они селились. Изучая отношенія крестьянъ въ эту эпоху, мы раздѣлимъ все сельское населеніе на три группы, смотря потому: 1) сидѣли-ли крестьяне на своей собственной землѣ или 2) на землѣ другихъ поземельныхъ собственниковъ или, наконецъ, 3) на земляхъ общинныхъ.

I. Крестьянинъ, сидѣвшій на собственной землѣ, былъ ея полнымъ собственникомъ. Его право собственности на землю могло вытекать вслѣдствіе пріобрѣтенія имъ поземельнаго участка путемъ одной изъ сдѣлокъ гражданскаго права, или вслѣдствіе занятія имъ „дикаго поля“, т. е. участка не составлявшаго еще объекта права частной собственности. Право полной собственности на землю было для крестьянъ самымъ невыгоднымъ въ сравненіи съ другими способами пользованія землей, такъ какъ во 1-хъ, крестьяне своеземцы должны были тянуть со своихъ обыкновенно незначительныхъ поземельныхъ участковъ различнаго рода, весьма нерѣдко значительныя, государственныя повинности и подати; во 2-хъ, своеземцы были вполнѣ беззащитными отъ современной областной администраціи, которая притѣсняла и эксплоатировала ихъ; въ 3-хъ, земли своеземцевъ постоянно мельчали вслѣдствіе дробленія ихъ между наслѣдниками умершаго своеземца. Дробленіе поземельныхъ участковъ побуждало нерѣдко своеземцевъ продавать или даже бросать свои скудные участки и садиться на чужой землѣ; въ 4-хъ, мелкая поземельная собственность была невыгодна крестьянамъ также вслѣдствіе невозможности конкуренціи

ея съ крупными землевладѣльцами. Всѣ эти невыгоды, имѣвшія своимъ основаніемъ право полной частной собственности, обуславливали то явленіе, что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшалось количество состоящихъ у своеземцевъ земель и послѣдніе въ большинствѣ къ концу XVI вѣка переселились на земли крупныхъ поземельныхъ собственниковъ или на общинные земли.

II. Крестьяне, сидѣвшіе на земляхъ частныхъ поземельныхъ собственниковъ, находились въ извѣстномъ договорномъ отношеніи съ собственниками. Договорныя условія были весьма разнообразны: иногда крестьянинъ обязывался обработывать предоставленную городскую землю изъ полу, иногда—отбывать съ полученнаго участка различнаго рода финансовыя тягости и уплачивать сверхъ того собственнику оброкъ (наемщикъ), иногда крестьянинъ садился на землю частной собственности еще не расчищенную, обязуясь выдѣлать ее, построить на ней дворъ и хозяйственныя зданія и заселить ее привлеченіемъ другихъ безземельныхъ крестьянъ; иногда крестьянинъ получалъ отъ собственника необходимый рабочій скотъ, земледѣльческія орудія, сѣмена, первоначальное прокормленіе, а иногда даже и денежную ссуду (серебренникъ). Положеніе серебренника было весьма незавиднымъ, потому что онъ вступалъ какъ бы въ кабалу къ собственнику земли до окончательнаго съ нимъ расчета. Но вообще, крестьянинъ, сѣвшій на землю частнаго собственника, отнюдь не утрачиваетъ еще полноправности и своей свободы: онъ могъ оставить землю такъ же, какъ и землевладѣлецъ могъ отказать ему отъ земли. Впрочемъ еще довольно рано былъ установленъ извѣстный срокъ въ году для крестьянскихъ отходовъ—было позволено крестьянамъ уходить лишь въ теченіи недѣли до осенняго Юрьева дня (26 Ноября) и въ теченіе недѣли послѣ него, къ каковому времени оканчивались всѣ полевыя работы. Затѣмъ право перехода крестьянъ ограничивалось тѣмъ, что крестьянинъ не могъ оставить землю собственника, не расчитавшись съ послѣднимъ, не возвративъ всего полученнаго отъ него въ ссуду. Судебники смягчаютъ послѣднія ограниченія свободы крестьянъ. По судебнику 1497 г. крестьянинъ, желающій оставить землю собственника, обязанъ удовлетворить послѣдняго за „пожилое“, т. е. только за дворъ, въ которомъ онъ жилъ; цѣнность двора при этомъ опредѣляется въ плотину въ лѣсной мѣстности и 1 р. не въ лѣсной. Судебникъ 1550 г. увеличиваетъ размѣръ „пожилого“ на 2 алтына, поясняя вмѣстѣ съ тѣмъ, что безлѣсной мѣстностью называется земля, удаленная на 10 верстъ отъ строевого лѣса. Такимъ образомъ судебники смягчаютъ ограниченія свободы крестьянъ въ правѣ перехода, давая имъ возможность по уплатѣ „пожилого“ оставлять земли

собственника, не покончивъ всѣхъ остальныхъ расчетовъ съ нимъ.

III. Крестьяне, сидящіе на общинныхъ земляхъ, являются членами крестьянскихъ общинъ, несущими на себѣ всѣ общинныя повинности. Связанные круговой порукой, отвѣтомъ за каждаго изъ своихъ членовъ, крестьянская община принимала въ свою среду тѣхъ или другихъ лицъ лишь по представленіи за нихъ поручительства со стороны нѣсколькихъ своихъ членовъ въ томъ, что вновь принимаемый будетъ исправно тянуть общинное тягло и общинныя размѣты и разрубы, то онъ не будетъ нарушать внутренняго благоустройства и благочинія общины предосудительными и вредными своими дѣяніями. Вновь принятый членъ принималъ отъ землевладѣльческой общины въ безсрочное пользованіе (до передѣла общинной земли) опредѣленный участокъ земли—„выть" при чемъ онъ могъ передать другому въ наемъ право пользованія имъ (со всѣми обязательствами по отношенію къ общинѣ). По желанію каждый членъ общины могъ перестать быть ея членомъ, возвративъ ей полученный имъ участокъ земли. Выходъ крестьянъ изъ общины сопряженъ былъ слѣдующими ограниченіями:

1) Возможно было выходить изъ общины только въ теченіе недѣли до и послѣ Юрьева дня;

2) до выхода необходимо было дать за себя общинѣ „окупъ" т. е. внести ей всѣ подати и другія общинныя раскладки, падавшія на его долю. Иногда „окупъ" вносился за крестьянъ другой общиной или землевладѣльцемъ, желавшимъ переманить на свою землю общинника. Установленіе „окупа" объясняется тѣмъ, что финансовыя тягости уплачивались на основаніи „писцовыхъ книгъ" за всѣхъ членовъ общины, бывшихъ въ наличности въ моментъ переписи, Вслѣдствіе этого община по выходѣ изъ нея одного изъ плательщиковъ должна была разверстать его долю податей на всѣхъ оставшихся членовъ; чтобы эта разверстка не отозвалась неблагопріятно на матеріальномъ благосостояніи общины, былъ установленъ „окупъ". Эти ограниченія въ правѣ свободнаго перехода относятся лишь къ тяглымъ крестьянамъ, пользовавшимся участками общинной земли и потому обязаннымъ тянуть всѣ размѣты и разрубы. Люди нетяглые, вольные, не имѣвшіе собственнаго тягла, не были ограничены въ правѣ перехода. Вольными людьми являются: 1) сыновья при отцахъ, племянники при дядяхъ, братья при тяглыхъ братьяхъ и 2) подсусѣдники, задворные люди и захребетники; такъ назывались вообщее одинокіе, не имѣющіе собственнаго хозяйства, лица, которыя не находя для себя удобнымъ или не имѣя возможности сдѣлаться самимъ людьми тяглыми, поселились во дворѣ тяглаго человѣка, помогая ему личнымъ своимъ трудомъ и получая отъ него

за это готовое содержаніе. Не будучи членами крестьянскихъ общинъ, всѣ эти лица составляютъ классъ вольныхъ, гулящихъ людей, кочующихъ изъ одной области въ другую, классъ, къ концу XVI вѣка разросшійся до крайнихъ предѣловъ. Гулящіе люди называются также казаками. Съ гулящими людьми не слѣдуетъ смѣшивать бобылей—тяглыхъ крестьянъ, но сидящихъ не на полномъ надѣлѣ, а только на половинномъ; въ остальномъ они являлись полноправными и имѣвшими даже голосъ въ общинныхъ дѣлахъ. Классъ бобылей возникъ вслѣдствіе тяжести податей и повинностей.

Злоупотребленія со стороны мѣстныхъ управленій вызываютъ вообще стремленіе крестьянъ переходить изъ одной общины въ другую, разбѣгаться по сельскимъ и городскимъ общинамъ, закладываться за монастыри и частныя вотчины; все это вызываетъ безчисленныя жалобы крестьянскихъ общинъ на тяжести податей и на опустѣніе ихъ земель.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ изученію мѣръ, предпринимаемыхъ Московскимъ правительствомъ противъ указанныхъ непорядковъ, разсмотримъ крестьянскую общину, какъ сферу, въ которой силенъ каждый крестьянинъ, и внѣ которой онъ не можетъ быть названъ полноправной единицей русскаго населенія. Община была необходима для крестьянъ, потому что именно черезъ нее получалъ онъ извѣстныя права. Общину составляли всѣ крестьяне Московскаго государства. 1) Крестьяне — общинники составляли волости, управляемыя выборными начальниками—волостными старостами. Волости дѣлились на села, деревни, и починки; къ нимъ приписанныя села, деревни составляютъ второстепенную сельскую общину съ сельскимъ старостой во главѣ. 2) Крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, составляютъ вотчины, ограничивающіяся всей массой земель, принадлежащихъ одному владѣльцу. При значительности этихъ земель, общину крестьянскую составляетъ нѣсколько соединенныхъ вмѣстѣ меньшихъ владѣній вотчины, наоборотъ, при незначительности этихъ земель крестьяне тянутъ къ сосѣдней волостной общинѣ. 3) Точно также и общины крестьянъ—своеземцевъ составляются или изъ цѣлой массы крестьянъ—своеземцевъ или же они тянутъ къ общинѣ волостной. Волостная община имѣла громадное значеніе въ русской жизни. Органомъ ея дѣятельности является общинное собраніе волости или сельская сходка. Волостная сходка рѣшаетъ общинныя дѣла, избираетъ должностныхъ лицъ и завѣдуетъ находящейся въ общинѣ землею. Она защищаетъ землю отъ посторонняго посягательства, прикупаетъ новые участки, продаетъ ненужное, раздѣляетъ изъ общинныхъ земель тягла между членами общины, производитъ всеобщую передачу. Общинное землевладѣніе имѣло важное значе-

ніе въ древней Руси, замѣняло для крестьянъ поселенцевъ право частной поземельной собственности и предотвращало для русскаго общества возможность появленія пролетаріата. Самодѣятельность русской общины проявлялась во 1-хъ, въ участіи общины чрезъ посредство выборныхъ изъ среды ея членовъ въ судѣ мѣстныхъ правителей. Судебники безусловно запрещаютъ судьямъ отправленіе суда безъ выборныхъ представителей отъ общины. Во 2-хъ, община сама обладала правомъ юрисдикціи въ гражданскихъ тяжбахъ своихъ членовъ. Въ 3-хъ, всѣ члены общины были связаны между собой круговой порукой; круговая порука проявляется въ сферѣ уголовнаго права, въ случаѣ совершенія въ предѣлахъ общины смертоубійства (платежъ дикой „виры" за невыдачу убійцы), а также въ сферѣ финансоваго права, такъ какъ община платитъ всю сумму, падающихъ на нее податей, раскладывая ее сама между отдѣльными членами. Въ 4-хъ, самодѣятельность общины проявлялась въ устройствѣ ея внутренняго быта и въ охраненіи безопасности и спокойствія отдѣльныхъ членовъ. Въ 5-хъ, наконецъ, самодѣятельность общины проявилась въ губныхъ учрежденіяхъ и въ устройствѣ общиннаго самоуправленія, дарованнаго Іоанномъ IV.

История прикрѣпленія крестьянскаго сословія. Неустроенность русской земли, русскихъ крестьянъ XVI в., финансовыя тягости, еще болѣе увеличившіяся вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ съ Щвеціей, Литвой и Крымомъ; злоупотребленія правительственныхъ должностныхъ лицъ, грабежи и разбои производили страшную разладицу во внутреннемъ быту крестьянскаго населенія; изыскивая средства избавиться отъ разорительнаго платежа финансовой тягости, крестьяне массами бродили по русской землѣ и даже иногда разбѣгались изъ своихъ общинъ, когда дѣло доходило до раскладки на нихъ платежей. Волости и села пустѣли, поля оставались необработанными, финансовыя дѣла государства приходили въ окончательный упадокъ и разстройство, между тѣмъ государственныя потребности и расходы возрастали все болѣе и болѣе. Служилые люди стали жаловаться, что имъ не съ чего „нести государственную службу", такъ какъ ихъ вотчины и помѣстья за недостаткомъ рабочихъ рукъ остаются необработанными. И вотъ, государство ради всего этого рѣшается предпринять совершенно новую и энергичную мѣру: оно издаетъ указъ о повсемѣстномъ прикрѣпленіи тяглыхъ крестьянъ къ землѣ. Время этого указа, равно какъ и онъ самъ въ подлинникѣ не извѣстны; можно предположить, что изданъ былъ въ первый годъ царствованія Феодора Ивановича. Изданные послѣ прикрѣпленія указы 1597 г., 1601 г. свидѣтельствуютъ, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ послѣдовало относительно

всѣхъ тяглыхъ крестьянъ. Съ уничтоженіемъ свободнаго перехода крестьянъ, съ отмѣной права Юрьева дня тяглые крестьяне, перешедшіе съ одной земли на другую, стали называться бѣглыми, и землевладѣльцамъ было предоставлено право судомъ и сыскомъ возвращать крестьянъ на прежнія мѣста жительста. Первоначально это право ограничивалось извѣстнымъ срокомъ давности въ 5 лѣтъ. Сбѣжавшій съ земли и укрывавшійся въ теченіи 5 лѣтъ крестьянинъ могъ на 6-й годъ садиться, гдѣ угодно и землевладѣлецъ теряетъ всякое право требовать его возвращенія. Сначала прикрѣпленіе крестьянъ вызвало полное неудовольствіе съ ихъ стороны, видя въ немъ ограниченіе свободы своей личности, и со стороны землевладѣльцевъ, видѣвшихъ въ немъ ограниченіе своего права выбора крестьянъ на своей землѣ, обязательности держать противъ воли нерадивыхъ безъ возможности замѣнить ихъ лучшими. Такимъ образомъ, въ началѣ прикрѣпленіемъ крестьянъ заинтересовано было одно лишь правительство, такъ какъ при осѣдлости крестьянскаго населенія оно могло вести болѣе правильный контроль надъ сборомъ податей и отправленіемъ повинностей. Въ царствованіи Бориса Годунова замѣчается какъ будто стремленіе Московскаго правительства возвратиться къ старому порядку вещей, замѣчается какъ будто сознаніе своихъ ошибокъ, невѣрнаго пути къ исправленію и пополненію нуждъ государства. Московское правительство возстановляетъ прежнюю свободу перехода и прежнее право Юрьева дня, по крайней мѣрѣ относительно имѣній незначительныхъ владѣльцевъ и притомъ находящихся внѣ предѣловъ Московскаго государства. Въ эпоху Михаила Феодоровича исчезаетъ уже всякое колебаніе правительства между старыми и новыми порядками, и крѣпость крестьянъ къ землѣ является уже вполнѣ установившимся фактомъ, на что повліяли событія смутнаго времени. Указъ 1640 г. увеличиваетъ даже прежній давностный срокъ, прежнее урочное число лѣтъ для права возвращенія бѣглыхъ крестьянъ 10-ти и 15-ти годовой; 10-ти лѣтній срокъ для крестьянъ самовольно убѣжавшихъ и 15-ти лѣтній—для насильно связанныхъ новыми владѣльцами. За каждый годъ, проведенный въ бѣгахъ, съ бѣжавшаго крестьянина опредѣляется штрафъ въ размѣрѣ 5-ти рублей. Такъ какъ прикрѣпленіе преслѣдовало сначала государственныя финансовыя цѣли, то оно было только для тяглыхъ крестьянъ; гулящіе же люди остались внѣ указа о прикрѣпленіи. Впрочемъ этотъ классъ гулящихъ людей все больше и больше уменьшался послѣ прикрѣпленія крестьянъ, по мѣрѣ принятія на себя тягла его представителями. Всѣ же разряды тяглыхъ крестьянъ (владѣльцы дворовъ, своеземцы, черные—крестьяне общинники), всѣ они безъ исключенія приписаны были къ землѣ.

Послѣдствія прикрѣпленія крестьянъ заключаются въ томъ, 1) что крестьянинъ не могъ уже оставить той земли, на которой засталъ его указъ о прикрѣпленіи; 2) землевладѣлецъ не могъ согнать его съ земли; 3) самыя земли, находившіяся во владѣніи крестьянъ въ моментъ ихъ закрѣпленія, именуясь крестьянскими, поступали уже въ безсрочное и наслѣдственное владѣніе сидѣвшихъ на нихъ крестьянамъ. Затѣмъ и крестьяне, были связаны между собой неразрывными узами.

Ограничивъ для крестьянъ свободу въ избраніи мѣста жительства, прикрѣпленіе далеко еще не убило ихъ гражданской личности, не лишило ихъ не только гражданскихъ, но и политическихъ правъ. Законодательство послѣ прикрѣпленія продолжаетъ признавать крестьянъ полноправными членами населенія. Крестьяне продолжаютъ избирать собственныхъ выборныхъ начальниковъ и проявлять тѣ же признаки самодѣятельности, какіе проявляли до прикрѣпленія къ землѣ. Крестьяне продолжаютъ стоять къ землевладѣльцамъ въ договорномъ отношеніи: помѣщикъ договаривается съ ними относительно работъ, перехода крестьянъ съ одной земли на другую и т. д. Но съ теченіемъ времени законодательство и практика стѣсняютъ мало-по малу сферу правъ крестьянскаго сословія, подготовляя полное подчиненіе крестьянъ власти ихъ господъ.

Такъ указъ 1628 г. опредѣляетъ отвѣтственность крестьянъ по обязательствамъ господъ. Если съ господина подлежитъ взысканіе на сумму не менѣе 100 руб., то въ случаѣ его несостоятельности взысканіе можетъ быть обращено на крестьянъ. Затѣмъ землевладѣлецъ, пользуясь своимъ фактическимъ преобладаніемъ надъ крестьянами, начинаетъ приписывать себѣ по отношенію къ послѣднимъ такого рода права, которыя никогда не были предоставлены имъ. Они начинаютъ своевольно распоряжаться трудомъ крестьянъ, эксплоатируя его рабочія силы, дѣлаютъ крестьянъ предметомъ частныхъ сдѣлокъ, закладываютъ, мѣняютъ ихъ и продаютъ отдѣльно отъ земель и т. п. Алексѣй Михайловичъ окончательно отмѣняетъ урочные годы 10 и 15 лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ. Его рѣшеніе примѣняется въ Уложеніи, отмѣнившемъ урочные лѣта, какъ на будущіе, такъ и на прошлые годы, предписавъ возвращать крестьянъ, сбѣжавшихъ съ земли, не стѣсняясь никакой давностью ихъ бѣгства, и возвращать не только самихъ сбѣжавшихъ, но и дѣтей прижитыхъ ими въ бѣгахъ, и даже зятьевъ, за которыхъ они во время бѣгства выдали своихъ дочерей. Несмотря на этотъ суровый характеръ, Уложеніе еще не создаетъ крѣпостного права господина на крестьянъ, не дѣлаетъ послѣднихъ частной собственностью господъ. Продолжая считать ихъ свободными членами общества, Уложеніе отличаетъ крестьянъ отъ холоповъ, т. е. отъ слугъ

несвободнаго состоянія: не дозволяетъ продажу крестьянъ отдѣльно отъ земли, позволяетъ крестьянамъ вступать въ различнаго рода договоры и обязательственныя отношенія, не спрашивая на то разрѣшенія своихъ господъ. Строгое прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ вызвало по Уложенію энергичную реакцію со стороны послѣднихъ, выразившуюся въ умноженіи случаевъ бѣгства крестьянъ со своихъ земель. Бѣгство обыкновенно на Донъ и низовья Волги соединялось нерѣдко съ грабежемъ и убійствомъ господъ, старавшихся силой удержать своихъ крестьянъ. Указомъ 1658 г. правительство принимаетъ строгія мѣры противъ бѣгства крестьянъ, предписывая нещадно бить бѣглецовъ батогами, а употреблявшихъ насиліе по отношенію къ господамъ, ловить и вѣшать. Послѣ изданія Уложенія еще болѣе усилились злоупотребленія землевладѣльцевъ по отношенію къ ихъ крестьянамъ. Фактъ мѣны и продажи крестьянъ безъ земли къ концу царствованія Алексѣя Михайловича начинаетъ пріобрѣтать законное основаніе, чему далъ поводъ царскій указъ 1675 г. 13 октября. Этимъ указомъ царь позволилъ своему фавориту боярину Матвѣеву записать за собой крестьянъ по сдѣлочной записи въ мѣстномъ приказѣ. Другіе вотчинники и помѣщики, не преминули воспользоваться этимъ указомъ, открыто записывали въ приказъ пріобрѣтеніе крестьянъ безъ земли, якобы по указу 1675 г. Такимъ образомъ, этотъ указъ открылъ широкій путь развитію крѣпостного права. Привыкая смотрѣть на крестьянъ, какъ на прикрѣпленіе самой ихъ личности, ихъ господа начинаютъ брать малолѣтнихъ крестьянъ въ свою дворню, сравнивая ихъ такимъ образомъ съ холопами. Это фактическое сравненіе было подтверждено юридической ревизіей 1719 г., сдѣлавшее крестьянъ полнымъ объектомъ крѣпостного права землевладѣльцевъ. Крайнихъ предѣловъ развитія крѣпостное право достигло въ правленіе Петра II и Екатерины II, когда крестьяне лишились даже права жаловаться на своихъ господъ. Со времени Императора Павла I замѣчается въ нашемъ законодательствѣ тенденція, если не къ полной отмѣнѣ крѣпостного права, то по крайнѣй мѣрѣ къ обузданію своеволія и злоупотребленія помѣщичьей власти. 19-го февраля 1861 года крѣпостное право было отмѣнено. Съ точки зрѣнія исторіи эта отмѣна была вполнѣ справедливой, потому что крѣпостное право не оправдывается въ нашемъ отечествѣ никакими историческими причинами; оно было противно духу русской народности, явившись въ нашемъ быту явленіемъ патологическимъ, аномаліей, вызванной тенденціей поправить неудачную организацію финансовой системы Московскаго государства.

Отмѣна крѣпостного права не могла быть не своевременной: она ничего не производила новаго, возстановила лишь прежній нормальный порядокъ вещей.

ВМѢСТО ОГЛАВЛЕНІЯ.

Программа по исторіи русскаго права, утвержденная факультетомъ отъ 12 марта 1909 года. *)

I. УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ.

а) Русь удѣльно-вѣчевая.

---

*) Цифры въ скобкахъ указываютъ страницы настоящаго учебника.

7 бил. Внутреннiй строй русскаго государства и земщины въ эпоху удѣльно-вѣчевого уклада. Вѣче. Его понятie, историческое значенie, отношенie къ княжеской власти, организацiя и предметы вѣдѣнiя (42—45).

8 бил. Княжеская власть. Ея характеръ и отношенie къ земщинѣ. Историческое значенie удѣльной системы. Порядокъ распредѣленiя столовъ между князьями (добыванie). Договорное начало въ отношенiяхъ князей между собою (княжескie съѣзды). Функцiи княжеской власти (45—48).

9 бил. Дружина. Ея происхожденie, составъ и отношенie къ князю и земщинѣ. Установленie на Руси удѣльно-вѣчевого уклада. Территорiально-административное дѣленie и органы княжескаго и земскаго управленiя (48-56).

б) Русь эпохи мѣстныхъ законовъ.

10 бил. Татарскiй погромъ и его историческое воздѣйствie на судьбы русской земли. Сѣверно-русскiя народоправства. Особенности политическаго, общественнаго и правового строя Новгорода и Пскова. Памятники мѣстнаго вѣчевого законодательства. Внѣшняя исторiя Псковской Судной Грамоты (57—63).

11 бил. Зарожденie Московскаго великаго княженiя. Историческiя условiя и влiянie, подъ взаимодѣйствieмъ которыхъ совершилось дѣло Московской централизацiи. Начальная законодательная дѣятельность великаго княженiя Московскаго (63—69).

II. МОСКОВСКIЙ ПЕРIОДЪ.

12 бил. Источники права Московскаго перiода. Развитie законодательства путемъ изданiя отдѣльныхъ грамотъ (грамоты уставныя, судныя, жалованныя, губныя и таможенныя). Судебники 1497-го и 1550-го годовъ и дополнительные къ нимъ указы; записныя книги приказовъ (66—71).

13 бил. Уложенie царя и великаго князя Алексѣя Михайловича (1649 г.). Исторiя его редакцiи, санкцiи и обнародованiя. Источники уложенiя и характеристика его внутренняго содержанiя (71—74).

14 бил. Новоуказанныя статьи. Ихъ значенie, происхожденie и общая характеристика. Памятники церковнаго права: сборникъ Стоглавъ и печатная Кормчая книга (74—78).

15 бил. Верховная власть въ Московскомъ государствѣ, ея существо, преемство, права и преимущества. Земскie соборы: ихъ исторiя, виды организацiя и значенie съ точекъ зрѣнiя исторiи и права (78—93).

16 бил. Центральное управленіе Московскаго государства Боярская дума и приказы. Исторія, организація и предметы вѣдомства этихъ государственныхъ установленій (93—97).

17 бил. Мѣстное управленіе Московскаго государства. Территоріально-административное дѣленіе государства. Системы мѣстнаго управленія, предшествовавшія введенію воеводскаго управленія. Исторія и организація воеводскаго управленія (97—104).

18 бил. Обзоръ предметовъ вѣдомства воеводскаго управленія. Губной институтъ; его исторія, организація, вѣдомство и отношеніе къ приказному управ. (104—112).

19 бил. Исторія сословій въ Московскомъ государствѣ. Служилый классъ, исторія реорганизаціи и закрѣпленія его въ Московскомъ государствѣ. Внутренняя организація служилаго класса. Служилые чины. Мѣстничество (112—121).

20 бил. Вотчинная и помѣстная системы; ихъ исторія значеніе въ государственномъ строѣ Московской Руси. Условія и порядокъ верстанія помѣстьями. Право наслѣдованія въ вотчинахъ и помѣстьяхъ (121—126).

21 бил. Городское (посадское) населеніе. Право владѣнія городскими дворами. Исторія закрѣпленія и внутренняя организація городского населенія (126—131).

22 бил. Исторія крестьянскаго населенія Крестьяне до эпохи прикрѣпленія ихъ къ землѣ (общинный строй), землевладѣніе, право перехода. Крестьянское прикрѣпленіе и начальные моменты развитія рѣпостного права (131—139).

